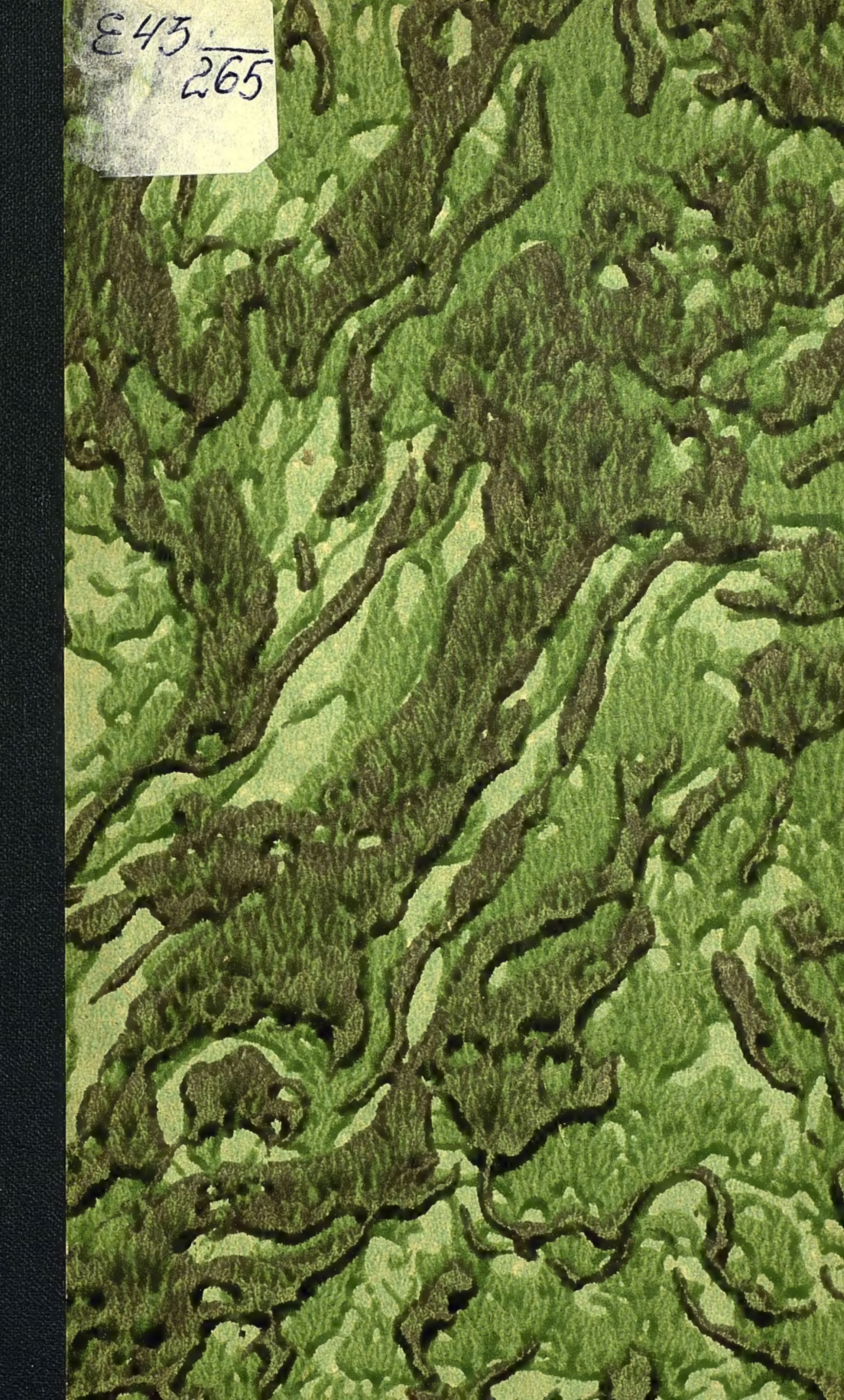

Е43
265

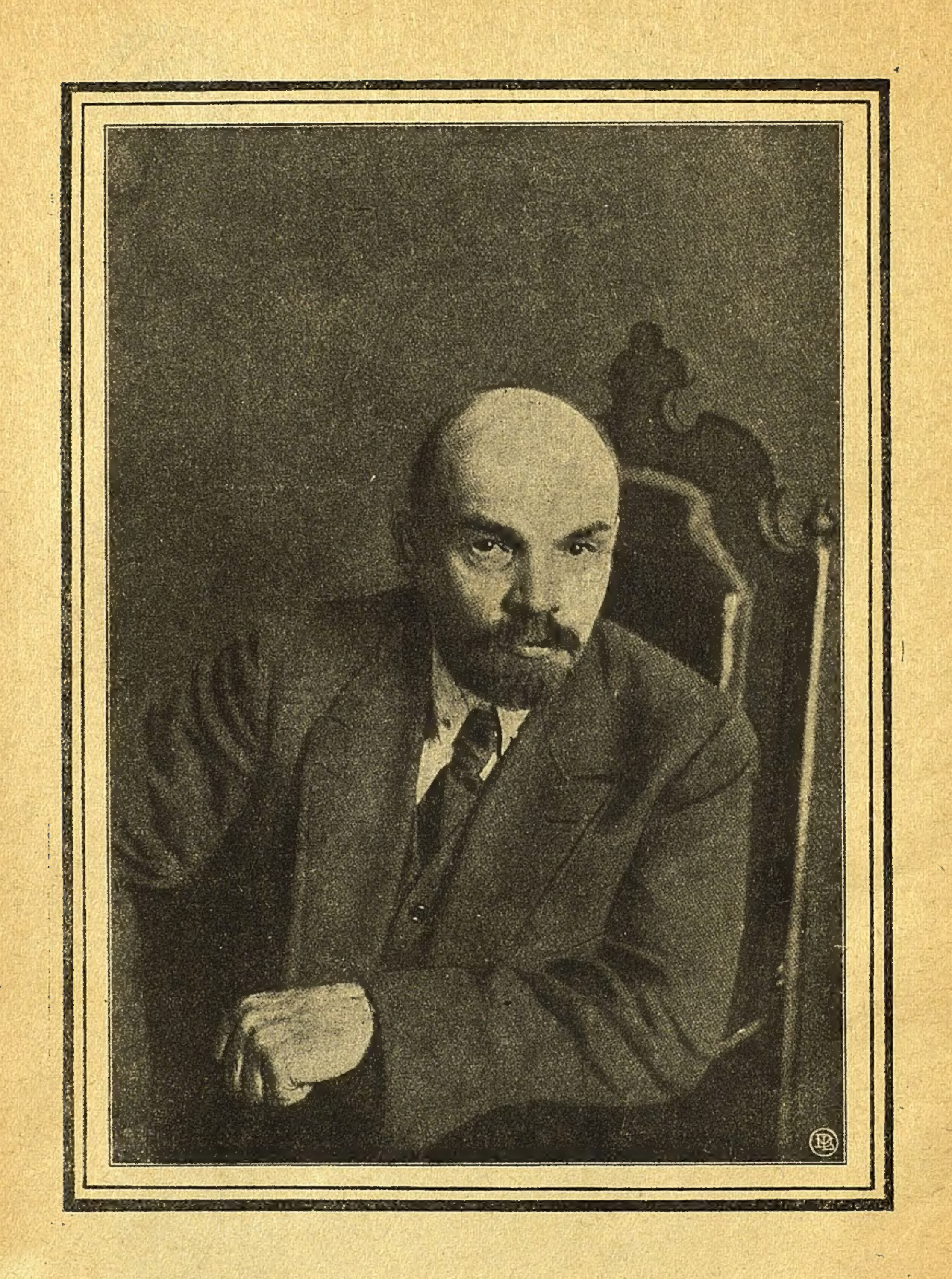
ЛЕНИН

АНРИ
ГИЛЬБО

АК

1-й экз с фонда

ИЗД
ПРИБОЙ

АНРИ ГИЛЬБО

Владимир Ильич ЛЕНИН

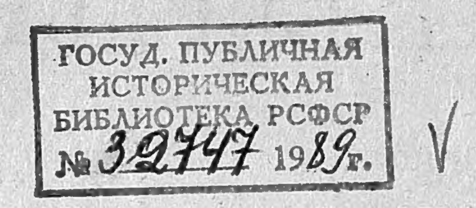
Описание его жизни

Издательство «ПРИБОЙ» Ленинград.

Настоящий русский перевод книги А. Гильбо просмотрен сестрой Ленина—А. И. Елизаровой, внесшей в него некоторые фактические поправки относительно жизни и деятельности Владимира Ильича.

Ленинградгублит № 10192. Тираж 10.000

Гос. тип. им. т. Зиновьева, Ленинград, Социалистическая, 14.

Вам, дорогой Владимир Ильич,
Вам, истинно великому товарищу, которого я знал
во время неблагодарной подпольной борьбы,
посвящаю я
в знак моего дружеского и непоколебимого
уважения этот скромный очерк
Вашей жизни, Ваших деяний, Вашего дела,
которые все так просты и вместе с тем так
прекрасны.

БЕРЛИН, январь, 1923 г.

А. Г.

На другой день после отставки Ллойд-Джоржа Троцкий сказал, что из всех правительств, возникших на исходе войны, одно только Советское Правительство оказалось устойчивым. Действительно, правительство рабочих и крестьян в России, несмотря на все те страшные препятствия, которые ему все время ставятся, остается твердым и непоколебимым, а человеком, главным образом, представляющим это правительство перед всем миром и перед всей Россией, является Владимир Ильич Ленин.

Давным давно ни одного человека так не любили, не уважали и не признавали. И все же было время, когда можно было сказать, что никого так не ненавидели, не презирали, ни на кого так не клеветали, как на Вл. Ил. Ленина. Это делали и те, кто называет себя социалистами, и те, кто открыто признают себя контр-революционерами.

Владимир Ильич—он великий среди великих, это—фигура, вокруг которой уже в изобилии создаются легенды. Революционер, долго остававшийся неизвестным, был отправлен в ссылку, эмигрировал за-границу, которого потом презирали и ненавидели и который вдруг мощно, своей силою, подчинил весь мир своей программе, провел ее, взял власть и стал тем человеком, который одновременно воплотил в себе тоску русского народа и неискоренимые надежды рабочих всего мира. В избе самой далекой окраины его портрет висит рядом с иконой святого, а для многих министров и политиков великих держав стало кокетливой необходимостью с парламентской трибуны полемизировать против него.

Деспот, крайний фантаст, жалкий главарь партии, склочник, немецкий шпион, предатель—так называли его пять лет тому назад. Сегодня его сравнивают с Петром Великим. «Ни один человек, даже Петр Великий, не имел больше влияния на судьбы моего отечества, чем Ленин», говорит в предисловии к своей книге, всецело посвященной ему, один русский, сам причисляющий себя к «контр-революционерам». «Россия, пишет он далее,

дала миру крупнейшие умы и глубоких мыслителей. Но никто из них так не влиял на запад, как этот фантаст, который, может быть, даже не очень умен» [1]. В то же время издательство «Аванти» в Италии выпустило в продажу медаль, где рядом с портретом Ленина помещена надпись: «ex oriente lux» (свет с востока).

Люди, как Ленин, рождаются только раз в пятьсот лет, говорил о нем Зиновьев, а Горький, не раз сравнивавший его с Петром Великим, выражается так: «Он не только человек, на волю которого история возложила страшную задачу развороттить до основания пестрый, неуклюжий, ленивый человеческий муравейник, именуемый Россией,—его воля неутомимый таран, удары которого мощно сотрясают монументально построенные капиталистические государства запада и тысячелетиями сделавшиеся глыбы отвратительных рабских деспотий востока» [2].

На склоне своей жизни Жорж Сорель, известный автор «Размышлений о насилии», писал намекая на тех, кто его «обвинял», что он повлиял на Ленина: «У меня нет ни малейшей причины предполагать, что Ленин из моих книг черпал мысли, но еслиб это было так, то я бы не мало гордился тем, что оказал содействие духовному росту человека, который, мне кажется, является самым крупным теоретиком социализма со времен Маркса и государственным вождем, гениальность которого напоминает гениальность Петра Великого» [3].

Наконец, следует еще отметить предсмертные слова русского ученого К. Тимирязева: «Я счастлив, что был современником Ленина».

Имя, жизнь, деяния этого великого социального реформатора, этого редкого гениального политика—уже сегодня принадлежат истории. Пришло время, когда можно попытаться набросать образ, точную характеристику того, кто дал новый мощный толчек мировому механизму.

---

[1] Н. А. Ландау-Алданов. Ленин. Париж. Поволоцкий и К⁰, 1919.

[2] Максим Горький. Владимир Ильич Ленин. Петроград. Коммунистический Интернационал, № 12. Июль, 1920 г.

[3] Жорж Сорель. «Рассуждение о насилии», 5 издание. Речь в защиту Ленина. Париж, 1921 г.

I.

ЕГО ЖИЗНЬ.

I. ГОДЫ УЧЕНИЯ.

Владимир Ильич Ульянов-Ленин родился 10-го апреля 1870 года в Симбирске, небольшом городе, лежащем на правом берегу Волги между Казанью и Самарой. Его отец, директор народных училищ, имел чин статского советника.

По окончании гимназии в родном городе, молодой Владимир поступил на Юридический факультет Казанского Университета; но поздней осенью того-же года был исключен оттуда. В тот год по всем русским университетам прошла волна так называемых студенческих «беспорядков»,—т.-е. протеста против невыносимого гнета как над студенчеством, так и надо всею страною.

Надо было пожить в России, видеть деревни и села различных русских губерний, чтобы понять всю гнусность царского гнета. Чтение множества научных трудов, романов, рассказов, статей, написанных о России, дает лишь бледное представление о той нищете, о том полном отсутствии всякой гигиены, о той безграмотности, в которые русская система помещичьего хозяйства повергла миллионы и десятки миллионов крестьян. Хижины, в которых взрослые, дети, крупный и мелкий скот живут и спят в тесном соседстве и пестром беспорядке; люди, напоминающие рабов былых времен и не могущие позаботиться ни о своем физическом благосостоянии, ни о своем образовании. В городах же на рабочих налагали ни за что ни про что денежные штрафы, сводившие почти к нулю незначительную заработную плату, с трудом вырванную у фабрикантов и владельцев мастерских.

Лучшие представители молодежи того времени, страстно болея душою за положение народа, шли на единственную возможную тогда борьбу,—на террор. В их числе были старший

брат Владимира Ильича, Александр Ильич, влияние которого на младшего брата было очень сильно.

1-го марта 1881 года революционерами убит был Александр II. Безжалостный отпор революционерам, выразившийся в казнях и в пожизненном заключении в Шлиссельбурге, не умерил мужества тех, кто решился во что бы то ни стало побороть абсолютизм и угнетение. Будучи студентом Петербургского Университета, Александр Ильич вступил в террористическую организацию, которая решила организовать покушение на Александра III. Установили день: 1-ое марта 1887 года. Чтобы не возбуждать подозрений, решено было бомбам, которые предполагалось бросить в карету проезжавшего царя, придать форму книг. Но едва заговорщики вышли на улицу, как они уже были арестованы. Александр Ильич и четверо других были повешены.

Это было последним актом индивидуального террора. В сущности, Александр Ильич уже сам несколько отошел от этих взглядов, он жил в переходное время, когда вера в «Народную Волю» стала слабеть, а рабочее движение еще только зарождалось. Поэтому, хотя он и изучал «Капитал», он не стал еще социал-демократом. Все же Александр Ильич намеревался издать социалистический сборник, первой статьей которого должна была быть статья К. Маркса о философии Гегеля, переведенная им на русский язык. Разочарование и пессимизм среди членов «Народной Воли» были велики. Казалось, что ничего уже нельзя предпринять против царизма, крепко поддерживаемого реакционной буржуазией всего мира.

Полный надежд в предстоящей борьбе, Владимир Ильич упорно устремлял взоры в сторону самых отдаленных горизонтов: он изучил научный социализм, он выработал теорию массового действия, и вскоре пришел к убеждению, что в России можно найти средство, в один прекрасный день свергнуть царскую власть. Еще раньше некоторые русские интеллигенты, покинувшие Россию, поселились за границей и там уже тщательно изучали марксизм. В 1883 г. они основали группу «Освобождение Труда». В числе основателей были Плеханов, переводивший Карла Маркса, Вера Засулич и Лев Дейч.

Ленин сам рассказывал, что еще в Казани он пришел к убеждению, что марксизм может освободить русский народ от царизма и от буржуазии, и что рабочий класс должен быть основной силой этого нового движения. Ленин задавал себе вопрос: есть-ли в настоящее время в России другие люди, стоящие на одинаковой с ним точке зрения. Он изучал марксизм и искал единомышленников, готовых выступить в борьбу новыми методами. Этим заполнены были 1890, 1892 и 1893 годы. Ленин искал, и он нашел; он нашел единомышленников, как среди интеллигенции, так и среди рабочих.

Им была основана марксистская группа в Петербурге в 1894 году. Большинство интеллигентов считало план и мысли Ленина фантастическими и бессмысленными, но Владимир Ильич упорно настоял на своем, уже уверенный в победе. Ему беспрестанно возражали, что в России нет рабочего класса, что Россия вообще страна земледельческая и почти исключительно населенная крестьянством, но Ленин и его товарищи, дружно поддерживаемые из-за границы членами группы «Освобождения труда», приступили к фундаментальной, медленной, трудной, но плодотворной работе.

Неграмотные рабочие ничего не понимали в политической борьбе и не понимали даже многого из своих непосредственных экономических интересов. У них не было классового сознания, они не знали даже о существовании такого сознания. Каждый рабочий эгоистически думал только о самом себе, о своем благосостоянии, он мечтал об улучшении своего личного положения. Это, однако, удавалось ему очень редко. Нужно ясно представить себе рабочий класс того времени, чтобы понять трудность той гигантской задачи, за которую бодро взялся Ленин. Сегодня это дело кажется простым, прежде всего на западе, где промышленность и социалистическое движение раньше и быстрее развивались, чем в России.

Что делал Ленин?

Он познакомился с рабочими, беседовал с ними и расспрашивал их. Он близко принимал к сердцу их жалобы на надувательства мастеров, на денежные штрафы и на низкий уровень заработной платы, выдаваемой им хозяином. Он записывал эти сведения, придавал им форму требований; тайно печатались листовки соответствующего содержания и распространялись среди рабочих. Ленин искусно умел использовать эти мелочи из повседневной жизни рабочих, и ему удалось разбудить в рабочем сознание его классовых интересов. Это был тот рычаг, который многие годы спустя привел пролетариат России к восстанию.

Над этой чертой характера—вниманием к мелочам—довольно многие интеллигенты улыбаются, а между тем это безусловная особенность и одна из крупнейших черт личности Владимира Ильича Ленина. Она показывает удивительное понимание движения масс; она же показывает, до какой степени Ленин понимал душу рабочего. В дальнейшем он пополнял свои знания, развивал свой дар оратора и полемиста; появились его первые теоретические статьи. Тот, кто не сумеет оценить этой основной черты Ленина, тот никогда не сумеет понять, как смог он воодушевить рабочие массы России и мировой пролетариат.

Так он сосредоточил всю свою силу, казалось бы, на незначительных вещах, по поводу которых литераторы, эстеты,

крупные умы пожали бы только плечами. Дошло до того, что в Петербурге он организовал действительное об'единение рабочих; оно получило название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»; к нему примыкали наиболее передовые рабочие, как Бабушкин, который в 1905 г. был расстрелян генералом Ренненкампфом, и Шелгунов, потерявший в царских тюрьмах и в ссылке зрение, который и теперь, когда пишутся эти строки, живет в Москве, и некоторые студенты.

Жизненность об'единения проявилась скоро. Доказательством тому—первая забастовка текстильщиков, в которой участвовало 40.000 рабочих,—цифра огромная по тому времени. Эта забастовка обнаружила силу рабочего класса и его способности. Ленин был арестован и выслан в Сибирь вместе со своими сотоварищами. А начавшееся движение распространялось все шире, и число членов ядра об'единения продолжало рости в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Екатеринославе, Одессе и на Урале. Скоро в промышленных центрах дошло до того, что значительному количеству рабочих казалось необходимым об'единяться к борьбе против двойного угнетения, экономического и политического. И образование основного ядра, которое должно было руководить русскими рабочими в будущих боях и об'единить их с пролетариями Запада, оказалось самым верным и действительным средством.

Ленин, вступивший в политическую жизнь на грани двух эпох, действуя в направлении пробуждения классового сознания рабочих, одновременно вел борьбу против народников. Он открыто высказался против ветерана «Народной Воли» Н. К. Михайловского, но сохранил большое уважение к борцам, жертвовавшим своею жизнью в борьбе против царизма. «Никто—говорит Зиновьев,—никто так не уважал, никто так не учил рабочих уважению к этим первым борцам против царизма, как Владимир Ильич. Для товарища Ленина недосягаемо высоко стоят такие деятели, как Желябов и Софья Перовская—люди, которые поднимали знамя восстания и шли с бомбой и револьвером против царя в конце 70 и в начале 80 годов, когда Россия была тюрьмой народов, когда тяжело дышалось в ней друзьям свободы, когда рабочие в России только еще начинали складываться в класс. Владимир Ильич понимал, как поистине велика и необ'ятна заслуга первых глашатаев русской революции» [1].

Во время забастовки текстильщиков Ленин издал свою первую нелегальную брошюру «О штрафах»; здесь он об'единил свои наблюдения и развивал, исходя из них, революционное учение, таким образом, что сделал марксизм, научный социализм, доступным пониманию самых отсталых масс.

---

[1] Г. Зиновьев. Н. Ленин. Петроград, 1918 г., стр. 12.

будем создавать самостоятельную классовую социалистическую партию рабочих, борющихся уже сейчас и против царизма и против буржуазии» [1].

Аксельрод и небольшая группа «Освобождения труда» были в восторге от чтения этой небольшой брошюры Ленина, изданного без имени автора с предисловием Аксельрода. Луначарскому, который в то время тоже жил за границей, Аксельрод сказал: — «Теперь можно сказать, что и в России есть настоящее социал-демократическое движение и выдвигаются настоящие социал-демократические мыслители».—«А Струве, а Туган-Барановский?» спросил Луначарский, для которого, как для большинства русских интеллигентов, имя Струве имело наибольшее значение. Загадочно улыбаясь, Аксельрод сказал:— «Да, но Струве и Туган-Барановский—все это страницы русской университетской науки, факты из истории эволюции русской ученой интеллигенции, а Тулин [2], — это уже плод русского рабочего движения, это уже страница из истории русской революции».

Глубокий, об'ективный и остроумный анализ экономических условий России и их революционных последствий—таково содержание другого труда, написанного Лениным во время ссылки: «Развитие капитализма в России». Здесь мы находим применение всего основного учения марксизма к России. Зиновьев рассказывает о том сильном впечатлении, какое эта книга производила на всех, и об отзыве, данном об этой книге в 1902 г. в Париже в школе социальных наук, профессором Ковалевским: «Какой огромный фурор произвел-бы Ленин в качестве профессора!»

И это, действительно, правда, ибо Ленин в высшей мере обладает теми педагогическими способностями, которых можно требовать от хорошего профессора. Он умеет весьма просто об'яснить самые запутанные проблемы и сделать сложные социальные и политические вопросы доступными пониманию культурно отсталых крестьян и рабочих.

В то же время, когда он усиленно занимался чтением и писал свои труды, Ленин не переставал думать о задаче более близкой к действительности, необходимость которой была более непосредственной — об организации мощной, готовой к бою рабочей партии. Он не думал, что рабочий класс должен пройти продолжительную учебу, чтобы от экономической борьбы перейти к политической. Он уже видел, как образовалось течение, которому надо было создать мощное и решительное противодействие. Это была школа «экономистов», которая тогда сло-

---

[1] Г. Зиновьев. Н. Ленин. Петроград, 1918 г., стр. 18.
[2] Псевдоним Вл. Ил. Ленина.

жилась среди рабочих групп и в особенности среди интеллигентов. «Предоставим политическую борьбу буржуазии»—говорили вожди этих групп: «Ее должна вести буржуазия. Рабочий же класс пусть ведет борьбу на экономической почве». Самым способным и сильным представителем этого течения, которое является марксизмом, лишенным его революционной сущности, оскопленным марксизмом, стал Петр Струве.

Ленин создал организационный план: так как царская власть сделала невозможным создание основного ядра в самой России, центр, поддерживающий постоянную связь с рабочим классом России, должен находиться заграницей. Этот центр должен был посвятить себя пропаганде и действию, в стороне от непосредственной опасности.

По окончании ссылки Ленин основал за границей газету «Искра», оказавшую впоследствии огромное влияние на русское и международное рабочее движение. Этот орган, деятельным сотрудником которого был Мартов, выходил под эпиграфом:— «Из искры возгорится пламя»—слова, которыми декабристы ответили когда-то поэту Пушкину на его послание. Владимир Ильич и в «Искре» упорно защищал свою радикальную точку зрения и настаивал на необходимости создания «организации профессиональных революционеров». Царизм — лютый враг — таков был ход его мыслей — и для успешной борьбы с этим врагом нужны люди, которые могут посвятить свою жизнь, всю свою жизнь, каждую минуту своей жизни свержению царизма. Борьбу можно вести в полном об‘еме и успешно только тогда, когда боевой фронт будет направлен в одинаковой мере и против оппортунистов и против «экономистов», учение которых вредно отражается на под‘еме движения. Необходим был железный остов, вокруг которого могло бы сплотиться все революционное пролетарское движение. Люди, способные к ведению этой двоякой борьбы, должны были посвятить себя профессии революционеров. Профессии?—Да, это действительно была профессия, налагающая печать на людей, профессия, требовавшая от них, когда нужно, жертвовать своей жизнью во имя дела, за которое они борются. Революционное движение требует не кустарей, не более или менее способных ремесленников, но действительных профессионалов-техников.

«Пусть не обижается на меня за это резкое слово ни один практик,—так писал Ленин—ибо, поскольку речь идет о неподготовленности, я отношу его прежде всего к самому себе. Я работал в кружке, который ставил себе широкие, всеоб‘емлющие задачи,—и всем нам, членам этого кружка, приходилось учительно, до боли страдать от того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам органи-

зацию революционеров—и мы перевернем Россию! И чем чаще мне потом приходилось вспоминать о том жгучем чувстве стыда, который я тогда испытывал, тем больше у меня накоплялось горечи против тех лже-социал-демократов, которые своей проповедью «позорят революционера сан», которые не понимают того, что наша задача не защищать принижение революционера до кустаря, а поднимать кустарей до революционеров»[1].

Как газета «Искра», так и идея создания «профессиональных революционеров» вызвали издевательства и нападки, но Ленин, нисколько не смущаясь, продолжал свою пропаганду и приступил к созданию остова, который он наметил. Россия покрылась сетью центров, состоящих из профессиональных революционеров, об'единенных в заграничном основном ядре; и вскоре началась работа среди широких народных масс. Марксистская революционная литература, издававшаяся за границей, тысячами тайных путей проникала в Россию и распространялась в рабочих кварталах, на фабриках и заводах. И в каждом городе, на каждом заводе, рабочие теперь знали уже о существовании марксистской партии.

Первый представитель течения экономизма, Петр Струве, когда-то оказавший рабочему движению ценнейшие услуги, написал против народников свои «Критические заметки». Г. В. Плеханов хвалил эту книгу. Ленин, однако, уже здесь почуял весь тот оппортунизм и всю ту контр-революционную сущность, которую Струве впоследствии, действительно, выявил: «Я чувствую и знаю», говорил Ленин, «что через год, через два Струве уйдет от рабочего класса и предаст нас буржуазии». Он продолжал:

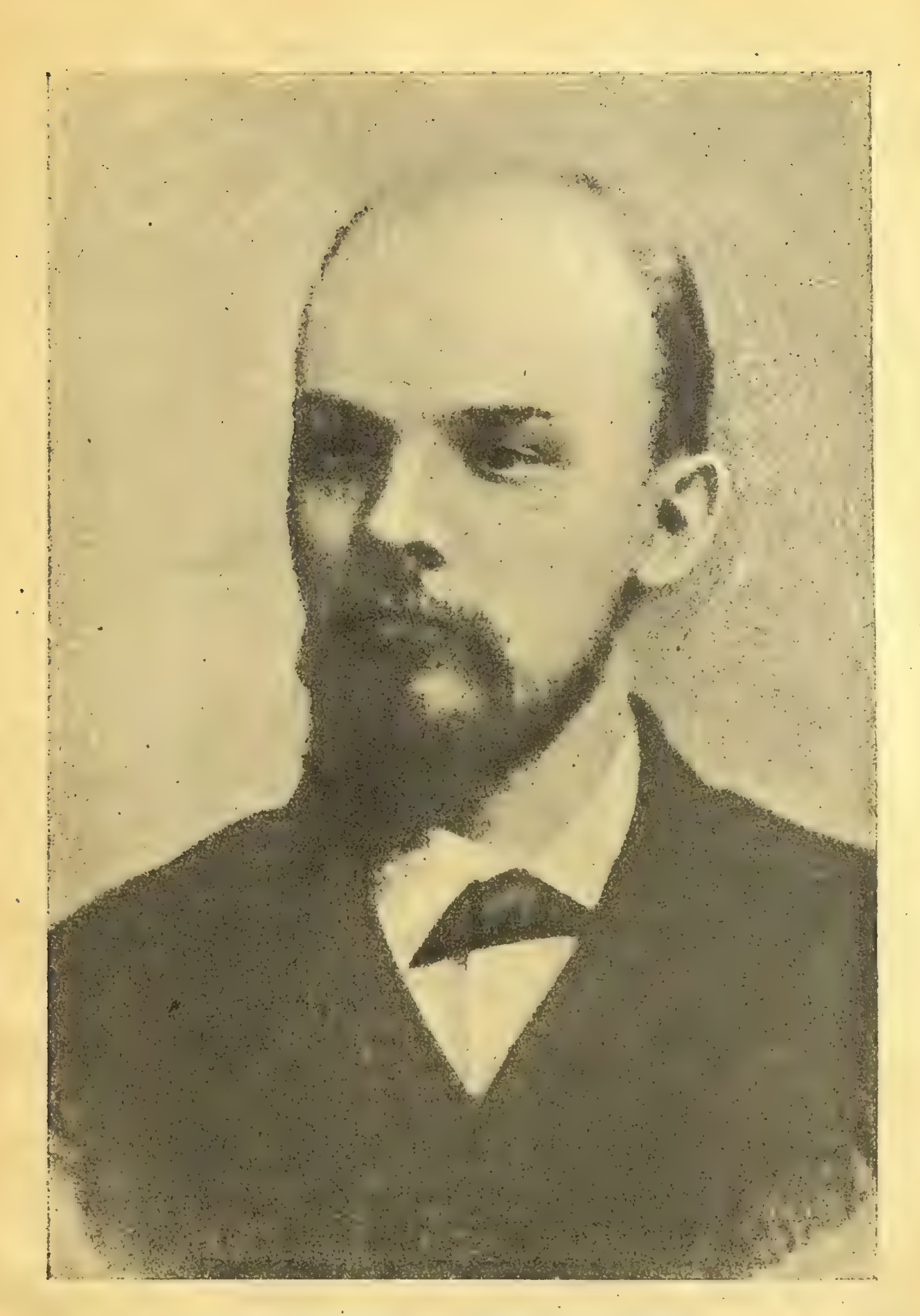
«Вы, буржуазный идеолог, вы неминуемо отойдете в стан буржуазии и порвете с рабочим классом. Вы сами виноваты в том, потому что вы смотрите на рабочий класс, как на средство, а не как на цель. Он для вас важен, как сила против царя, и вы его хотите использовать, не дав ему ничего. Позвольте вам этого не позволить. Мы до сих пор боролись против царя и буржуазии, но мы провозглашаем еще один фронт—мы будем бороться против «легального» марксизма. Мы стоим за подлинный революционный марксизм, и мы отвергаем ваш урезанный «легальный» марксизм»[2].

«Искровцы» усилили борьбу против «экономистов» до крайности. Во внезапной симпатии буржуазии к марксизму Ленин видел опасность.

Марксистские книги издавались в большом количестве. Приступили к изданию марксистских газет и журналов. Весь мир

---

[1] Н. Ленин. За 12 лет. Что делать? Петроград, 1919 г., стр. 278—279.
[2] Г. Зиновьев. Н. Ленин. Петроград, 1918 г., стр. 21—22.

В. И. ЛЕНИН в конце 90-х годов.

стал марксистским. Марксизм восхваляли везде и всюду, марксистов баловали, издатели восторгались необычайным спросом на марксистскую литературу.

Ленин руководил полемикой «Искры» против социалистов-революционеров, дальшейшее развитие которых он предопределил. Здесь подтверждается необычайная прозорливость этого человека. Уже тогда он об'явил их «авантюристами» и саботажниками революции и беспощадно разделывал их: «Вы, господа эс-эры,—представители мелкой буржуазии и ничего более».

Но Владимир Ильич, жестоко воевавший против народников, затем против «экономистов», не предполагал, что бок-о-бок с ним борются товарищи, против которых надо будет безотлагательно вступить в борьбу, еще более резкую, которая продлится до укрепления Советской власти.

В августе 1903 года за границей состоялся второй с'езд Российской Социал-Демократической Рабочей партии, на котором участвовали представители пятидесяти рабочих организаций. При принятии программы партии горячо дискуссировался ее устав, и участники с'езда раскололись на две группы—большевиков и меньшевиков. Спор шел сначала не в плоскости принципиальных вопросов, а по организационному вопросу—о формулировке первого пункта партийного устава. Вопрос шел об условиях, которые надо было поставить членам организации. Ленин стоял на той точке зрения, что членам партии должны считаться не те, кто только платит членские взносы и помогает организации, но те, кто принимает активное участие в работе партии. Большинство интеллигенции и особенно члены группы «Освобождения Труда» примкнули к меньшинству, считавшему, что членом является всякий, работающий под контролем партии,—т.-е. все попутчики. Ленин утверждал, что оппортунисты ослабляют рабочее движение, тогда как Мартов представил раскол как бунт против ленинизма. Для тех, кто поверхностно изучает историю революционного движения, этот вопрос может казаться талмудической схоластикой; но вникните в материалы с'ездов рабочих партий, кончавшихся расколом,—и вы увидите, что такие расколы, правда, неожиданно вызываются каким-нибудь второстепенным вопросом, но расколы эти всегда являются результатом долговременного брожения внутри организации.

Известие о расколе было неожиданностью для всех. «У нас,—пишет Луначарский,—было такое представление, что к нераздельной троице: Ленин, Мартов и Потресов так же точно интимно припаялась заграничная троица: Плеханов, Аксельрод и Засулич. Поэтому, известие о расколе на втором с'езде ударило нас, как обухом по голове... что Мартов и Ленин окажутся в разных

лагерях, а Плеханов «расколется» пополам—это нам совершенно не приходило в голову.

«Первый параграф устава?—Разве стоит колоться из-за этого? Размещение кресел в редакции? Да что они—с ума там сошли за границей?

«Мы были скорей всего возмущены этим расколом и старались, на основании скудных данных, которые доходили до нас, разобраться, в чем-же тут дело. Не было недостатка в слухах о том, что Ленин склочник и раскольник, во что бы то ни стало хочет установить самодержавие в партии, что Мартов и Аксельрод не захотели, так сказать, присягнуть ему в качестве всепартийного хана» [1].

Далее он говорит еще о поддержке, оказанной Ленину Богдановым, и прибавляет следующее, что является особенно характерным и показывает, какого рода были последователи Владимира Ильича.

«Вокруг Ленина не было ни одного именитого имени, но зато почти сплошь все приехавшие из России делегаты, а там после перехода Плеханова, собрались все заграничные божки».

Богданов нарисовал следующую картину положения: «Заграничная партийная аристократия не желает понять, что у нас теперь действительно партия, и что прежде всего надо считаться с коллективной волей русских практических работников». Луначарский, цитирующий Богданова, сообщает, что вскоре выявилось, что лучшие провинциальные работники те, которых Ленин называл «бактериями революции», одобрили точку зрения большевиков.

Ленин переживал тяжелые моменты, о которых его противники ничего не знали или не хотели знать. Не с легким сердцем расстался он, например, с Мартовым, с которым он был близок, с Мартовым, своим товарищем по ссылке и эмиграции и своим вернейшим сотрудником по «Искре». Ленин бродил тогда по горам Швейцарии и проверял себя: Кто прав, он или инако-мыслящие. Но он пережил кризис победоносно и решил: «хотя-бы я и остался один, я останусь верен интересам революционного пролетариата; хотя-бы и в одиночестве, я буду проводить линию революционного марксизма». Он был твердо убежден в том, что пролетариат, когда он возьмет свою судьбу в свои руки, пойдет по этому же пути.

Одной из особых черт гениальной личности Ленина является то, что он никогда в своей жизни и ни в каком положении не боялся остаться в одиночестве и не страшился казаться «врагом народа». Во все критические моменты рабочего движения, как во время раскола 1903 года, после поражения революции 1905 года,

[1] А. В. Луначарский. Великий переворот. Петроград. 1919, стр. 59 и 60.

в первые недели империалистической войны 1914 года, он оказывался почти совершенно одинок. Конечно, он бывал этим огорчен, разочаровывался в людях, но он никогда не сомневался в рабочем движении и никогда не отступал от железной воли, печать которой лежит на его лице.

Партия была спасена этой неумолимой строгостью идеи, этой радикальной и последовательной верностью научному социализму—марксизму. Но марксизм этот был не закостенелый, а приноравливался к ходу событий. Партия была спасена этими характерными чертами, над которыми смеялись ее противники.

Борьба против социал-соглашателей, против меньшевиков, против «ликвидаторов» и против социал-революционеров, говорит Каменев, проходит красной нитью через всю работу партии и Ленина. Он был беспощаден. В преследовании всякого оппортунистически-тенденциозного толкования мысли Маркса в области политики, тактики, теории, и философии он всегда был непоколебим и неумолим—без страха и упрека. Он изучал каждое отклонение, подвергал статьи и речи своих противников жестокой критике и всегда доказывал, и факты это в широчайшем масштабе подтвердили, что зрелым плодом этих отклонений является контр-революция. Непоколебимо твердо он был убежден, что социальная революция неизбежна, и он был очень мнителен по отношению ко всем не пролетарским течениям. Этим отчасти об'ясняется, почему Ленин и его партия впоследствии оказались победителями над коалицией всех партий. Репутация Владимира Ильича еще ухудшилась. Его обвиняли в ограниченности ума, в неслыханной надменности, в безусловной тирании. «Он создает вокруг себя пустоту», говорили о нем, как говорят о всяком человеке, который прямо идет вперед и беспощадно обличает обманчивых фразеологов и срывает мишуру с выступлений хитроумных борзописцев.

«Меня, как молодого социал-демократа—рассказывает Зиновьев,—и двух моих приятелей представили Плеханову. Мы были еще молоды, совсем птенцы, но мы сочувствовали всей душой товарищу Ленину; мы читали «Что делать», знали, что это—евангелие искровства. И вот Плеханов пытался высмеивать перед нами Ленина. Он говорил: «вы идете за ним, но он теперь повел такую линию, что через несколько недель он будет годиться разве только для того, чтобы воробьев пугать в огородах. Ленин поднял знамя борьбы против меня, Плеханова, против Засулич, Дейча. Разве вы не понимаете, что это неравная борьба. Ленин—конченный человек. С того момента. как он порвал с нами, стариками, с группой «Освобождения Труда», его песенка спета». Так говорил Плеханов. На нас, молодежь, это производило некоторое впечатление. Плеханов при этом сурово поводил бровями, и нам было страшновато.

Мы шли к товарищу Ленину и наивно жаловались ему: вот, что говорил Плеханов. Ленин смеялся и успокаивал нас; «цыплят по осени считают, поборемся, посмотрим, с кем пойдут рабочие» [1].

Такими же сильными ударами, какие он направил против народников, экономистов и эс-эров, Ленин обрушился и на Мартова, Плеханова и меньшевиков. Так как «Искра» попала в руки меньшевиков, большевики основали новый орган «Вперед», и газеты обеих фракций вступили в ожесточенный бой. В пылу полемики обе стороны пользовались самыми оскорбительными прилагательными, и Владимир Ильич был один из первых, которого взяли на прицел. Несмотря на превосходство меньшевистской тяжелой артиллерии — меньшевики поддерживались всемирным авторитетом Г. В. Плеханова и Центральным Комитетом и в их распоряжении было большое количество газет и литературы—Ленин успешно нападал на позиции своих противников. Из литературных трудов Ленина об этом партийном споре можно назвать «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

В мае 1905 года в Лондоне состоялся третий с'езд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, т. е. первый с'езд большевиков.

От имени Центрального Комитета Германской социал-демократической партии старик Бебель написал письмо, в котором он предлагал свое посредничество для нового об'единения обеих враждующих групп—большевиков и меньшевиков—в единую партию. По прочтении письма Ленин дал следующее краткое об'яснение: «Мы высоко уважаем товарища Бебеля, но по вопросу о том, как вести борьбу в нашей стране против царя и буржуазии, позвольте нам иметь свое мнение. И позвольте с господами меньшевиками расправиться так, как заслуживают агенты буржуазии». Русские противники Ленина выносили свои споры даже во второй Интернационал. Против Ленина и его партии велись гнуснейшие интриги, и за несколько недель до войны, в июле 1914 года, на Брюссельской конференции им до некоторой степени удалось восстановить даже Розу Люксембург против большевиков. Так подлы были меньшевики, и так тесно они были связаны сродством с западными оппортунистами, с Вандервельде и с Каутскими.

В тезисах, предложенных Лениным Лондонскому с'езду 1905 г. и представляющих собою мастерское произведение политического реализма, он удивительным образом исследовал об'ективные и суб'ективные условия русского рабочего движения, указал на иллюзии парламентаризма и защищал тогда уже идею революционной диктатуры рабочих и крестьян.

---

[1] Г. Зиновьев. Н. Ленин. Петроград. 1918, стр. 28—29.

2. ОТ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г. ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

В том же году, когда большевики вырабатывали свою программу, развивается ряд революционных волнений, которые обыкновенно рассматриваются, как первая русская революция. Возникший отчасти вследствие русско-японской войны экономический кризис, поражение русской армии, систематически проводимая в течение многих лет революционная агитация—все это привело к забастовкам широкого масштаба. Перед рабочими впервые встал вопрос, выбирать ли своих вождей из «экономистов» или из революционных марксистов.

3-го января 1905 г. забастовали рабочие Путиловского завода в Петрограде и к 7-му января число бастующих достигло 140.000. Апогея своего забастовка достигла 10-го, а 13-го января питерские рабочие снова стали на работу.

9-го января рабочие участвовали во внушительной демонстрации к Зимнему дворцу. Они хотели передать царю составленную в крайне сдержанных выражениях петицию. В петиции они описывали свое материальное положение и требовали амнистии, свободы, отделения церкви от государства, восьмичасового рабочего дня и нормальной оплаты труда. В начале петиции требовался созыв выбранного на основании всеобщего и равного избирательного права учредительного собрания. Рабочих встретили ружейными залпами, на месте остались сотни убитых и тысячи раненых.

Священник Гапон, игравший крупную роль в этой демонстрации, проклял офицеров и солдат, стрелявших в своих братьев. Журналистам, хроникерам и поверхностным историкам Гапон мог казаться крупной фигурой, но он был только заурядной личностью, увлеченной, по выражению Троцкого, окружающими его сознательными рабочими и восторгавшийся своим собственным успехом.

11-го января на заседании совета министров Витте предложил обсудить вопрос о событиях 9-го января и о мероприятиях, способных «в будущем предотвратить такие печальные события». Предложение было отклонено.

Проходит несколько месяцев, и к концу сентября поднимается новая революционная волна. Вокруг университетов организуются революционные об‘единения, в которых, несмотря на об‘явленный Треповым террор, участвуют и рабочие. Аресты и расстрелы не прекращаются. Один за другим проходят митинги в Петербургском и Киевском университетах. Литографы и печатники бастуют, к забастовке присоединяются булочники и железнодорожники. Профессиональное заседание превращается в политическое собрание, на котором вносится предложение об об‘явле-

нии всеобщей забастовки железнодорожников. Стачка расширяется. В Петербурге организуется первый Совет рабочих депутатов. На несколько дней приступают к работе, затем снова начинается забастовка железнодорожников в Москве, в Нижнем Новгороде, в Рязани и т. д. К железнодорожникам присоединяются рабочие и служащие почты, телеграфа и электрических станций.

13-го октября Совет Рабочих Депутатов имел свое первое заседание в Петербургском Технологическом Институте, 17-го октября вышел первый номер «Известий»—органа Совета.

17-го октября Витте назначается председателем Совета Министров, и стране дается «конституция». В ночь с 17 на 18 октября народ наполняет улицы, развертывает красные знамена, поет «Вечную память» январским жертвам и требует амнистии. Массы не питали ни малейшего доверия к этому внезапно и наскоро сколоченному для спасения царизма либерализму. И в самом деле Витте впоследствии избрал министром внутренних дел Дурново, кроваво проводившего затем свою контр-революционную линию.

В ноябре снова прокатывается новая волна стачек и митингов. Совет призывает рабочих ко всеобщей забастовке. Витте телеграфно обращается к ним с просьбой о прекращении забастовки, называя их в своем обращении «братцы рабочие». Рабочие и Совет на телеграмму отвечают иронически, постановляют, однако, 7-го ноября об'явить забастовку прекращенной. 26-го ноября арестовывается председатель Петербургского Совета Хрусталев-Носарь, а через несколько дней, 3-го декабря, вечером, во время заседания, арестовывается весь Совет.

Петербургский Совет существовал с 13-го октября по 3-е декабря. На первом заседании участвовало только несколько десятков депутатов. Во второй половине ноября Совет уже насчитывает 562 депутата (из них 16 женщин), представлявших 147 фабрик и заводов, 34 мастерских и 16 профсоюзов. Из членов Совета было 351 рабочих. 17-го октября сконструировался Исполнительный Комитет, состоявший из 32 членов. 22 члена Исполнительного Комитета были депутатами от рабочих, 9 членов представляли политические партии (каждая из фракций социал-демократической партии имела по три делегата, эс-эры также имели трех).

Ленин в дни революции 1905 г. проявлял большую активность, хотя она и мало выступала наружу. В противоположность Троцкому, он официально почти не участвовал в движении. В сущности, мысль организации Советов поощрялась и поддерживалась, главным образом, меньшевиками, но Ленин своим живым и острым взглядом следил за всеми усилиями в борьбе рабочего класса, как за работой Петербургского Совета, так и за вооруженным восстанием в Москве, в котором деятельное

участие приняли старые большевики, как, например, Владимирский.

Ленин жил нелегально в Петербурге. Центральный Комитет партии запретил ему принимать активное участие в событиях и слишком часто бывать на виду. Он раза два присутствовал на заседаниях Совета, сидя в сторонке. Когда узнали о предстоящем аресте членов Совета, партия запретила Владимиру Ильичу принимать участие на этом последнем историческом заседании.

Ленин понял, что такое Совет и чем он должен быть. Совет не был случайной организацией для связи между массой и правительством. Ленин считал Совет носителем власти, носителем государственной власти рабочих, рабочего государства. Он понял его сущность и осуществил ее несколько лет спустя.

Между тем как меньшевики были недовольны мятежным и боевым характером конца 1905 г., Ленин, наоборот, признал ход событий правильным. Он видел в них проявление большевистской тактики.

«Иначе—пишет Зиновьев—отнесся к московскому восстанию 1905 г. тов. Ленин. Для него не было более высокой и почетной страницы, как история московского вооруженного восстания. Первое, что он сделал, он стал собирать материалы об этом восстании. Он хотел выяснить самые мелкие штрихи, самые подробные технические детали этого восстания. Он хотел выяснить каждую биографию участника восстания. Он старался расспросить каждого военного деятеля, принимавшего участие в восстании. Всех участников восстания Ленин призывал на первое место для того, чтобы они рассказали рабочему классу и всему миру об условиях подготовки московского вооруженного восстания и о причинах его поражения. Потому что Ленин понимал, что московское восстание это—первая форпостная стычка с буржуазным миром. Он великолепно понимал всемирно-историческое значение московского восстания, тогда разбитого, потопленного в крови рабочих, но все-же первого славного рабочего восстания против царизма и против буржуазии в самой отсталой страны» [1].

Подавление восстания означало тюрьму и ссылку. Члены Петербургского Совета предстали перед судом и были присуждены к ссылке. Большинство оставшихся на свободе или бежавших революционеров эмигрировало. И межфракционная борьба вспыхнула еще ярче, имея в основе факты и реальные события.

Меньшевики утверждали, что рабочие в своих требованиях зашли слишком далеко, и что ход развития пролетарского дви-

---

[1] Г. Зиновьев. Н. Ленин. Петроград. 1918, стр. 33.

жения не должен отпугивать буржуазию. Задача, разрешить которую необходимо в первую очередь,—это положить конец царизму. На это Ленин ответил:

«Вы не поняли этого движения. Это была великая революция, а отнюдь не хаос. Это была великая революция не потому, что был манифест 17-го октября, что буржуазия начала шевелиться, а потому, что было, хотя и побежденное, московское вооруженное восстание рабочих, потому что перед мировым пролетариатом проблеснул на один месяц Петербургский Совет Рабочих Депутатов.—И революция возродится, Советы возродятся, Советы победят»... [1].

Ленин настаивал на теории, что рабочее движение должно вылиться в диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства. Солдаты стреляли в народ, потому что они в большинстве были сыновьями крестьян. Отобрать землю у собственников и распределить ее затем между крестьянской беднотой, это осязаемая программа, которая поможет пролетариату разбить царизм и овладеть государством. В статье, напечатанной в польской газете «Przegląd» («Обзор»), Ленин изложил, как он в то время понимал диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства. Некоторые его критики ликовали по этому поводу. Троцкий указывает в той же газете, после критики тактики меньшевиков, на опасность, скрытую в восхваляемой большевиками тактике. Другие критики—прямые противники Ленина—стараются обнаружить противоречия в ходе его мыслей. Ленин, правда, очень заботясь о реальных событиях и историческом ходе их развития, держался в то время крайне гибкой тактики. Положение в 1917 г. заметно отличалось от положения в 1905 г., и «демократический» характер диктатуры, какой она имела в формулировке Ленина в 1904 г., 15 лет спустя не имел уже никаких оснований. Таким же образом «новая экономическая политика», примененная в 1921 г., есть не что иное, как известная демократизация пролетарской диктатуры в форме уступок крестьянам [2].

Период, последовавший за октябрьскими и ноябрьскими неделями 1905 г., был по существу контр-революционным. Манифест, завоеванный русским народом 17-го октября 1905 г., был нарушен, конституция взята обратно, и гласный суд заменен военно-полевым. Огромное число революционных борцов заполнило тюрьмы и каторгу. Печать была задушена. Снова царил пессимизм. Ленин, однако, сохранил полностью свои надежды, основанные не на неопределенном идеализме, а на фактах,

---

[1] Г. Зиновьев, там же, стр. 27—28.

[2] К этому вопросу, по которому Ленина иногда подвергали критике со стороны левого крыла партии, мы вернемся во второй части настоящей книги.

которые он наблюдал им, которые он взвешивал и противопоставлял друг другу. Ленин уверенно ожидал лучших дней в будущем.

Большевистская партия принуждена была существовать нелегально. Ленин, скрывавшийся в Петрограде, где он редактировал социал-демократическую газету и продолжал свою пропаганду среди рабочих масс, должен был в 1906 г. удалиться в Куоккалу, в Финляндии. Но скоро выследили, где он живет, и это заставило его покинуть Финляндию.

Заграницей он снова принимается за свою прежнюю оживленную деятельность, он собирает вокруг себя товарищей, об'единяет и воспитывает их. Он остается при том убеждении, что революционное движение возродится и, кроме того, он больше, чем когда бы то ни было, настаивает на необходимости создания прочной нелегальной рабочей организации. Он полагает, что необходимо использовать все: Государственную думу, профсоюзы, кооперацию. Пропаганда, которую он ведет, за участие во второй, в третьей, в четвертой Думе, создает ему противников слева. Можно сосчитать по пальцам тех, кто остается верным Владимиру Ильичу. Зиновьев рассказывает, что в одном парижском юмористическом журнале иронически предлагали полцарства тому, кто назовет четвертого большевика, помимо Ленина, Зиновьева и Каменева.

В Париже и в Женеве издавалась литература, печатавшаяся на тончайшей бумаге и пересылавшаяся контрабандными путями в Россию. Таким образом издавались «Пролетарий» и «Социал-Демократ».

В 1907 г. Ленин принимает очень деятельное участие в Международном Социалистическом Конгрессе в Штуттгарте, особенно в дискуссии и в формулировке резолюции, относящейся к войне. Вместе с Розой Люксембург он внес знаменитый абзац, который голосовался и который впоследствии был включен в резолюцию Базельского Конгресса—о том, что, в случае возникновения войны, мировой пролетариат обязан—«использовать экономический и политический кризис», чтобы—«ускорить падение капиталистического господства».

Друзья Ленина пригласили его выступить с докладом об отношении к войне. Что касается резолюции, то она в главнейших пунктах расходилась с резолюцией, предложенной Бебелем. Тот уверял Владимира Ильича, что он вполне согласен с ходом мыслей Ильича, но пытался склонить его к большей умеренности в форме, чтобы формой преждевременно «гусей не раздразнить». На заседании русской делегации Плеханов и Троцкий настаивали на соглашении, принимая за основу точку зрения Бебеля. По окончании работ комиссии по выработке резолюции, Ленин передал все материалы Розе Люксембург, которая и предложила выработанную резолюцию.

Значительную часть своего времени Ленин посвятил изучению истории и философии. Луначарский, Богданов, Базаров, П. Юшкевич и другие, увлеченные немецкой позитивистской философией (Рудольф Авенариус, Мах и т. д.), опубликовали ряд отдельных работ, а также издали сборник статей под заглавием—«Очерки материалистической философии». Ленин ответил на это солидным трудом «Материализм и эмпириокритицизм». Здесь ярко проявляется сильный интеллект, чрезвычайная начитанность и последовательный материализм, резко отрицательно относящийся ко всяким уклонам в направлении идеализма.

Борьба, которую Ленин вел против группы «впередовцев», еще обострялась, благодаря той политической позиции, которую группа эта заняла. Ее члены остались ярыми антипарламентариями, тогда как Ленин с твердостью защищал участие в выборах во Вторую думу.

«За время этой размолвки» — рассказывает Луначарский— «я с Лениным совершенно не встречался. Меня очень возмущала политическая беспощадность Ленина, когда она оказалась направленной против нас. Я и сейчас думаю, что очень многое между большевиками и впередовцами создано было просто эмигрантскими недоразумениями, кроме того, конечно, весьма серьезными философскими разногласиями» [1].

В формулированных Богдановым и Луначарским философских взглядах Ленин усмотрел огромную скрытую опасность, поэтому его книга и имела такой обстоятельный характер и написана была в столь резком тоне.

На Богданова эта полемика произвела до того глубокое впечатление, что он заявил своим ближайшим друзьям, будто Ленин неизбежно сделается октябристом [2]. «Да, пишет Луначарский, Ленин сделался октябристом, но совсем другого октября» [3]. Ленин и Луначарский встретились позднее на Копенгагенском Международном С'езде, но они окончательно помирились лишь в Цюрихе, во время мировой войны, после первой Циммервальдской конференции.

Если Ленин боролся против секты идеалистических философов и «фидеистов», то он не забыл и тех, которых он считал своими злейшими врагами: меньшевиков — «ликвидаторов». Подобно реформистам, засилье которых наблюдалось во Втором Интернационале, меньшевики систематически отрицали необходимость нелегальной организации и активных выступлений. Они противились всему, что предпринималось в борьбе за новую

[1] А. В. Луначарский. Великий переворот. Петроград, 1919 г., стр. 70, 71.

[2] Партия, основанная теми элементами буржуазии, которые приняли «конституцию» 17 октября 1905 г. в качестве программы.

[3] А. В. Луначарский. Великий переворот. Петроград. 1919, стр. 70—71.

революцию в России. Вокруг их журнала «Наша Заря» группировалась целая литературная школа, к которой принадлежали Потресов и Череванин. На конференции 1912 г. оппортунисты эти были, наконец, исключены из партии, а сама партия на конференции этой восстановила свою организацию.

Еще более ожесточенная борьба велась между меньшевистской и большевистской группами. Большевистское крыло представлялось избранным на конференции 1912 г. Центральным Комитетом. Меньшевики не хотели признать этой конференции и защищали единство в форме об'единения партии с группой «Наша Заря». Спор этот находил яркое свое выражение в полемике между обеими ежедневными газетами «Правдой» и «Лучом» и обеими с.-д. фракциями в четвертой Государственной думе.

Понемногу, газета «Правда» и группа «правдистов» охватывают громадное большинство организованных рабочих—до четырех пятых. Трудно указать число сторонников обеих партий и их финансовые ресурсы, так как царский строй не давал возможности установить тот порядок и ту отчетность, которые мы имели у социалистических партий других стран. Исходить приходится из пожертвований, единственно возможной формы взносов и единственной формы возможного контроля. Приводим некоторые цифры, сообщенные «Лейпцигской Народной газетой» от 21 июля 1916 г.

	Правдисты.		Меньшевики.	
	Колич. взносов.	Суммы в рублях.	Колич. взносов.	Суммы в рублях.
Рабочие группы . . .	2.873	18.934	671	5.296
Нерабочие группы . .	713	2.650	423	6.760

В 1912 г. Ленин покидает Париж, чтобы переехать в Галицию, и основывает в Кракове базу для политической деятельности партии. Он поддерживает постоянную связь с организациями, находящимися в России, и с членами маленькой парламентской фракции большевиков в Государственной думе. Рабочий фронт в России укрепляется. Имеется возможность издавать легальный орган. При поддержке Зиновьева Ленин посылает информации и статьи о международном рабочем движении. Мало номеров «Правды», где нет статьи Владимира Ильича.

«Своими статьями, советами, частными письмами в Петроград» — пишет Зиновьев — «товарищу Ленину удалось добиться того, что «Правда» стала блестяще откликаться на все злобы дня. Мало того, наш аппарат настолько усовершенствовался, что перед каждым крупным собранием профессионального союза или другой рабочей организации мы часто устраивали совещание Петроградского и Краковского Бюро Ц. К.» [1].

---

[1] Г. Зиновьев. Н. Ленин. Петроград. 1918, стр. 45.

В Кракове Ленин принимал, воспитывал и обучал революционных парламентариев и подготовлял с ними выступления в Думе: не надо длинных речей, но нужны сжатые, ясные, определенные раз‘яснения, краткие энергичные заявления.

С 1912 г. по 1914 г. революционное движение расширилось. В 1913 г. более $1^1/_2$ миллиона бастующих участвовали в стачках; в 1914 г. их число превышало два миллиона. Еще накануне войны строились баррикады на улицах столицы и это в то самое время, как г-да Пуанкаре и Вивиани, улыбаясь при мысли о предстоящей грандиозной бойне, разгуливали по улицам Петербурга.

Наступил день 4-го августа 1914 г. Последовало крушение Второго Интернационала. Дожили до позора измены торжественнейшим лозунгам, до позора всеобщей бойни. «Революционные» депутаты работали рука об руку с королями и полководцами. Те немногие, что остались теми, чем были до этого дня, стали добычей мрачнейшего пессимизма. А Ленин, может быть, единственный, кто жил в твердой уверенности предстоящей революции. С тех пор он стал во главе международного движения, и в его мозгу возникла идея Третьего Интернационала, построенного не из дерева или хрупкого кирпича, а из железа и бетона на несокрушимой скале. Он стал во всех странах вождем тех, кто не последовал за Каутским и Гэдом, этими двумя марксистами, ставшими сторонниками империалистической войны.

Из России получаются сведения, с опубликованием которых социалистические газеты не спешат. Цензура социал-демократов нисколько не отличается от цензуры правительств. Революционная «Правда» задушена, и усиленный войной и защищаемый французскими войсками и социалистами царизм увеличивает число своих преступлений и мерзостей. Царизм надеется обогащаться и с помощью английской дипломатии захватить Галицию, Армению и Константинополь, который империалистской газетой «Le Temps» («Время») с тех пор называется «Константиноградом».

Либеральные буржуазные партии больше не борются против мощного шовинистического течения. Либерализм заключает союз с черной сотней, народники заключают «гражданский мир» с либералами и таким образом, тем самым, как вытекающее отсюда, создается об‘единение со злейшими врагами народа. Плеханов, на почве борьбы с «ликвидаторами» и с противниками материализма сблизившийся было с Лениным, стал ярым патриотом и издает, стоящую на почве «гражданского мира», ультра-националистическую газету «Призыв». В лагере анархистов Кропоткин следует примеру Плеханова, и его антимарксизм превращается в страстную ненависть немцев. Предста-

витель меньшевизма в Думе, Чхеидзе, бывший потом первым председателем Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, занимает по меньшей мере двойственную позицию— он голосует против военных кредитов, но допускает участие своих друзей в военно-промышленных комитетах. Дело доходит даже до того, что сам Вандервельде, председатель Второго Интернационала, посылает русским социалистам телеграмму, в которой он им предлагает временно прекратить борьбу против царизма и об‘единиться с ним против Германии!

Один только Центральный Комитет большевистской партии отвечает на воззвание Вандервельде категорическим отказом.

Только представители большевистской партии в Думе Муранов, Петровский, Бадаев, Шагов и Самойлов остаются последовательными интернационалистами и ведут среди пролетарских масс борьбу против империализма и войны. Русское правительство, испуганное этой энергичной работой, арестовывает мужественных депутатов, заклятых врагов войны и империализма, и присуждает их к ссылке на поселение. На суде царский прокурор упрекает подсудимых в том, что они выступали в защиту ответа Центрального Комитета на воззвание Вандервельде и указывает им на благородный пример социалистических депутатов во Франции и в Германии. Муранов, представитель рабочих Харьковской губ., твердо и громко заявил, что он организовал рабочие комитеты и что ими принимались резолюции против войны.

Нисколько не умаляя цену и мужество его товарищей, можно сказать, что и в этом, как и во многих других случаях, Ленин воодушевлял и Ц. К. и думскую фракцию в их борьбе против войны.

В первые дни войны Центральный Комитет большевистской партии принял резолюцию, в большей части своей составленную Лениным. Эта резолюция появилась в «Социал-Демократе» только 1 ноября 1914 г. Столько времени затянулось печатание, вследствие трудности сношений с Россией, еще только возросших с началом войны.

Резолюция в общих чертах вскрывает истинные причины войны, напоминает, что германское правительство было вернейшим союзником царизма, и указывает на то, что французское и английское правительства добиваются путем войны аннексии немецких колоний и гибели конкурирующей нации.

«Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но, чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно, гражданской войны против буржуазии, как «своей» страны, так и «чужих» стран, для этой великой цели буржуа-

зия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается возвеличить значение «своей» национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, но ради «освобождения» всех других народов, кроме своего собственного» [1].

Резолюция осуждает оправдание войны, принятое социалистами разных воюющих стран, и предательство, совершенное Вторым Интернационалом. «Ответственность за это опозорение социализма ложится прежде всего на немецких социал-демократов, которые были самой сильной и влиятельной партией Второго Интернационала. Но нельзя оправдать и французских социалистов, принимающих министерские посты в правительстве той самой буржуазии, которая предавала свою родину и соединялась с Бисмарком для подавления Коммуны».

Это был крах Второго Интернационала, это был крах оппортунизма, характеризующего этот Второй Интернационал, это был отказ от принятых в Штутгарте, в Копенгагене и в Базеле обязательств.

И эта, написанная в первые недели войны, резолюция уже гласила: «Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал». Основным лозунгом в настоящее время должно быть: «Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну» [2].

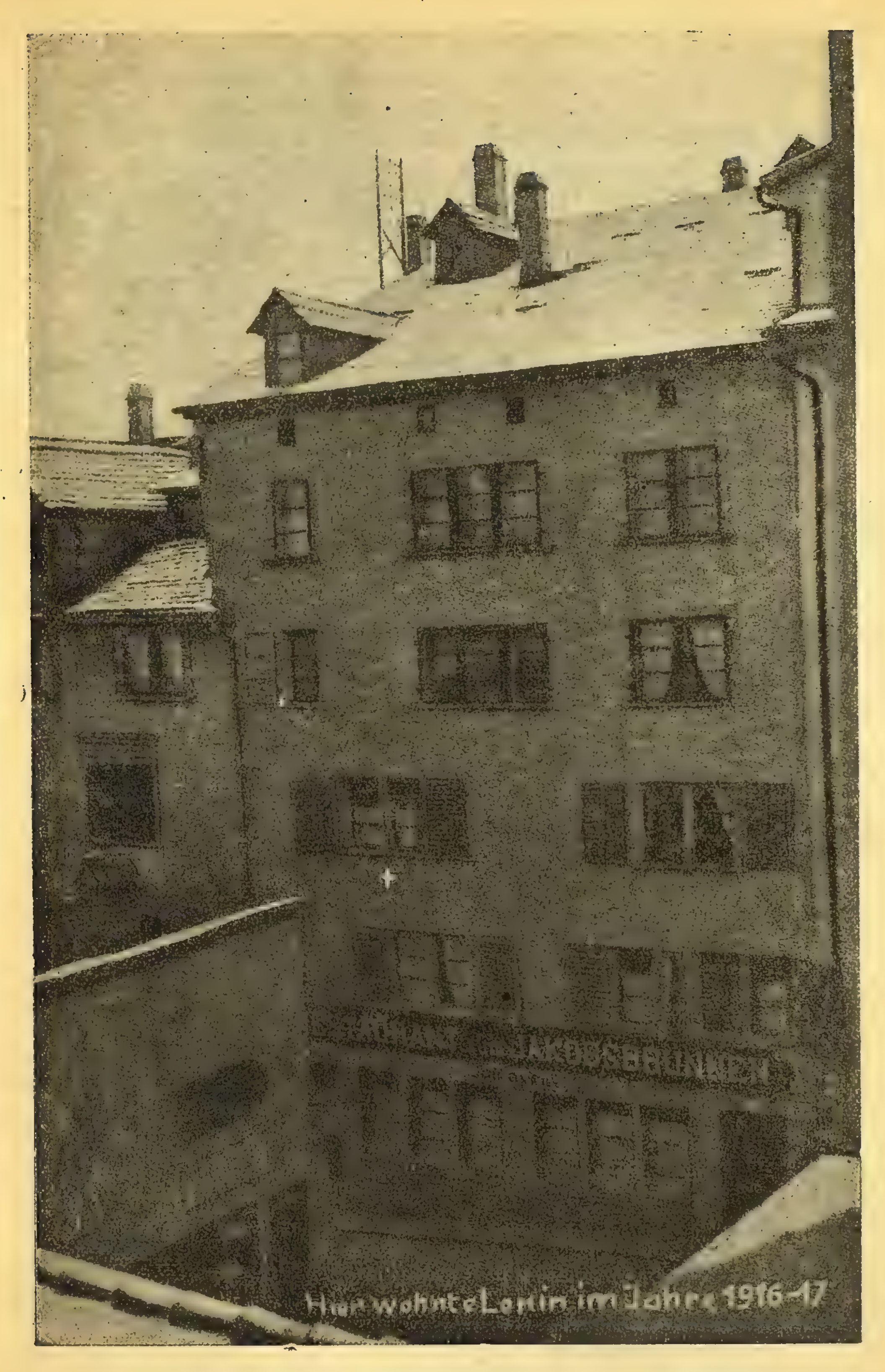
Тезисы, принятые конференцией групп Российской Социал-Демократической партии за границей, развивают идею этой резолюции еще дальше. Целый абзац посвящен будущему Третьему Интернационалу:

«Созданный войной кризис обнаружил действительную сущность оппортунизма, показав его в роли прямого пособника буржуазии против пролетариата. Так называемый социал-демократический «центр» с Каутским во главе, на деле вполне скатился к оппортунизму, прикрывая его особо вредными лицемерными фразами и фальсифицированием марксизма под империализм. Опыт показывает, что, например, в Германии только решительное нарушение воли большинства верхов партии дало возможность выступить с защитой социалистической точки зрения. Было бы вредной иллюзией надеяться на восстановление действительно социалистического Интернационала без полного организационного размежевания с оппортуниистами. Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия должна поддерживать всяческие интернациональные и революционно-массовые высту-

---

[1] Г. Зиновьев и Н. Ленин. Социализм и война. Петроград. 1918, стр. 48.

[2] Г. Зиновьев и Н. Ленин. Социализм и война. Петроград, 1918, стр. 49—50 и стр. 54.

Дом в Цюрихе, где в 1916—17 г.г. жил ЛЕНИН,

снимая вместе с Н. К. Крупской одну комнату в семье сапожника. Крестиком помечено окно этой комнаты.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

пления пролетариата, стремясь к сближению всех анти-шовинистских элементов Интернационала». [1]

Сфера деятельности Ленина в Швейцарии была вначале очень ограничена. Швейцарская социалистическая партия была склонна к оппортунизму, и, хотя страна по отношению к войне осталась «нейтральной», парламентская фракция тем не менее голосовала за военные кредиты. В сотрудничестве с Зиновьевым, Радеком, Бронским и Мюнценбергом Ленин принялся за восстановление партии в международном масштабе. И можно сказать, что Ленин в первую очередь принадлежит к духовным вождям Циммервальдской конференции, на которой он представлял радикальное и последовательное левое крыло.

Он без устали борется против международного шовинистического течения, и особенно сильное нападение он повел на правые русские социалистические партии.

С одобрения Плеханова и Алексинского, обоих крупных русских социал-патриотов, меньшевики заняли колеблющуюся позицию, позицию «ни рыба, ни мясо», в чем и выражается, так сказать, суть меньшевизма.

В Париже Мартов и Троцкий 1 сентября 1914 г. основали ежедневную газету «Голос», позднее «Наше Слово», в которой сотрудничали меньшевики-интернационалисты, осуждающие позицию Чхеидзе, но тем не менее остающиеся с ним в одной партии. Там же сотрудничали некоторые лица, не принадлежащие ни к одной из обеих групп, ни к большевистской и ни к меньшевистской: сам Троцкий, Луначарский, Сокольников, Лозовский. В страстности полемики Ленин, боровшийся также против группы «Наше Слово», иногда доходил до того, что писал о «господине» Троцком. Организационный Комитет, членом которого был Мартов, обвинял «Наше Слово» в уклонах к анархизму, но редактируемый Троцким орган категорически высказывался против Чхеидзе; вследствие этого Мартов вскоре был принужден выйти из состава редакции «Нашего Слова». Позднее, в 1916 г., Троцкий по одновременному ходатайству царского посланника и французских социал-патриотов за свои интернационалистские выступления против войны выслан был из Франции.

В Циммервальде Ленин и Циммервальдская левая отстаивают свою последовательную точку зрения, критикуют пацифизм и оппортунизм и об'являют интернационализм немцев, французов, Серрати и Раковского недостаточным. В это время Раковский отстаивал аналогичную Троцкому точку зрения и оказывал некоторое потворство центристам.

«Я великолепно помню»—говорит Зиновьев—«как горячий Раковский чуть ли не засучивал рукова, чтобы драться со мною

[1] Г. Зиновьев и Н. Ленин, там-же, стр. 59.

и Лениным из-за того, что мы заявили: Мартов—агент буржуазии. Как вы смеете так говорить—кричали они нам. Мы знаем Мартова 20 лет. А мы отвечали: мы знаем Мартова не меньше, чем вы, и мы утверждаем, что все, что есть честного среди русских рабочих, пойдет против войны, а Мартов защищает буржуазные взгляды» [1].

На конференциях, в статьях, листовках, брошюрах Ленин отстаивал идеи и тезисы, предложенные на обеих конференциях в Циммервальде и Кинтале (5—8 сентября 1915 г. и 24—30 апреля 1916 г.). Циммервальдская левая издавала научный журнал «Vorbote» («Предвестник»), ответственными редакторами которого являлись Паннекук и Генриетта Роланд-Гольст. Статьи этого журнала большею частью принадлежали перу Ленина, Зиновьева и Радека.

Противники Ленина и оппортунисты, которые подобно Роберту Гримму, официальному председателю Циммервальдских конференций, хотели сделать блестящую карьеру, упрекали Ленина за его радикализм и «преувеличения». Если поверить им, то те, кто ничего не знал о длительной плодородной учебе неподкупного революционера среди рабочих масс, должны были считать Ленина за анархиствующего интеллигента, ничего не понимающего в жизни и в чувствах массы. «Ах, как я вам завидую», сказал однажды Гримм Ленину и Радеку,—«что вы живете в горах и можете по настроению и в покое читать, изучать и работать. Вы имеете дело с книгами, я же с рабочими».

Георг Ледебур тоже нападал на Ленина, и он не был единственным; в том же смысле высказывались французы Мерргейм и Бризон и много швейцарцев. «Им, живя в Швейцарии, конечно, легко призывать к революции. Хотелось бы знать, как бы они поступили в России».

В Цюрихе Ленин жил в рабочем квартале. Он занимал со своей женой, Надеждой Константиновной Крупской, одним из старейших и деятельнейших борцов партии, ныне состоящей членом Коллегии Народного Комиссариата Просвещения, скромную низкую комнату в квартире рабочего. Он внимательно следил за собраниями партии и профессиональных союзов и принимал участие в работе с‘ездов и конференций Швейцарской Социалистической партии. Он читал газеты, журналы и книги, делал на них пометки и критиковал их. Какое живое удовлетворение выражалось в его взгляде, когда он мог отметить какой-либо успех в сопротивлении войне во Франции или в Германии!

Так же, как и Троцкий, который во Франции не посещал собраний и вождей Социалистической партии, но работал в

---

[1] Г. Зиновьев. Н. Ленин. Петроград. 1918, стр. 50.

тесном контакте с синдикалистами из Vie Ouvrière («Рабочей Жизни»), так же и Ленин с напряженным вниманием читал анархистские газеты, занимавшие последовательную позицию по отношению к войне. Особое внимание он посвящал последним страницам журналов, где печатается порядок дня собраний, а также отмечаются пожертвования и сборы среди рабочих.

Из России, несмотря на все затруднения и препятствия, ему сообщали о растущем недовольстве масс, о возрастающем недовольстве солдат, об экономических затруднениях, о развертывании стачек и подкупности крупной буржуазии и царской камарильи. Он отмечал признаки разложения правительства и симптомы успеха направленного против войны рабочего движения.

17 декабря 1916 г. (по старому стилю) был убит Распутин. Это было результатом заговора, организованного князем Юсуповым, великим князем Дмитрием Павловичем и членом Думы Пуришкевичем. 5-го января был отсрочен созыв Думы до 14 февраля. В день открытия Думы в Петрограде забастовали 300.000 рабочих, и в районе Невского проспекта происходили демонстрации. Несколькими днями позже голодный народ разгромил булочные в некоторых районах столицы и требовал хлеба и мира. Либеральная буржуазия старалась уладить надвигающийся страшный кризис. Она видела возбуждение масс и солдат и, зная о влиянии революционных вождей, боялась революции. Ведь сам господин Милюков, ежедневно советовавшийся с сэром Бьюкененом, английским посланником, как «спасать» Россию и Антанту, сам Милюков сказал: «Если победа России возможна только путем революции, то я все-же не хочу этой революции».

3. КРУШЕНИЕ ЦАРИЗМА И ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЕНИНА В РОССИЮ.

24-го февраля 1917 года забастовки упорно продолжались, на Невском происходили демонстрации, и на Казанской площади состоялся импровизированный митинг. Послышались первые выстрелы. Министр внутренних дел Протопопов отдал приказ об установке на крышах пулеметов. На следующий день, 25 февраля (10 марта), город был разбит на участки, во главе которых были назначены командиры полков местного гарнизона, но толпа двигалась, не встречая ни малейшего сопротивления, с требованием мира, хлеба и свободы, к центру города. Одни полицейские выступали против массы. Было много убитых и раненых с обеих сторон. По собственной инициативе рабочие фабрик и заводов произвели выборы депутатов. Вечером аресто-

ваются рабочие, собравшиеся в помещении Военно-промышленного Комитета. На этот раз буржуазия вмешивается. Прогрессивный блок Думы принимает резолюцию, в которой говорится, что правительство, обагряющее руки свои кровью народа, лишается права предстать перед Государственной Думой, и Дума навсегда порывает с таким правительством.

26-го февраля солдаты стреляют в толпу, и пулеметы приводятся в движение; много жертв. Но солдаты уже переходят на сторону восставших. Председатель Думы Родзянко посылает царю в ставку срочную телеграмму и умоляет его передать управление страной человеку, «пользующемуся доверием страны». «Всякое промедление смерти подобно» добавляет он. Увы, было слишком поздно!

27-го февраля восстает гарнизон. Волынский полк первым покидает свои казармы; к нему присоединяются Преображенский и Литовский полки; все три полка с музыкой направляются к Литейному проспекту; цейхгауз был разграблен и заведывающий убит. Толпа освобождает политических заключенных и предает огню тюремное управление. Департамент полиции занят, архивы сжигаются. Революционеры заняли Петропавловскую крепость.

Родзянко вновь обращается с телеграммой к царю: «Настал час, когда решается судьба родины и династии». Ответ гласит: «Дума распускается». Создается, однако, Комитет по восстановлению порядка в Петрограде, состоящий из Родзянко, Милюкова, Чхеидзе и Керенского. Вечером того-же дня избирается временный Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов; председателем избирается Чхеидзе (меньшевик), товарищами председателя Керенский (трудовик) и Скобелев (меньшевик). Революционные события развертываются во всей стране; образовываются Советы на местах. 28 февраля выходит первый номер «Известий», органа Совета. 1-го марта конструируется Временное правительство под председательством князя Львова. Милюков получает портфель министра иностранных дел, Керенский—министра юстиции, и ночью царь в Пскове на вокзале в своем поезде подписывает свое отречение.

Начиная с этого времени, развертывается борьба между временным, а позже коалиционным правительством, с одной стороны, и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, с другой стороны, или вернее, между либеральными и коалиционными социал-демократами, участвующими в правительстве демократической республики, и содействующими затяжке войны, с одной стороны, и большевиками, стремящимися к миру и к Советской республике, с другой стороны.

С получением первых запутанных и противоречивых сведений начинается движение среди русских революционных эмигрантов. Все хотят вернуться в Россию, чтобы принять участие

в борьбе. Ленин немедленно устанавливает связь со своей партией и ее органом «Правдой», вновь выходящей в Петрограде. В «Правде» от 21 и 22 марта 1917 г. (№ 14 и № 15) он проводит параллель между революциями 1905 и 1917 г.г. и доказывает, что настоящая революция распадается на два этапа: один из них рабочими уже пройден, теперь им остается пройти второй, который будет бесконечно труднее; ибо, пишет он, насколько ему известно, большинство партий об'единялось к свержению царя, и представители английских и французских империалистов содействовали им в этом. Для Милюкова отречение царя означает продолжение войны. Ленин характеризует Совет Рабочих Депутатов, который он считает зародышем рабочего правительства и который не может и не должен существовать на ряду с буржуазным правительством. Царизм не умер, он только разбит. Ленин рекомендует вооружение пролетариата, расширение власти и значения Совета. Он обращается к рабочим и говорит им: «Рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма. Вы должны проявить чудеса пролетарской и общегражданской организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции» [1].

Этот второй этап революции большевистская партия подготовляет при живом и непосредственном участии Ленина в течение восьми месяцев, и каждый день показывает ее успехи, главным образом, начиная с того дня, как Ленин приехал в Петроград. Политика Ленина уже в принципе отличалась от руководящей мысли Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, который в своем, адресованном народам Европы, воззвании сказал: «Наша победа—это победа свободы и всеобщей демократии».

Представители русских революционеров в Швейцарии, во Франции, в Англии и т. д. формировали комитеты для организации немедленного возвращения эмигрантов на родину. Так как от'езд затянулся, и представители некоторых групп колебались ехать через Германию, большевики, об'единившись между собой, решили немедленно ехать в Россию через Германию. Этому делу содействовал швейцарский революционер Фриц Платтен, и они предварительно ознакомили со своим планом делегатов рабочих организаций разных стран, находившихся в Швейцарии. План был ими одобрен [2]. В день своего от'езда (8 апреля) Ленин от имени русских, одновременно с ним оставлявших Швейцарию, обратился к швейцарским рабочим с письмом, являющимся

---

[1] Н. Ленин. Первый этап первой революции. Собр. соч., т. XIV, часть I, стр. 12.

[2] Эта поездка Ленина через Германию в «пломбированном вагоне», о которой так горячо спорили, много говорили и о которой до сих пор мало известно, подробно рассматривается в третьей части этой книги, и в приложении приведены соответствующие документы.

настоящим манифестом. Он напоминает линию поведения, признанную в начале войны большевиками правильной, и высказывается за необходимость вооружения пролетариата и ведения борьбы против правительства Милюкова. Мы по существу не пацифисты, подчеркивал он. Мы противники империалистических войн, но «мы всегда об'являли нелепостью, если бы революционный пролетариат зарекался от революционных войн, которые могут оказаться необходимыми в интересах социализма»[1].

«Русскому пролетариату выпала на долю великая честь начать ряд революций, с об'ективной неизбежностью порожденных империалистической войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран. Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России, на известное, быть может, очень короткое время, застрельщиком революционного пролетариата всего мира.

Россия—крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 г. может придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции пролог всемирной социалистической революции, ступеньку к ней»[2].

Эс-эр Чернов, покидая Францию, также обратился с письмом к французскому пролетариату. Оба письма, Ленина и Чернова, показывают глубокую разницу между тактикой обоих,—как ни искусна фразеология, примененная Черновым. Что касается меньшевиков, Аксельрода, Мартова, Мартынова и т. д., то они в своем адресе Чхеидзе довольно слабо выражали солидарность интернационалистического крыла французских и английских социалистов.

16 апреля (3 апреля ст. ст.) Ленин и его друзья прибыли на Финляндский вокзал в Петрограде. Вокзал и окружающие улицы были запружены рабочими массами, с восторгом приветствовавшими Владимира Ильича при выходе из вагона. Делегация во главе с Чхеидзе встретила его в вокзальном зале, предназначенном когда-то для царя и его свиты. От имени Совета и

---

[1] Н. Ленин. Прощальное письмо швейцарским рабочим. Собр. соч., том XIV, часть II, стр. 406.

[2] Там же, стр. 406—407.

русской революции Ленина приветствовал Чхеидзе, он говорил о необходимости сотрудничества всех партий в органах демократии.

Ленин кратко ответил:

«Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать вас, вас всех, представляющих победоносную революцию, вас, являющихся авангардом армии всемирного пролетариата... Империалистская грабительская война — начало гражданской войны в Европе... Недалек час, когда народы откликнутся на призыв нашего товарища Карла Либкнехта и обратят оружие против своих эксплоататоров, против капиталистов... В Германии уже все в брожении. Не сегодня, завтра может разразиться катастрофа над всем европейским капитализмом. Русская революция, совершенная вами, направляет первый удар против капитализма и открывает новую эру... Да здравствует международная социалистическая революция!»

В бушующих волнах огромной толпы, под звуки марсельезы и Интернационала, Ленина, стоящего на грузовике, повезли в прежний дворец фаворитки царя, балерины Кшесинской, где находился главный штаб большевиков. По прибытии во дворец Владимир Ильич обратился с торжественной речью к массам. Во дворце происходил устроенный партией торжественный прием: речи, приветствия, клятвы, затем новая речь Ленина.

«Я никогда не забуду эту молниеподобную речь, — писал Николай Суханов, бывший с.-д., ставший интернационалистом-новожизненцем, после Бреста разошедшийся с большевиками,— я никогда не забуду этой речи, потрясавшей и поразившей не только меня, еретика, случайно находящегося там, но и всех правоверных. Я утверждаю, что никто не ожидал ничего подобного. Двинулась стихия, и дух всеразрушающий, не знающий ни сомнений, ни преград, ни человеческих затруднений, витал в зале Кшесинской над молодежью».

С этих пор Ленин в своих речах, своих статьях, своих брошюрах, число которых постоянно увеличивается, ведет ожесточенную борьбу—последовательно дерзкую, беспощадную, вооруженную страшной и непоколебимой уверенностью: ежечасно возрастает число его приверженцев, он электризует и магнетизирует массы. Он доказывает им простым, ясным и конкретным языком необходимость осуществления своей программы.

Русское и союзные правительства чувствуют, что Ленин их злейший враг. Чем глубже его идеи проникают в массы русских рабочих, крестьян и солдат, тем выше подымаются волны клеветы и оскорблений. Ленина и его друзей преследуют всеми средствами и способами. Невольно вспоминаешь, как оклеветали и оплевали Карла Маркса после выхода его труда о Парижской Коммуне.

Буржуазия использовала в своих целях историю с его поездкой в пломбированном вагоне. Печать всего мира об'явила его немецким агентом, «разоблачала» его соглашение с правительством и генеральным штабом кайзера. Самые злейшие русские противники Ленина прекрасно знали, что Ленин человек идеи, властной идеи, гигантской идеи: идеи революции, что он неспособен к измене. Несмотря на это, они вскоре начали обвинять его, Зиновьева, Троцкого, Луначарского и Коллонтай в государственной измене.

Если Ленин проехал через Германию, то потому, что он не мог поступить иначе. Достаточно указать на затруднения, испытанные Троцким при возвращении из Америки в Россию, и на то грубое обращение, которому позже подвергались Чичерин и Петров. И теперь доказано фактами—Суханов указывает на это в своих «Записках о революции»—что Милюков разослал всем русским консулам за границей две телеграммы, в которых он им запретил визировать паспорта тех русских эмигрантов, имена которых значились в известных списках международного контроля.

5 (18) апреля Ленин и Зиновьев в Исполнительном Комитете Совета дали об'яснение относительно своей поездки через Германию; в результате этого постановлено было предложить Временному правительству распорядиться о беспрепятственном возвращении всех эмигрантов в Россию.

7 (20) апреля Ленин опубликовал в «Правде» тезисы, в которых он рассматривает вопросы революции и войны. Здесь следует краткое изложение этих тезисов, составляющих, с некоторыми изменениями, первую редакцию программы большевистской партии после Октябрьской революции.

1. Согласие на революционную войну при условии перехода власти в руки пролетариата и беднейших крестьян; отказ от аннексий на деле, а не на словах. Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии. Братанье.

2. Настал момент перехода от первого этапа революции ко второму, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства. Пропаганда этой идеи среди масс, только-что проснувшихся к политической жизни.

3. Никакой поддержки Временному правительству, обманывающему массы, не отказывающемуся от империалистской войны и являющемуся по существу правительством капиталистическим.

4. Признание факта, что в большинстве Советов Рабочих Депутатов большевики в меньшинстве; принимая во внимание это обстоятельство, раз'яснение массам, что Совет единственно возможная форма революционного правительства; терпеливое, систематическое раз'яснение массам ошибок правительства, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам Рабочих Депутатов.

5. Не парламентарная республика—а Республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов. Устранение полиции, армии, чиновничества.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Советы Батрацких Депутатов. Конфискация всех помещичьих земель. Национализация всех земель в стране, распоряжение землею местными Советами Батрацких и Крестьянских Депутатов.

7. Немедленное слияние всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны Советов Рабочих Депутатов.

8. Контроль за общественным производством и распределением продуктов.

9. Партийные задачи: немедленный с'езд партии; перемена программы партии; об империализме и империалистской войне; об отношении к государству; исправление отсталой программы-минимум; перемена названия партии (так как слово «социал-демократ» дискредитировано социал-патриотами).

10. Обновление Интернационала. Создание действительно революционного Интернационала.

«Солдатская Правда»,—большевистский орган, для солдат,—ведет усиленную пропаганду в армии, из которой солдаты дезертируют массами. Число «ленинцев» в Советах растет. Большинство сторонников Троцкого, с Троцким во главе, вливается в большевистскую партию, и большое количество рабочих-интернационалистов покидает меньшевистскую и эс-эровскую партии.

5-го мая образуется коалиционное правительство, в состав которого входят Керенский, Чернов, Церетелли и Скобелев, т. е. трудовики, эс-эры и меньшевики. Керенский, получивший два портфеля,—и военного и морского министра—издает приказ по армии и флоту и обращается к населению с воззванием Исполнительного Комитета Советов о безусловной поддержке Временного правительства.

3-го июня открывается под председательством Чхеидзе первый С'езд Советов, в котором участвует 781 делегат в следующем составе: 297 эс-эров, 235 меньшевиков, 100 большевиков, 32 меньшевика-интернационалиста, 10 бундовцев, 3 народника и т. д... При выборах в Петроградскую Городскую Думу избираются 54 эс-эра, 47 кадетов, 40 меньшевиков, 37 большевиков и т. д...

Под влиянием союзников Керенский заставляет армию начать совершенно неудачное наступление. В Петрограде грандиозно проходит устроенная по постановлению Первого Всероссийского С'езда Советов демонстрация, в которой участвует пол-миллиона рабочих и солдат; лозунги на знаменах и плакатах говорят о возрастающем влиянии большевиков на массы.

«Долой контр-революцию! Долой царскую думу! Долой Государственный Совет! Долой десять министров-капиталистов! Вся

власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов! Пересмотр декларации прав солдата! Долой разоружение революционных рабочих! Да здравствует народная милиция! Долой анархию производства! Долой обманщиков-капиталистов! Да здравствует контроль над производством и распределением! Против политики наступления! Долой войну! Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с французскими и английскими капиталистами! Хлеба! Мира! Свободы! Да здравствует Третий Интернационал!».

Несколькими днями позже, 3-го июля, несмотря на уговоры большевистских вождей, считавших революционное выступление рабочих масс преждевременным, рабочие, к которым присоединяются солдаты и кронштадтские матросы, выходят на улицу. Большевики принимают руководство движением, чтобы направить его в определенное русло и избежать возможных роковых последствий. Делается попытка арестовать министра Чернова. Волнения происходят также в провинции: в Нижнем Новгороде и в др. местах. Многие большевики арестовываются, как «немецкие агенты». Князь Львов подает в отставку, и Керенский заменяет его в Совете министров. Его первое дело—роспуск организаций, принимавших участие в восстании и приказ об аресте Ленина, Зиновьева, Троцкого, Каменева, Семашко, Луначарского, Раскольникова и других. Антибольшевистская печать неистовствует. Закрываются и производятся страшные разгромы типографий большевистской партии, и Керенский запрещает выход партийной печати, появляющейся под различными названиями.

Ленин и Зиновьев хотят передать себя в руки судебных властей, но по постановлению Ц. К. партии они скрываются и живут нелегально, аналогично 1905 г., сперва в небольшом местечке в Финляндии, затем в районе Выборгской стороны. Кронштадтское «Пролетарское Дело» опубликовывает письмо, в котором раз'ясняется позиция отказа признать юстицию господ Милюковых, Алексинских и К°.

«После письма бывш. министра юстиции Переверзева, опубликованного в газете «Новое Время», выяснилось, что дело о шпионстве Ленина намеренно подготовлено партией контр-революции. Переверзев открыто допустил, что он использовал незаконные доносы, чтобы возбудить ярость солдат против нашей партии. Бывший министр юстиции, человек еще вчера именовавший себя социалистом, сам подтвердил положение дела. Переверзева нет, но никто не осмелится сказать, что новый министр не будет применять методы Переверзева. Контр-революция подготовляет новый процесс Дрейфуса. Она так же мало верит в наш шпионаж, как главари русской реакции, создавшие процесс Бейлиса, верили, что евреи пьют детскую кровь. В настоящее время в России нет ни малейшей правовой гарантии. Центральный

Исполнительный Комитет, считающийся органом русской демократии, назначил сперва следственную комиссию по делу о шпионаже, но, под давлением контр-революционных кругов, эта комиссия исчезла. Комиссия не хотела ни подтвердить, ни отменить приказ о нашем аресте. Она омыла свои руки и выдала нас контр-революции».

Ленин не отказывается от продолжения своей пропаганды; в «Правде» и других партийных органах появляются его письма и статьи. Бритый и в парике, он иногда участвует на некоторых важных заседаниях Центрального Комитета партии. Он использует свой, невольный, отдых. В эти дни Ленин подготовляет к печати свой труд «Государство и Революция», который по основательным причинам остался незаконченным. Он извиняется по этому поводу в своем кратком послесловии:

«Настоящая брошюра написана в августе и сентябре 1917 г. Мною был уже составлен план следующей, седьмой, главы: «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов». Но, кроме заглавия, я не успел написать из этой главы ни строчки: «помешал» политический кризис, канун Октябрьской Революции 1917 года. Такой «помехе» можно только радоваться. Но второй выпуск брошюры (посвященной «Опыту русских революций 1905 и 1917 годов»), пожалуй, придется отложить надолго; приятнее и полезнее «Опыт революций» проделывать, чем о нем писать» [1].

Кризис приближается. Контр-революционный генерал Корнилов назначается главнокомандующим. Чернов выходит в отставку; Терещенко—министр иностранных дел, следует его примеру. По получении неограниченных полномочий от Московского совещания, состоявшего из представителей Советов и Временного правительства, Думы и различных партий, Керенский образует второе коалиционное министерство. Преследования большевиков удваиваются. Вводится смертная казнь, но при голосовании Совет большинством только четырех голосов высказывается против этого мероприятия. При городских выборах, происходящих в середине августа в Петрограде, эс-эры получили 75 мест, большевики—67, кадеты—42, меньшевики-интернационалисты—8. Корнилов пытается совершить государственный переворот, имеющий своим непосредственным последствием еще большее возрастание влияния большевиков. Несколько дней после Корниловской авантюры Совет 279 голосами, против 115, при 51 воздержавшемся, принимает большевистскую резолюцию, а вскоре переизбирается и Исполнительный Комитет Совета. Большевики приобретают большинство в Петроградском и Московском Советах. Троцкий выпускается из тюрьмы и избирается

[1] Н. Ленин. Государство и революция. Послесловие собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 396.

председателем столичного совета. «Победа большевизма показывает, что он гораздо сильнее и опаснее, чем можно было предполагать», пишет орган Милюкова «Речь». Керенский созывает в Петрограде временный Совет Республики, нечто вроде предпарламента, в котором участвуют представители различных партий и общественных организаций. От имени большевистской фракции Троцкий выступает с краткой, но очень значительной речью, после которой он вместе со всей фракцией покидает совещание.

«Мы, члены фракции большевиков,—говорил Троцкий,—заявляем: с этим правительством, предающим народ (сильный шум у правых и в центре. Возгласы: «негодяй»), с этим советом контр-революционных бандитов... (шум, крики: «вон». Председатель: «Я призываю оратора к порядку и прошу собрание спокойно выслушать заявление»)... мы не имеем ничего общего; мы не будем участвовать в этой преступной работе, закулисно проводимой во вред народу. Революция в опасности. В тот момент, когда немецкая армия угрожает Петрограду, правительство Керенского и Коновалова оставляет Петроград, чтобы в Москве подготовить победу контр-революции. Мы призываем Московских рабочих и солдат к бдительности. При оставлении Временного Совета (шум в центре) мы призываем всех рабочих, солдат и крестьян России быть на страже революции, и мы обращаемся к их мужеству (возгласы: «к мужеству немцев, а не русских»)... Петроград в опасности. Революция и народ в опасности. Правительство увеличивает эту опасность, и правящие классы помогают ему в этом деле. Народ один может спасти себя и страну. Поэтому мы, обращаясь к народу, говорим: Да здравствует действительный мир справедливости и демократии! Вся власть Советам! Вся земля и все поместья крестьянам! Да здравствует Учредительное Собрание!».

В статье «Кризис назрел» Ленин заявляет, что русская революция несомненно дошла до решающего перелома. Он цитирует следующее признание из «Дела народа»—органа, находящейся как никак у власти эс-эровской партии: «Почти ничего не сделано до настоящего времени для уничтожения тех кабальных отношений, которые все еще господствуют в деревне, именно центральной России... Закон об упорядочении земельных отношений в деревне, давно уже внесенный во Временное правительство и даже прошедший через такое чистилище, как юридическое совещание, этот закон безнадежно застрял в каких-то канцеляриях... Разве мы неправы, утверждая, что наше республиканское правительство далеко еще не освободилось от старых навыков царского управления, что столыпинская хватка еще сильно дает себя знать в приемах революционных министров».

Ленин доказывает, что соотношение сил чрезвычайно благоприятно для большевизма. В Москве из семнадцати тысяч солдат—четырнадцать тысяч голосовали за большевиков, причем, как он указывает, следует принять во внимание, что «Москва более Питера мелко-буржуазна». В Москве также при выборах в Совет голоса, поданные за эс-эров и меньшевиков, пали с 70 процентов до 18 процентов; большевики, наоборот, имели успех, число голосов, поданных за них, возросло с 34 тысяч до 82 тысяч, и они получили 47 процентов всего числа голосов. Из этого Ленин делает два вывода: «Мелкая буржуазия против коалиции, народ против коалиции, в этом нельзя сомневаться».— «Что вместе с левыми эс-эрами [1] мы имеем теперь большинство и в Советах, и в армии, и в стране,—в этом ни тени сомнения быть не может». Наконец, он добавляет:.. «Нет ни малейшего сомнения, что большевики, если бы они дали себя поймать в ловушку конституционных иллюзий, «веры» в созыв Учредительного Собрания, «ожидания» С'езда Советов и т. п.,—нет сомнения, что такие большевики оказались бы жалкими изменниками пролетарскому делу [2].

Петроградский Совет издает приказ—не подчиняться распоряжениям штаба Петроградского военного округа, и организуется Военно-Революционный комитет. Министр юстиции отдает приказ об аресте Ленина, по имеющимся сведениям скрывающегося в Петрограде; 22-го Октября (4-го Ноября), в день заседания Петроградского Совета, проводятся многочисленные митинги против Временного правительства на всех фабриках и заводах. Керенский, не прекращающий изливать свой неиссякаемый поток речей, говорит в предпарламенте о необходимости бороться против большевиков. Правительство отдает распоряжение о закрытии «крайних» газет.

Ленин обращается с призывом к меньшевикам и эс-эрам с предложением создать рабочее правительство и организовать совместную борьбу против контр-революции; Ленин полагает, что решающий час для захвата власти настал. Он предлагает это Центральному комитету своей партии.

«Наш Ц. К. не согласился тогда с тов. Лениным, пишет Зиновьев,—почти всем нам казалось, что еще рано, что меньшевики и эс-эры имеют еще довольно много сторонников. Тогда Ленин, не долго думая, бросает свое убежище и «самочинно», не считаясь с опасениями друзей, приезжает из Финляндии в Питер, чтобы проповедывать немедленное восстание. Керенский и Авксентьев пишут приказы за приказами об аресте Ленина.

[1] Несколько недель перед этим значительная группа левых эс-эров, враждебная коалиционной политике своей партии, откололась, присоединилась к тактике большевиков и голосовала за предложенную ими резолюцию.

[2] Н. Ленин.—Кризис назрел. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 265.

А Ленин из подполья готовит восстание, убеждает сомневающихся, бичует колеблющихся, пишет и агитирует за самое скорое выступление. И—добивается своего.

...Теперь все это ясно. Но тогда, в водовороте событий, нужен был ленинский глазомер, нужна была ленинская гениальная интуиция, чтобы сказать: ни одной недели больше—сейчас или никогда. И нужна была несгибаемая ленинская сила воли, чтобы победить все препятствия и начать как раз к сроку величайший из переворотов, которые знает история»[1].

Вся печать шумела о предстоящем вооруженном восстании большевиков. Никто в нем не сомневался. Пытались только определить и предсказать момент.

4. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

24 октября (6 ноября) большевики овладели главным телеграфом. Мосты на Неве были разведены. На следующий день, 25 октября (7 ноября), революционные солдаты и матросы заняли главный почтамт и Государственный банк. Военно-революционный комитет публикует сообщение о свержении Временного правительства. Керенский поспешно удирает. К полудню открыто появляется т. Ленин и на специально созванном заседании Совета произносит речь. Укрывшемуся в Зимнем дворце правительству посылается ультиматум с требованием о сдаче. Правительство отказывается сдаться, Зимний дворец обстреливается и спустя некоторое время занимается революционными отрядами.

В Петрограде на С'езде Советов т. Ленин делает доклад о мире. С'езд обращается с воззванием ко всем воюющим народам с предложением немедленного заключения мира. С'езд Советов постановляет передать всю землю крестьянам. Из 512 делегатов 400, в том числе 200 большевиков, одобряют захват власти; правые эс-эры, меньшевики и часть меньшевиков-интернационалистов покинули С'езд.

27 октября (9 ноября) Керенский издает приказ по Петроградскому гарнизону о назначении генерала Краснова главнокомандующим войск Временного правительства. В то же время С'езд Советов избирает состав Совета Народных Комиссаров, который составляется из следующих лиц: Председатель Совета Народных Комиссаров—Владимир Ульянов (Ленин), Народный Комиссар Внутренних Дел—Рыков, Народный Комиссар Земледелия—Милютин, Народный Комиссар Труда—Шляпников, На-

---

[1] Г. Зиновьев. Н. Ленин. Петроград. 1918, стр. 60.

ЧЛЕНЫ РКП,—УЧАСТНИКИ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

В среднем ряду сидят (слева—направо); С. С. Данилов, Н. Крестинский, А. Иофе, Л. Каменев, ЛЕНИН, Ф. Я. Кон, Е. Д. Стасова, С. Мицкевич, Б. М. Эльцин, Г. Петровский, Н. Скрыпник и Ходоровский.

родный Комиссар Торговли и Промышленности—Ногин, Народный Комиссар Просвещения—Луначарский, Народный Комиссар Финансов—Степанов, Народный Комиссар Иностранных Дел—Троцкий, Народный Комиссар Юстиции—Ломов, Народный Комиссар Продовольствия—Теодорович, Народный Комиссар Почт и телеграфов—Глебов-Авилов, Народный Комиссар по делам национальностей—Сталин, Коллегия по военным и морским делам: Антонов, Крыленко и Дыбенко.

Перед закрытием С'езда избирается Центральный Исполнительный Комитет в составе ста членов, из которых 70 большевиков.

В течение нескольких дней, как в Петрограде, так и в Москве, верные Керенскому войска пытались свергнуть большевиков.

1 (14) ноября генерал Краснов попадает в плен, Керенский бежит. Совет Народных Комиссаров опубликовывает декларацию прав Народов России о самоопределении вплоть до права отделения от России и образования независимого государства. Троцкий предлагает союзным державам немедленно заключить перемирие и начать мирные переговоры. Русским войскам отдается приказ прекратить военные действия. Большевистское правительство приступает к опубликованию дипломатической переписки и тайных договоров, заключенных между Россией и союзными державами; правительство твердо следует своей программе. Противники и враги большевиков, всецело поддерживаемые союзными послами, саботируют работу и организуют контр-революцию. Левые эс-эры принимают участие в правительстве.

Затем следуют переговоры в Брест-Литовске, срыв их и наступление немцев. 5 (18) января в Таврическом дворце открывается Учредительное собрание. Совет Народных Комиссаров, за исключением Троцкого, в полном составе присутствует на заседании. Заседание открывается Свердловым, Председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета; выступает с речью избранный председателем Учредительного собрания бывший министр Чернов. Ему с трудом удается говорить, речь его прерывается многочисленными возгласами. От имени большевистской фракции Бухарин предлагает обсудить вопрос о власти и декларацию Центрального Исполнительного Комитета. Так как большинство членов Учредительного собрания высказалось против этой точки зрения, большевики и левые эс-эры покидают заседание; после этого матрос Железняков об'явил о роспуске Учредительного собрания. На следующий день, 6 (19) января, Центральный Исполнительный Комитет официально об'явил о роспуске Учредительного собрания, а 10 (23) января открылся третий С'езд Советов.

Троцкий отклоняет драконовые условия мира, предложенные Германским правительством, стоящие в полном противоречии с принятым за основу переговоров принципом—мир без аннексий и контрибуций—и русская делегация покидает Брест-Литовск после заявления о прекращении состояния войны между Советской Россией и центральными державами. Немецким войскам отдается приказ о наступлении. Несмотря на предпринятые русскими попытки к братанию, немцы занимают Двинск, а затем и Киев.

Тогда внутри партии и в Центральном Исполнительном Комитете Ленин выступает за то, что он сам называет «похабным миром». Причины, по которым он высказывается за мир «во что бы то ни стало», он излагает в форме крайне остроумных тезисов. Он доказывает, что заключение мира с империалистами не представляет разрыва с международным социализмом. «Рабочие, которые проигрывают стачку, подписывая невыгодные для них, выгодные для капиталиста условия возобновления работ, не изменяют социализму» [1].

В десятом пункте своих тезисов он приводит сильную аргументацию: «...Довод за немедленную войну тот, что, заключая мир, мы об'ективно являемся агентами германского империализма, ибо даем ему и освобождение войск с нашего фронта и миллионы пленных и т. д. Но и этот вывод явно неверен, ибо революционная война в данный момент сделала бы нас об'ективно агентами англо-французского империализма, давая ему подсобные его целям силы. Англичане прямо предлагали нашему главковерху Крыленко по 100 рублей в месяц за каждого нашего солдата в случае продолжения войны. Если мы ни копейки не возьмем от англо-французов, мы все же об'ективно будем помогать им, отвлекая часть немецких войск» [2].

В дальнейшем он указывает на то, что надо считаться с разложением армии и с жаждой мира у крестьян, являющихся большинством армии. Весь его реализм выражен в следующих строках:

«Если германская революция в ближайшие месяцы не наступит, то ход событий при продолжении войны будет неизменно такой, что сильнейшие поражения заставят Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир, при чем мир этот будет заключен не социалистическим правительством, а каким либо другим (например, блоком буржуазной Рады с черновцами или что либо подобное), ибо крестьянская армия, невыносимо истрепленная войной, после первых же поражений, вероятно, даже не через месяц, а через неделю свергнет социалистическое рабочее правительство» [3].

[1] Н. Ленин. Тезисы о мире—т. XV, стр. 65.
[2] Там же, стр 65—66.
[3] Н. Ленин. Очередные задачи Советской власти. Том XV, стр. 68.

Центральный Исполнительный Комитет соглашается с убедительными доводами Ленина большинством 115 против 85 голосов при 26 воздержавшихся, и Сокольников поспешно отправляется в Брест, чтобы, не читая, подписать гнусный «мирный» договор. Левые эс-эры, противники мира отошли от большевиков, и внутри большевистской партии образовалась левая оппозиция; она представлена была, главным образом, Бухариным, Осинским и Радеком и издавала даже свой собственный орган. Дальнейшие события доказали, как велика была мудрость Ленина; ход событий превратил Брестский договор в клочек бумаги.

Ленин, сильно поддерживаемый Троцким и своими товарищами по Ц. К. партии и по ВЦИК, приступил к выполнению огромной многообразной задачи: организовать производство, создать народное хозяйство, бороться против контр-революции, прочно организующейся по всей России, задержать наступление, предпринятое всеми контр-революционными генералами, вооруженными, содержимыми и поддерживаемыми, главным образом, Францией; просвещать и воспитать народ, пребывающий в течение столетий царского рабства в невежестве и грязи. При выполнении этой задачи Ленин опять проявил себя прекраснейшим тактиком и реалистом крупного размаха. Он маневрирует, отступает и лавирует, чтобы создавать, строить и организовать. Он проповедует строгую пролетарскую дисциплину. «Настоящий интерес эпохи больших скачков состоит в том, что обилие обломков старого, накопляемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового, требует уменье выделить самое существенное в линии или цели развития».

«Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще. Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, при чем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной, цепи [1].

Уже сказываются те задачи, которые Ленин поставил перед собой по части индустриализации и электрофикации России, этого совершенно отсталого истощенного государства, богатого производительными силами.

«Наиболее сознательный авангард российского пролетариата уже поставил себе задачу повышения трудовой дисциплины, например, в Центральном Комитете Союза металлистов и в Центральном Совете Профессиональных Союзов начата разработка соответствующих мероприятий и проектов декретов. Эту

---

[1] Там же, стр. 222—223.

работу надо поддержать и двинуть ее вперед изо всех сил. На очередь надо поставить, практически применить и испытать сдельную плату, применение многого, что есть научного и прогрессивного в системе Тэйлора, соразмерение заработка с общими итогами выработки продукта или эксплоатационных результатов железно-дорожного и водного транспорта.

«Русский человек плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе при режиме царизма и живости остатков крепостного права. Учиться работать—эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее об'еме. Последнее слово капитализма, в этом отношении, система Тэйлора,—как и всякий прогресс капитализма,—соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплоатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнание лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов, работы, введение наилучших систем учета и контроля и т. д. Советская Республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области. Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма. Надо создать в России изучение и преподавание системы Тэйлора, систематическое испытание и приспособление ее. Надо вместе с тем, идя к повышению производительности труда, учесть особенности переходного времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были положены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны, требуют применения принуждения так, чтобы лозунг диктатуры пролетариата не оскверняло практикой киселеобразного состояния пролетарской власти [1].

Так пишет Ленин в статье «Очередные задачи Советской власти» 29 апреля 1918 г. в Известиях ВЦИК. Полный уверенности он кончает: «Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата» [2].

Противники Ленина уже давно знают, что он является вождем революции. Они намереваются его убить и поручают совершить этот «подвиг» эс-эрке Фане Каплан. Великан сражен, но не убит. Но какое движение по всей территории молодой Советской Республики и среди рабочих всего мира! Благодаря своей чрезвычайной жизненной силе, Владимир Ильич через короткое время вновь на посту у руля государства и партии.

Каждая его минута до последней возможности использовывается, Ленин, как глава рабоче-крестьянского государства, в

---

[1] Там же, стр. 209—210.
[2] Там же, стр. 225.

котором все еще приходится создавать и во всех отношениях импровизировать, имеет много забот; но, несмотря на это, Ленин думает не только о Советской России, но и о народах Запада и Востока. В марте 1919 года в Красном Кремле он основывает третий Коммунистический Интернационал, в работе конгрессов которого он принимает деятельное участие.

Гражданская война и блокада России Антантой оставляют Ленину и его сотоварищам очень мало времени и возможностей для созидания и организации советского государства. Едва устранена одна опасность и принимаются за работу, как горизонт снова омрачается. Каледин, Юденич, Деникин, Колчак, Махно, Врангель, Антонов и т. д... Непрерывная тесная блокада. Заговоры, которые беспрестанно повторяются. И везде и всюду он твердо и непоколебимо, с верой в грядущее, выносит разразившиеся бури и непогоды. Его зоркий взгляд с самого начала улавливает едва заметное маленькое голубое пятно в необ'ятном пространстве сплошного, густого мрака. Он следит за всеми частями сложного механизма и за всей машиной РСФСР.

После того, как утомленные войной правительства заключили с Советским Правительством перемирие, постепенно налаживаются дипломатические и торговые сношения с капиталистическими государствами, Ленин приступает к восстановлению хозяйства, промышленности и производительности России, Ленин выступает со смелой речью, провозглашающей «новую экономическую политику», ныне всюду популярную под сокращенной кличкой «НЭП». Он провозглашает необходимость государственного капитализма. Отказывается ли он от своих принципов и от своей программы? Нет, в этом случае, как и в других, проявляется реалист, считающийся с фактами. Он лавирует, он маневрирует. Речь идет об экономическом отступлении. В Российской Коммунистической Партии и среди некоторых рабочих—недоумение, удивление, разочарование. Но через несколько месяцев оппоненты и недовольные начинают понимать.

Как только возникает опасность, как только он замечает, что мелкая буржуазия в России снова угрожающе подымает голову и пытает образоваться каста капиталистов, он говорит: «Ни шагу дальше», и дает приказ приостановить экономическое отступление. Точно также он и в международных вопросах делает поворот вправо или влево в зависимости от обстоятельств и условий момента. Он сочувствует левым, но как только он замечает омрачающую будущее опасность, он резко выступает против нее. Но когда правые или центристы неправильно истолковывают его мысли и хотят в своей политике ориентироваться на II Интернационал, то Ленин напоминает тем, кто забыл или не хочет вспомнить, что он является убежденным

противником Каутских и каутскианства, заклятым врагом капитализма и империализма, до беспощадного конца последовательным, энергичным революционером.

5. ХАРАКТЕРИСТИКА ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА.

Ленина охотно изображают, как тирана и крайнего политика, неспособного к дружбе, для которого люди, кто бы они ни были, являются лишь необходимым материалом для его лабораторных опытов. Со злорадством указывают на разрыв дружбы его с Мартовым и на то, с какою резкостью Ленин против него выступал.

В действительности, Ленин—человек чуждый сентиментальности, но к своим товарищам по борьбе и по классу, к своим духовным друзьям он хранит непоколебимую верную дружбу и никогда не отрекается от своих друзей. Он очень чуткий человек, хороший, настоящий товарищ. Употребляя это слово, Владимир Ильич понимает его не только в ограниченном смысле «партийный товарищ», но вкладывает в него бесконечно более широкий, полный всеоб'емлющий смысл. С полным основанием Каменев подчеркивает ту дружбу, какую Ленин во всякое время водил с рабочими и трудящимися, среди которых он жил, которых он внимательно расспрашивал, к которым он обращался и освобождения которых он всеми средствами добивался.

Один из самых близких друзей Ленина, инженер Кржыжановский, охарактеризовал его, указывая на его огромный ум и его сверхчеловеческую энергию; но, добавляет он, он является и весьма веселым и милым товарищем. Ленин прежде всего человек политический и, разойдясь с кем-нибудь политически, он сейчас же рвет и личные отношения. В борьбе же, говорит Кржыжановский, он беспощаден и прямолинеен. Он любил Мартова, знания и диалектическую силу которого он хорошо знает, и, может быть, еще любит его; но, как выражается Луначарский, он «считал и считает его политически несколько безвольным и теряющим за тонкою политическою мыслью общие ее контуры» [1]. Вообще, меньшевизм является состоянием духа, из которого можно сделать вывод о недостатке уверенности в массовом движении, о сухом материализме, о малодушии, которое логически ведет своих представителей в критическое время тяжелых событий и стихийных переворотов вправо.

Друзья и товарищи Ленина во всякое время готовы жертвовать для него своею жизнью. Чего только не сделали бы они для Владимира Ильича. Никого так не любят и не боготворят, как его,—его, над которым когда-то издевались, которого окле-

[1] Луначарский. Великий переворот. Стр. 67.

Л. Д. Троцкий, В. И. ЛЕНИН, Л. Б. Каменев.

ветали и ненавидели, и как ненавидели! На следующий день после покушения Фани Каплан на Ленина, Троцкий действительно был выразителем общего мнения о Ленине. Троцкий говорит: «когда думаешь, что Ленин может умереть, то кажется, что все наши жизни бесполезны и перестает хотеться жить».

В недели, последующие за днем этого, к счастью, неудачного покушения, из всех уголков необ'ятной России получались тысячи наивных писем и простодушных излияний чувств, написанных рабочими и крестьянами. «Беднота», газета деревенской бедноты, опубликовала самые своеобразные из них. Один из них выражается так просто: «Товарищ редактор! Не откажите поместить в своей газете несколько слов нашему дорогому учителю Ленину. Я был бы очень огорчен, если б вы мне в этом отказали». Другой, полный гнева и жалости, пишет: «Разреши мне выразить тебе то чувство глубокой скорби, ненависти и возмущения против безумного врага, осмелившегося покушаться на вождя угнетенных».

Но самое интересное из писем, полученных Владимиром Ильичем, несомненно следующее: «В начале ноября мы получили декрет о земле, в котором говорится, что впредь не существует собственности на землю, что земля отнимается от помещиков и передается трудящемуся народу. Мы, крестьяне, не знали, как выразить свою радость. Наконец, труд восторжествовал над капиталом и трудящийся над бездельником. Мы, трудящиеся, мы, крестьяне, были в восторге и полны были любопытства. Кто тот добрый человек, сумевший все так хорошо наладить и подписавший декрет именем Ленина? Кто такое Ленин? Дядя Митя побежал к попу, к отцу Василию, и спросил, кто такое этот Ленин: царь ли это, или самый умный из губернаторов? И он, поп, ответил: «Не радуйся, Митя, земля помещиков принадлежит им за их труд, и если вы осмелитесь ее засеять, бог не даст вам счастья и не пошлет вам дождя. Твой Ленин—антихрист». Это об'яснение заставило крестьян недоверчиво относиться к попу. Мы судили и рядили и, наконец, пришли к убеждению, что поп также думает попасть в своей рясе в царство небесное, что ему, однако, не мешает иметь пять лошадей, четыре коровы и 50 десятин пахотной земли и, кроме того, принимать еще доходы церковные: при появлении на свет божий надо платить; хочешь жениться—плати, умрешь—плати 10 руб. за отпевание; у нас молитвы обложены сбором, как китайский чай торгового дома Высоцкий и К°. Принимая во внимание все эти соображения, мы решили не так бояться антихриста, а засеять землю помещичью».

Надо присутствовать на партийных и советских собраниях, на митингах фабрик и заводов, чтобы видеть всю дружбу, всю любовь русского народа к Ленину. При его появлении—почти

устрашающая буря аплодисментов. Все встают радостно оживленные и окружают плотной стеной этого несравненного человека. А он остается таким простым, таким скромным, таким застенчивым, таким справедливым, таким человечным, таким товарищем.

Слушая речь, читая статью, в которой развиваются мысли, признанные им правильными, или критику, которую он считает обоснованной, он высказывает свое горячее одобрение. Всякий проект, кажущийся ему правильным, он поддерживает в печати и в ЦК. партии. Если же он замечает следы оппортунизма и антимарксизма, он проявляет свою безжалостную критику, свою жестокую иронию и старательно разбирает заблуждения и лжеучения, чтобы обнаружить скрытую в них опасность.

Один из старейших большевиков, Воровский (Орловский), впоследствии глава русской миссии в Италии, погибший от пули белогвардейца в Лозанне, дал следующую характеристику Ленина:

«Как это всегда происходит с людьми сильного характера, являющимися крупными личностями, так и с Лениным, которого и ненавидели и любили. Его противники считают его чудовищем, для которого не существует ничего святого, для которого кровь—наслаждение и который честолюбиво стремится к власти. В противоположность этому он является для своих приверженцев, а особенно для рабочих, почти божеством. Ленин—действительно человек, могущий захватывать и отдельного человека и массы. Он не крупный оратор в эстетически-техническом смысле, но он говорит с такой убедительностью, с таким под'емом, что он может привить свой гнев тысячам людей. Связь с массой воодушевляет его, и он обладает тайной перенести свою собственную убежденность и свою собственную веру на массу. Его речь проста, без всяких прикрас, позитивна и ясна. Не образы рисует он в своих речах,—а дело.

«Но это «кровожадное» чудовище, сокрушающее железной рукой препятствия, производит совсем иное впечатление, когда сидишь рядом с ним у его рабочего стола, когда он развивает свои мысли. Он читает рукописи или рассматривает какой-либо практический вопрос. Никто так охотно не принимает хороших советов, как он; никто так предупредительно не разрешает просмотреть свои рукописи, как он; никто, наконец, не подчинялся так охотно, как он, мнению большинства. Но, конечно, только тогда, когда он убежден, что это не повредит рабочему классу. Ибо он настаивает на своих требованиях, даже если следствием этого будет разрыв с лучшими друзьями.

«Franges, non flectes» («ты можешь меня сломать, но не согнуть»), говорили о нем.

«Русскому рабочему классу нужен такой характер, если он хочет выполнить свою историческую задачу. Ибо придется вести

упорную борьбу, иногда против ближайших друзей, прежде всего для вразумления заблудившихся товарищей. Для этого, действительно, необходим железный кулак, железная воля и железные нервы».

Он не любит власти, как таковой, но лишь постольку, поскольку она дает ему возможность применения теории, которой он посвятил всю свою жизнь и за которую он охотно пожертвовал бы всею своею жизнью.

Редко можно найти столь мужественного человека как Ленин; он это доказал в ранние периоды своей жизни и при самых различных обстоятельствах, но, в противоположность этому, он обладает также чрезвычайной гибкостью, глубокой политической мудростью и прямо-таки удивительной силой понимания массы и фактов. «Ленин—великий знаток массы», сказал о нем ненавидящий его противник. Психологию масс он знает, действительно, в большой степени. Он понимает все нужды, все желания, все недовольства, все радости рабочих. Отсюда его сила и его воля. В меньшей мере он владеет психологией отдельной личности и он иногда ошибается относительно качеств отдельного человека.

«Бывает»—пишет Горький—«что Ленин переоценивает добрые качества людей в их пользу и во вред делу. Но почти всегда его отрицательные оценки—казалось бы, неосновательные—неизбежно подтверждаются людьми, которых он отрицательно оценил еще раньше, чем видел результаты их работы. Это может свидетельствовать о том, что дурные свойства людей чувствуются Лениным лучше хороших, но также и о том, что дрянных людей, вообще и всюду, значительно больше, чем хороших» [1].

Удивительный толкователь исторического материализма, он не претендует на то, чтобы господствовать над событиями, но он направляет их и умеет направлять иногда противоречащие друг другу действия в одно русло, он знает искусство группировки и согласования сил. Октябрьская революция без Ленина и Троцкого была бы так же малопонятна, как и дальнейшее развитие всей революции.

«Октябрьская революция—так заявляет Зиновьев—поскольку и в революции не только можно, но и должно говорить о роли личности—октябрьская революция и роль в ней нашей партии есть на девять десятых дело рук тов. Ленина. Если кто-либо смог заставить колеблющихся стать в ряды и шеренгу—это был тов. Ленин» [2].

Благодаря утонченному чутью реального и связанному с этим колоссальному знанию психологии масс, Ленин предвидит

---

[1] М. Горький. В. И. Ленин. «Комм. Интерн.» № 12, стр. 1934.
[2] Г. Зиновьев. Н. Ленин, стр. 61—62.

исторические события. Отсюда этот кругозор, казавшийся пророческим, благодаря которому он принимает смелые неожиданные решения, переворачивающие все. Будь то Октябрьская революция, или Брестский мир, или новая экономическая политика—три исторических момента русской революции—факты доказали уверенность его решения, которую идеалисты сочтут свойством провидения.

Самым сложным мировым проблемам, самым трудным задачам внутренней политики он посвящает все свое внимание и, с другой стороны, он жертвует значительной частью своего времени для бесед о повседневных, простых, банальных вопросах. Он принимает представителей правительства, партий и местных советов, рабочих, крестьян, приезжих иностранных гостей, и он находит время читать книги, журналы, газеты, писать книги и статьи на самые разнообразные темы. Его работоспособность стала легендарной. К ней присоединяется железная, непреклонная, непоколебимая воля, гениальная движущая сила.

Ленин, как оратор, по словам Воровского, не оратор в эстетическом смысле. Его речи не отличаются тем стилистическим построением, которым отличается красноречие Троцкого, и у него нет картинных и стилизованных оборотов речи, составляющих свойство докладов Луначарского. Речь Ленина вытекает из нескольких основных точек, которые он развивает при помощи кратких простых предложений, которые он даже не всегда считает нужным заканчивать. Он повторяет одну и ту же мысль в разных формах и не перестает, пока не убедит своего противника. Он начинает свою речь выпадами, популярными рассуждениями и громким смехом, он подвижен, ходит взад и вперед, пожимает плечами, засовывает руки в карманы брюк или пиджака. Иногда он прибегает к банальности, даже к грубости, если думает, что это способствует тому, чтобы сделать его мысли более понятными.

«Я понял,—пишет Луначарский, пытавшийся охарактеризовать первую услышанную им речь Ленина,—я понял, что этот человек должен производить, как трибун, сильное и неизгладимое впечатление. А я уже знал, насколько силен Ленин, как публицист,—своим грубоватым, необыкновенно ясным стилем, своим умением представлять всякую мысль, даже сложную, поразительно просто и варьировать ее так, что она отчеканилась, наконец, даже в самом сыром и мало привыкшем к политическому мышлению уме» [1].

Об этой степени понимания своих слушателей, своих читателей он ежеминутно, без малейшего отклонения от своих, мыслей, свидетельствует, он считается с культурным уровнем,

---

[1] Луначарский. Великий переворот, стр. 62.

со способностью понимания, с привычками,—даже с дурными привычками—тех, с кем он говорит. На четвертом конгрессе III Интернационала он сказал, когда говорил о тезисах, принятых предыдущим конгрессом, что они слишком «русские», слишком пропитаны «русским духом» и слишком длинны для иностранцев. Он знает лень мысли иностранцев.

Простота, выраженная в его статьях, в его речах, в его беседах, проявляется и в его личной жизни. Если существуют русские революционеры, изменившиеся благодаря власти и авторитету, то к ним ни в коем случае не принадлежит Владимир Ильич. «Его личная жизнь такова, что, в эпоху преобладания религиозных настроений, Ленина сочли бы святым»—говорит Горький [1].

Он удивительно уравновешенный человек, вполне здоровый физически. Этим об'ясняется и его духовное здоровье, его воля, его бесстрашие. Ленин всегда любил прогулки, купанье, охоту. Так он отдыхает и ни о чем не думает. Он отдается тогда всеоб'емлещему веселью. Он возвращается окрепшим, с повышенной энергией, готовый к новой борьбе. Он производит с виду впечатление здорового, сильного и нормально сложенного человека. «На вид он похож на ярославского кулачка, на хитрого мужиченку, особенно, когда носит бороду», говорит Кржыжановский.

Он невысокого роста, плотный, похож на фавна, его лицо испещрено веснушками, лоб широкий, нос выдается вперед, подбородок оброс жидкой бородкой, глаза щурятся и беспрерывно на чеку. Его взгляд всегда прямой и ясный; чувствуется, что он оживлен интеллектом, иронией, веселостью бойца. Его лицо с определенными математически точными контурами, его огромный череп выражают всю силу, всю энергию, всю жизненность, воплощенную в нем.

Таков Владимир Ильич, который в огромной лаборатории, именуемой Россией, сделал опыт с научным социализмом, пытался провести общественный строй, при котором исключена всякая возможность эксплоатации и насилия, который является самым заклятым врагом капитализма, империализма и колониализма.

Ленин дает нам картину грандиозной жизни, посвященной титаническим усилиям устранить все условия, виновные в том, что человек в двадцатом веке еще является рабом. Мощной рукой он написал громадную главу современной истории. Благодаря ему восторжествовала идея интернационализма и всеобщего братства.

---

[1] М. Горький. В. И. Ленин—«Комм. Интерн.». № 12, стр. 1933.

exploiter le particularisme moyen-ageux? Trop dangereux; pas marxiste. Il faut distinguer entre les mouvements nationaux modernes et les "mouvements" (soi-disant mouvements) avec le caractère moyenageux.

КАРАНДАШНЫЕ ЗАМЕТКИ ЛЕНИНА.

Во время II-го конгресса Коминтерна В. И. был председателем комиссии по колониальному и национальному вопросу.

Заметки (на французском яз.) касаются этих вопросов.

II.

РУКОВОДЯЩАЯ МЫСЛЬ, ТРУДЫ, ДЕЛА.

1. ЕДИНСТВО УЧЕНИЯ И ДЕЛА.

Говорят, будто русская революция и, в особенности, октябрьская, второй этап революции, была специфически русским явлением. Только в России могли-де появиться и развиться подобного рода факты. Положение в России, будто бы, коренным образом отличалось от положения европейских государств. С другой стороны, только в России существуют Ленины и Троцкие. Буржуа и коммунисты часто сходятся в этом взгляде и проявляют то же удивление, что проявляли люди, предлагавшие себе вопрос, как такие маленькие страны, как Норвегия и Бельгия могли дать миру Ибсена и Верхарна, как такая «прозаическая» страна, как Америка, могла быть колыбелью творчества Уот Уитмэна.

Действительно, условия благоприятствовали развитию русской революции, но, с другой стороны, там существовала партия, сумевшая превосходно использовать эти условия. В других странах Европы—в Германии, во Франции, в Италии,—положение было более или менее революционное, но в решающий момент не нашлось ни партии, ни людей, требуемых чрезвычайными обстоятельствами.

Неужели Россия—единственная страна, где родятся великие настоящие революционеры, так же как Италия является страной, «где растут лимоны»?—Нет, но с 1903 г. там образовалась партия, имевшая своей базой ясную, твердую и радикальную программу, партия, вооруженная железной дисциплиной. «Только история большевизма за весь период его существования может удовлетворительно об'яснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата», говорит Ленин. И он продолжает:

«А эти условия, с другой стороны, не могут возникнуть сразу. Они вырабатываются лишь долгим трудом, тяжелым опытом; но выработка облегчается правильной революционной теорией, которая, в свою очередь, не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения[1]. Биография Ленина сливается с историей партии. И здесь и там проявляется одинаковое единство, одинаковая прямолинейность, одинаково сильная уверенность. Их програма не меняется; но из различных условий и положений вытекает крайне гибкая тактика, которую поверхностные умы и все те, которых удовлетворяет только бесплодная философская спекуляция, об'явят противоречивой.

Мнения Ленина по аграрному вопросу, о парламентаризме, о советах, об Учредительном Собрании, о тактике III-го Интернационала основаны столько же на твердой и строгой научной теории, сколько на беспощадной оценке фактов. Цель едина и определенна, но средства различны, смотря по соотношению сил, по экономическому и политическому положению, по психологическому состоянию масс и т. д. Во время империалистической войны Ленин выдвигал идею «раскола во что бы то ни стало». Так как II Интернационал потерпел крах, то важно было создать в каждой из воюющих стран специфически революционные партии и группы, состоящие из действительных и «интернационалистических», при всех обстоятельствах, элементов, вокруг которых могли-бы об'единиться массы. Ренегатам марксизма и научного социализма Ленин даже предпочитал некоторых анархистов и антипарламентских синдикалистов, которые, однако, были более чистыми революционерами.

«Те социалисты, кои во время войны 1914—1918 г.г. не поняли, что война преступная, реакционная, грабительская, империалистская с обеих сторон, суть социал-шовинисты, т. е. социалисты на словах, шовинисты на деле; друзья рабочего класса на словах, а на деле лакеи «своей» национальной буржуазии, помогающие ей обманывать народ, изображая «национальной», «оборонительной, «справедливой» и т. п. войну между английской и германской группой империалистов-хищников, равно грязных, кровавых, преступных, реакционных»[2].

И в другом месте:

«Товарищи, до войны казалось, что главное деление в рабочем движении—это деление на социалистов и анархистов. Это не только казалось, но и было так. В продолжительную эпоху

---

[1] Н. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Собр. соч., т. XVII, стр. 118—119.

[2] Н. Ленин. «О задачах III-го Интернационала». Собр. соч. т. XVI, стр. 272—273.

до империалистической войны и революции—об'ективно революционного положения в громадном большинстве европейских стран не было. Задача состояла в том, чтобы использовать эту медленную работу для революционной подготовки. Социалисты начали это дело, анархисты не понимали этой задачи. Война создала революционное положение, и это старое деление оказалось изживающим себя. С одной стороны, верхушки анархизма и социализма сделались шовинистами. Они показали, что значит защищать своих буржуазных грабителей против других грабителей буржуазии, из-за которых война погубила миллионы людей. С другой стороны, в низах старых партий зародились новые течения—против войны, против империализма, за социальную революцию. Таким образом, из-за войны создался глубочаший кризис и анархисты и социалисты раскололись потому, что верхушки парламентских вождей социалистов пошли по стопам шовинистов, а в низах все растущее меньшинство отходило от них и стало переходить в лагерь революции.

«Таким образом, рабочее движение всех стран пошло по новой линии, не по линии анархистов и социалистов, а по линии, способной привести к диктатуре пролетариата. Этот раскол во всем мире наметился и начался еще до существования III Интернационала»[1]. Плеханов так же тенденциозно, как Каутский, использовал то, что когда-то писали Карл Маркс и Энгельс об анархистах; но тех условий больше не было; Маркс и Энгельс боролись против Бакунина и прудонистов, которые своим непониманием фактов и своей враждебностью к авторитету, содействовали разложению I Интернационала.

«Обычная критика анархизма,—пишет Ленин в «Государстве и революции» — у современных социал-демократов свелась к чистейшей мещанской пошлости: «Мы - де признаем государство, а анархисты нет». Разумеется, такая пошлость не может не отталкивать сколько-нибудь мыслящих и революционных рабочих» [2].

Много раз Ленин заявлял, что если анархистские учения нашли столько приверженцев среди революционных элементов, то это является результатом недоразумения, следствием оппортунизма социалистических партий и их жалкой реформистской практики.

Но как только III Интернационал, Коммунистический Интернационал, в широком масштабе и окончательно был основан, Ленин нападает на анархистов и некоторых коммунистов левого крыла, которые ничему не научились и защищают позицию, которую обогнали события. Он делает это с той же суровостью, с той же

---

[1] Н. Ленин. Годовщина III-го Коммун. Интернационала. Собр. соч., т. XVII, стр. 42.

[2] Н. Ленин. Государство и революция. Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 348.

непримиримой иронией, какую он проявлял по отношению к оппортунистам, меньшевикам и всем «ренегатам» марксизма.

Когда массовому движению, благодаря развитию течения, не считающегося с действительностью, грозит опасность, он борется против этого течения до крайности. Для него парламентаризм только средство, к которому прибегают за неимением других; его надо при известных условиях использовать и превратить парламентскую трибуну в орудие революции. Уже в 1908 г. Ленин вполне определенно занял позицию враждебную точке зрения левых большевиков, бывших против участия в ультрареакционной Думе, и некоторые из них даже были исключены из партии; потом они, впрочем, снова вступили в партию революции. В настоящее время во всех странах большинство рабочих входит в старые профессиональные союзы; значит, последовательный революционер должен вести борьбу в этих союзах. «Воздержание» для Ленина только выражение боязни борьбы. Если хорошенько обдумать, все должно быть подчинено действию масс. Противникам парламентаризма и сторонникам раскола профсоюзов он заявляет, что, как дети, они пугаются небольших затруднений, стоящих перед ними сегодня, и не понимают, что они завтра и послезавтра должны научиться преодолеть те же затруднения в значительно большем об'еме.

В своем прощальном письме швейцарским рабочим и в статьях, написанных для «Правды» за время от мартовской до октябрьской революции, он отстаивает идею революционной войны против мирового империализма. Но так как он наблюдает за действительными событиями и устанавливает степень развития революции в Германии, состояния русской армии, хода экономического развития в России, он на некоторое время отходит от Троцкого и «левых коммунистов» и твердо высказывается за немедленный безусловный мир; ВЦИК Советов был убежден доводами Ленина и подписал через своих, спешно отправленных в Брест представителей условия этого «несчастного» мира.

Ленин удивительный реалист, гениальный оппортунист, как его называл Луначарский, при чем, понятно, слово «оппортунист» в данном случае лишено всякого презрительного смысла.

«У Ленина,—говорит Луначарский,—оказалось больше политической чуткости, что неудивительно. Ленин имеет в себе черты гениального оппортунизма, то-есть такого оппортунизма, который считается с особым моментом и умеет использовать его в целях общей, всегда революционной линии. Эти черты, действительно, были и у Дантона и у Кромвеля» [1].

Ленин утверждает: «Отрицать компромиссы «принципиально», отрицать всякую допустимость компромиссов, вообще, каких бы

---

[1] А. Луначарский. Великий переворот, стр. 70.

то ни было, есть ребячество, которое трудно даже взять всерьез. Политик, желающий быть полезным революционному пролетариату, должен уметь выделить конкретные случаи именно таких компромиссов, которые недопустимы, в которых выражается оппортунизм и предательство, и направить всю силу критики, все острие беспощадного разоблачения и непримиримой войны против этих конкретных компромиссов» [1].

Есть компромиссы и компромиссы: «Надо уметь анализировать обстановку и конкретные условия каждого компромисса или каждой разновидности компромиссов» [2]. Вхождение его в рабочее движение, метод, применяемый им для понимания психологии рабочих и познания нужд трудящихся, тактика, применяемая им для группирования рабочих и приведения их к об‘единению их ясно формулированных экономических требований с политически революционной программой,—все это понять помогает нам гениальный интуитивный реализм, которым отличается Ленин в области политики.

Никто лучше его практически не проводил политического действия пролетариата, который Карл Маркс определяет следующим образом:

«Конечной целью политического движения рабочего класса является, конечно, завоевание политической власти этому классу, и поэтому, очевидно, необходима предварительная организация рабочего класса на известной ступени развития, возникающая сама собою из его экономической борьбы.

«Но, с другой стороны, всякое движение, которым рабочий класс противопоставляет себя, как класс, господствующим классам и, таким образом, пытается победить их посредством давления снаружи, является политическим движением. Примерно, попытка добиться от некоторых капиталистов на каком-либо заводе или от какой-либо корпорации уменьшения рабочего времени является чисто экономическим движением. Наоборот, движение, направленное к достижению законного восьмичасового рабочего дня, является политическим движением. Так вырастает всегда из экономических движений, рабочих политическое движение, т. е. классовое движение, которое хочет вести в общей форме классовые интересы рабочих к победе...

«Если рабочий класс в своей организации еще недостаточно развился, чтобы предпринять решительный бой против власти командующих классов, т. е. против их политической власти, то путем непрерывной пропаганды против господствующих классов его нужно к этому вести. Без этого он является не более как игрушкой в их руках, как это доказало движение 4 сентября во

---

[1] Н. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Собр. соч., т. XVII, стр. 129.

[2] Там же, стр. 130.

Франции, и как это доказывает до известной степени игра, удающаяся еще сегодня господам Гладстонам и К⁰ в Англии»[1].

В течение долгой и плодотворной жизни Ленина, мысли его всегда были прямые и ясные. Вполне твердое и ясное мышление и четкое его представление о действии масс, все это вместе взятое дало Ленину ту огромную уверенность, благодаря которой он не боялся оставаться в одиночестве при самых трудных обстоятельствах в Интернационале и в своей собственной партии. Фактическое единство движения он ставил выше единства партии.

Что дало ему эту всеоб'емлющую уверенность, эту мощную определенность, эту необыкновенную твердость? Ответ ясен: революционный марксизм.

2. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ МАРКСИЗМ, НАУЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ.

Изучение «Капитала», с которым его познакомил еще его брат Александр, оказало решающее влияние на Ленина. Он продумал этот труд не в уютном кабинете, но в подпольи, в тесном общении с рабочими. Рано проявил он антипатию к философам, метафизикам, идеалистам, преклоняющимся в двадцатом веке перед путанным устарелым мистицизмом, своего рода стыдливой религией, как бы ни претендовали они на почетное имя рационалистов.

Эксплоатация рабочих, с которыми обращались, как с вьючными животными, капиталистическая конкуренция, вызывавшая анархию производства, международная капиталистическая конкуренция, создававшая экономические барьеры между государствами, экономическое соперничество, поддерживаемое колониальными стремлениями к расширению, ищущее исхода в военных конфликтах, растущее сплетение политики и финансов, капиталистическое господство, использующее печать, парламент, дипломатию, правосудие и просвещение, чтобы достигнуть своих целей—все это было ясно для Владимира Ильича, который никогда не давал себя провести фразеологией, лицемерно скрывающей действительное положение дел.

Кризис может быть разрешен только созданием нового общественного строя, основанного на новом способе производства, отменяющем прибавочную стоимость и прибыль. Новый экономический строй может существовать только при сильной и мощной поддержке. Отсюда вытекает необходимость овладения государством и установления диктатуры пролетариата для определенной эпохи. Только постепенно классы будут стушевываться, место различных классов займет один класс—класс действительно трудящихся, создающих ценности. В на-

---

[1] Письмо Карла Маркса к Больте.

стоящий период надо организовывать, воспитывать и вести на штурм пролетариат, двигающую силу общества. Впрочем, этот процесс облегчается классовой борьбой, вызванной капиталистической системой. Классовая борьба не теория, но реально существующий факт.

Трудящихся, создающих производственные ценности—большинство. И все же они, вместо того, чтобы быть господами положения, подчинены господству меньшинства. Но,—возражают либералы, проповедующие единение труда и капитала,—в конституционно-демократических странах, т. е. в большинстве государств Европы, якобы угнетаемые имеют в своем распоряжении парламент и печать. В тот день, когда представители пролетариата в парламенте окажутся в большинстве, они могут изменить общественный и социальный строй в свою пользу. Зачем же прибегать к насилию и к внешней силе?—Хорошо, отвечают марксисты, но если предположить, что в какой-либо стране выборы дадут большинство в парламенте революционерам, находящееся еще у власти капиталистическое правительство немедленно распустит парламент революционного большинства и всеми силами будет препятствовать образованию социалистического правительства. Впрочем, это только предположения — значительная часть рабочих отравляется еще капиталистической печатью и школой. Печать и школа являются в руках капиталистов орудием угнетения. Не сознание определяет бытие, а бытие сознание.

Между тем, следует использовать все те возможности, что предоставляются буржуазией: некоторые свободы, парламентаризм, систему профсоюзов и т. д. Но верить, что путем конституций и капиталистических «свобод» может одержать верх коллективная система управления, рациональная система производства, обмена и потребления — это утопия. Единственный исход — это прибегнуть к насилию.

Война не должна ослаблять классовой борьбы, она должна ее, наоборот, усилить. Не может быть и речи о гражданском мире, не может быть речи о перемирии между классами, и нет разницы между оборонительной и наступательной войной. Неоднократно на международных конгрессах заявлялось о близости войны, ее империалистический характер был заранее установлен. Сам Клаузевиц писал: «Война есть продолжение политики иными (именно насильственными) средствами».

«Примените этот взгляд к теперешней войне (войне 1914 г.)— писали Ленин и Зиновьев в 1915 г.—вы увидите, что в течение десятилетий, почти полувека, правительства и господствующие классы и Англии, и Франции, и Германии, и Италии, и Австрии, и России вели политику грабежа колоний, угнетения чужих наций, подавления рабочего движения. Именно такая политика,

только такая, продолжается в теперешней войне. В частности, и в Австрии, и в России политика как мирного, так и военного времени состоит в порабощении наций, а не в освобождении их. Наоборот, в Китае, Персии, Индии и других зависимых странах мы видим в течение последних десятилетий политику пробуждения национальной жизни десятков и сотен миллионов людей, освобождения их от гнета реакционных «великих» держав» [1].

В большинстве крупных государств, участвовавших в войне, социал-демократы поддерживали гражданский мир и одобряли поведение своего правительства. Французы защищали республику и демократию от немецкого империализма и милитаризма. Немцы защищали свое отечество от союзной с Францией царской России, при этом они ссылались на неправильно цитированного Энгельса. В особенности в Германии социал-демократы, вполне признавая, что Маркс и Энгельс отвергали войну, указывали на то, будто бы оба неоднократно высказывались в пользу одного из воюющих государств.

«Ученые дураки и старые бабы II Интернационала,—говорит Ленин,—которые пренебрежительно и высокомерно морщили нос по поводу обилия «фракций» в русском социализме и ожесточенности борьбы между ними, не сумели, когда война отняла хваленую «легальность» во всех передовых странах, организовать даже приблизительно такого свободного (нелегального) обмена взглядов и такой свободной (нелегальной) выработки правильных взглядов, какие организовали русские революционеры в Швейцарии и в ряде других стран. Именно поэтому и прямые социал-патриоты и «каутскианцы» всех стран оказались худшими предателями пролетариата. А если большевизм сумел победить в 1917—1920 г.г., то одной из основных причин этой победы является то, что большевизм еще с конца 1914 г. беспощадно разоблачал гнусность, мерзость и подлость социал-шовинизма и «каутскианства» (которому соответствует лонгетизм во Франции, взгляды вождей независимой Рабочей партии в Англии, Турати в Италии и т. д.), массы же потом на собственном опыте убеждались все более и более в правильности взглядов большевиков» [2].

В ответ на обманчивую аргументацию социал-демократов, Ленин ссылается на постановления международных конгрессов в Штуттгарте, Копенгагене и Базеле и заявляет, что надо превратить империалистическую войну в гражданскую войну для свержения капиталистического правительства и учреждения

[1] Г. Зиновьев и Н. Ленин. Социализм и война. Петроград, 1918, стр. 10.

[2] Н. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Собр. соч., т. XVI, стр. 122—123.

ЛЕНИН в кругу ответственных работников.

На переднем плане—А. И. Рыков, за столом сидят (слева направо): А. С. Енукидзе, М. И. Калинин, Н. Бухарин, И. Сталин, М. Лашевич, Л. Каменев, Е. Преображенский, Л. Серебряков, ЛЕНИН. Позади Бухарина стоит Н. Крестинский, слева от него—Н. Л. Мещеряков, справа от Крестинского—Берзин, В. Милютин и Смилга.

рабочего правительства. Социалисты должны бороться против своего собственного правительства.

Сейчас соотношение сил уже не таково, как в 1914 году; в течение пяти лет существует социалистическое правительство, и этим самым поставлен вопрос, какую позицию должен занять пролетариат в случае нового мирового конфликта, масштаб которого будет бесконечно больше, чем восемь лет тому назад. Ленин и Бухарин защищали новую точку зрения, считающуюся с фактами и с историческим развитием. Как истинные марксисты, они подчиняют тактику событиям. Для Ленина марксизм не является какой-то теорией, которая современем устареет, но наукой, подобной биологии, чем-то существенно и действительно живым, организмом, протоплазмой, беспрестанно изменяющимся в зависимости от обстановки и условий. От Карла Маркса он сохранил дух, руководящие мысли, внутреннюю сущность и диалектику его трудов, но не формулы, которые он слепо хотел бы применить независимо от обстановки, ко всякому времени и месту.

Часто не без иронии указывали, что почти все элементы, сегодня ведущие ожесточенную борьбу между собою, ссылаются на Карла Маркса. И те и другие цитируют «Капитал», как когда-то представители разных сект ссылались на библию. Но это только так кажется. Ибо одни—революционные последователи Маркса, а другие только одели личину марксизма и ограничиваются тем, что, проповедуя с кафедры спокойный социализм, они восхищены положением вещей в настоящее время.

«Мир»—пишет в предисловии к новому изданию своих «Новых Воззрений Социализма» теоретик Эдуард Берт,—«мир делится сегодня на большевиков и антибольшевиков; можно даже сказать, что существуют только эти две партии; и, если я говорю «мир», то я подразумеваю под этим также и социалистический мир, так как мы видим и его в этом отношении расколовшимся, как остальных людей, и мы находим, что странно, симптоматично и поучительно,—по отношению к большевизму, те же мнения, как по отношению к революционному синдикализму, ортодоксальные марксисты (во Франции гедисты, в Германии каутскианцы, в России плехановцы) и анархисты-индивидуалисты (сторонники газеты «Либертэр» во Франции и Кропоткин в России) проявляют к большевикам такое же непонимание и такую же ненависть, как раньше к революционным синдикалистам; последние, наоборот, чувствуют, не следуя, может быть, всегда в полном об‘еме большевизму, очень живую и совершенно стихийную симпатию к нему. Что тут можно сказать? И что же по существу представляет собой большевизм? Является-ли он действительно, я повторяю, «новым воззрением

социализма? Или он является только его совсем простым «ренессансом» (возрождением)?»

В самом деле, оба течения расходились уже до большевистской революции. Ленин занимал, как мы видели, очень определенную позицию. Бернштейн был отцом ревизионизма, находящего вне Германии многочисленных приверженцев— к ним принадлежал и Жорес. За несколько лет до войны, приблизительно в 1912 году, Каутский, опровергавший в свое время Бернштейна—в результате чего появилась новая книга Бернштейна—отделился от Меринга и Розы Люксембург, отказался от своего активного радикализма и признал пассивный радикализм—так окрестил и оценил его Паннэкук. Под влиянием Каутского во время войны образовалась оппозиция, к которой принадлежали самые противоположные элементы: революционные марксисты, двусмысленные лассалианцы, либеральные республиканцы и толстовские пацифисты. В ходе событий эта оппозиция раскололась, и мы видим сегодня в старой германской социал-демократической партии Каутского и Бернштейна, об‘единенных своим антимарксизмом и своего рода закоснелой и путанной симпатией к Антанте, симпатией, готовой об‘явить справедливым позорный Версальский договор. Ленш более последователен, чем ревизионистские и пацифистские марксисты. Во время самой войны он открыто формулировал свой социал-империализм и пошел на крайнюю правую социал-демократических партий, тогда как голландец Герман Гортер оказался на крайней левой.

Что касается Плеханова, переводившего Карла Маркса на русский язык, издавшего в 1882 году снабженный предисловием Маркса и Энгельса перевод «Коммунистического Манифеста», то и он опровергал Бернштейна; но после раскола в 1903 году он голосовал за меньшевиков. Он стал участником направления, признававшего классовую борьбу, но останавливавшегося перед революцией.

По отношению к Каутскому-радикалу, ставшему реформистом, Ленин проявил такую же резкость критики, какая была им проявлена в своей знаменитой полемике с народниками, эс-эрами, легальными марксистами и меньшевиками. Каутский является «ренегатом», «фальсификатором», «обманщиком», «изменником», «иудой»; это значит не только, что Ленин больше не видит в Каутском, Плеханове и Мартове марксистов, но что он их даже считает злейшими врагами рабочего движения. Борьба между Лениным и Каутским — олицетворение борьбы между революционным и легальным марксизмом или реформизмом. Фактически революционный марксизм принимает форму диктатуры пролетариата, легальный же марксизм—форму буржуазной демократии.

3. ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИИ, ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВА.

Взгляды Ленина на государство изложены, главным образом, в его трудах, изданных после революции, в «Государстве и революции», в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» и в тезисах о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре, предложенных им учредительному Конгрессу Коммунистического Интернационала.

Подобно Карлу Марксу, использовавшему события 1848 года и 1851 г. и, позднее, Парижскую Коммуну для формулировки своих основных трудов о проблеме революции, так и Ленин использовал опыт революции 1905 года и мартовской революции 1917 года.

Экономический переворот может быть осуществлен только после овладения государством. Пролетарское государство, точно выражаясь, только переходная ступень.

«Рабочий класс, — пишет Карл Маркс в «Нищете философии», — поставит в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственности, политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества».

В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс пишут:

«Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда оно превращается в открытую революцию и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии...

Мы видели уже выше, что первым шагом рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии.

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы постепенно вырвать у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. организованного, как господствующий класс, пролетариата, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил».

Здесь идет речь о диктатуре пролетариата, которая, вопреки всем неправильным утверждениям, не является идеей Ленина и большевиков, а просто марксистской мыслью, вновь принятой и выдвинутой большевиками.

«Это определение государства,—добавляет Ленин,—не только никогда не раз'яснялось в господствующей пропагандистской и

агитационной литературе официальных социал-демократических партий, мало того, оно было именно забыто, так как оно совершенно непримиримо с реформизмом, оно бьет в лицо обычным оппортунистическим предрассудкам и мещанским иллюзиям насчет мирного развития демократии.

«Пролетариату нужно государство—это повторяют все оппортунисты, социал-шовинисты и каутскианцы, уверяя, что таково учение Маркса и «забывая» добавить, что, во-первых, «по Марксу» пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т. е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать. А во-вторых, трудящимся нужно «государство», т. е. организованный в господствующий класс пролетариат.

«Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса. Какой же класс надо подавлять пролетариату? Конечно, только эксплоататорский класс, т. е. буржуазию. Трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплоататоров, а руководить этим подавлением, провести его в жизнь в состоянии только пролетариат, как единственный до конца революционный класс, единственный класс, способный об‘единить всех трудящихся и эксплоатируемых в борьбе против буржуазии, в полном смещении ее»[1].

У большевиков, анархистов и реформистских оппортунистов различные в корне взгляды на государство. Анархисты отрицают государство и борются против какого бы то ни было государства. Мы видим сегодня, как последовательные анархисты высказываются против диктатуры пролетариата, и их полемика часто ведется в еще более резком тоне, нежели полемика демократов. Ошибка анархистов—результат их идеализма и индивидуализма: они против всякой организации... кроме своей собственной. Оппортунисты думают, что экономические перевороты совершатся путем медленного преобразования. Они сознательные или несознательные сторонники абсолютного детерминизма и проповедуют своего рода фатализм.

Большевики—революционные марксисты. Они полагают, что пролетариат должен использовать известные, ему благоприятные, экономические, политические и психологические условия и овладеть властью. Путем насилия он свергнет капиталистическое государство и установит твердую диктатуру, имеющую по существу характер переходный, но необходимый, вследствие гражданской войны, ибо экспроприируемая буржуазия добровольно не сдастся, а постарается, особенно при помощи буржуазии других стран, повести контр-революционную работу. Пролетариату

[1] Н. Ленин. «Государство и Революция». Собрание соч., т. XIV, ч. II, стр. 315.

нужно государство не в интересах свободы, а для уничтожения своих противников. Как только станет возможным говорить о свободе, государство, как таковое, перестает существовать, оно отмирает.

Демократическая республика является этапом, ведущим прямо к диктатуре пролетариата. Республика эта не покончит с господством капитала, т. е. с угнетением масс и с классовой борьбой, но она придаст этой борьбе такую глубину, размах и остроту, что возможность удовлетворения существенных интересов угнетенных масс осуществляется неминуемо и исключительно путем диктатуры пролетариата, ведущей массы за собой.

Свержение царизма и образование демократической республики Ленин всегда считал первым этапом революции. В прощальном письме к швейцарским рабочим, в тезисах, предложенных им по прибытии в Россию, он категорически высказался в этом смысле и всеми силами боролся против Временного правительства.

Когда в июле 1917 года в массах проявилось оживленное брожение, Ленин и ЦК партии были против непосредственного захвата власти, ибо они, как революционные марксисты, осуждают вредное для революции вспышкопускательство. Но их борьба против правительства стала еще более энергичной и непримиримой. В своих статьях и тезисах Ленин доказывал невозможность двойного правительства: Совет должен быть единственным правительством, и важно, чтобы массы не давали себя обманывать посулами выборов и обещанием созыва Учредительного Собрания. Как оппозиционная партия, большевистская партия без устали требовала созыва Учредительного Собрания, но она старательно подчеркивала, что советская республика является более совершенной формой демократии, чем обычная буржуазная республика с Учредительным Собранием.

Ленин советовал партии и рабочим участвовать в выборах в Учредительное Собрание, как он и в 1908 году считал тактической необходимостью участвовать в выборах в Госуд. Думу и как он позже, на Конгрессах III Интернационала, защищает использование парламентаризма. Он не преминул изо дня в день высказывать свое презрение парламенту, этой форме буржуазной диктатуры. Вследствие этого, его противники никак не могут ставить ему в укор роспуск Учредительного Собрания; они могут возражать только против программы и идей Ленина, но не против применения этой программы и этих идей.

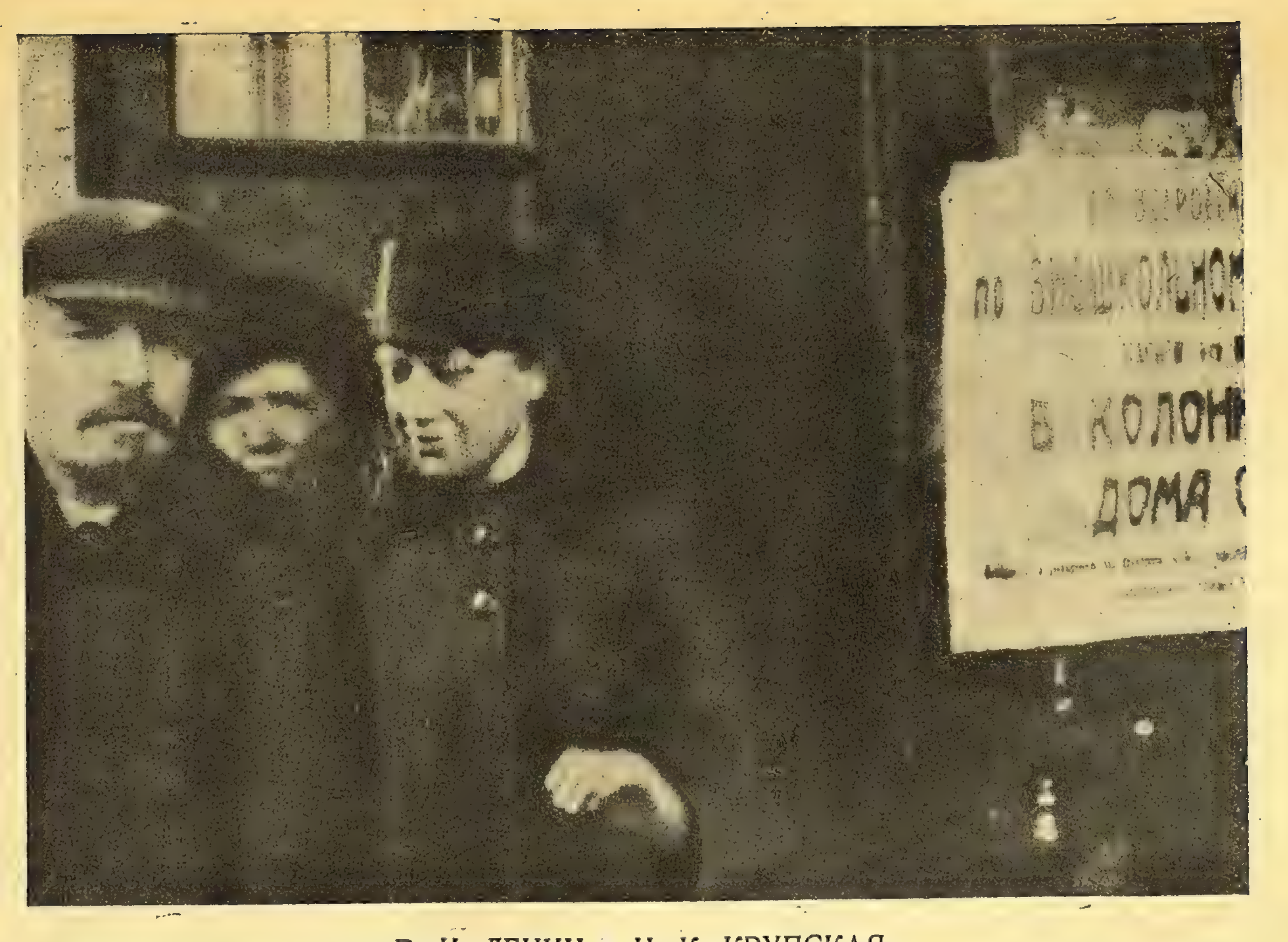
Накануне Октябрьского переворота все требуемые условия были осуществлены. Рабочие, крестьяне и солдаты хотели мира, Керенский же начал июньское наступление. Экономическая разруха с каждым днем возрастала, Керенский колебался между левыми и правыми и не сумел занять четкой позиции; демокра-

тическая республика была в высшей степени непрочна, и страна была во власти военной диктатуры. При советских выборах в больших городах большевики имели большинство, и значительная часть солдат и матросов безоговорочно принимала программу Ленина. Следующая таблица показывает успех большевиков на Всероссийских С'ездах Советов.

	Количество делегатов.	Количество большевиков.	Участие большев. в %%
I С'езд (3/VI—1917 г.)	790	103	13%
II » (25/X—1917 г.)	675	343	51%
III » (10/I—1918 г.)	710	400	61%
IV » (14/III—1918 г.)	1232	795	64%
V » (4/VII—1918 г.)	1164	773	66%

Что касается выборов в Учредительное Собрание, то они не выражали воли рабочих и крестьян России. Списки были выставлены за два-три месяца до Октябрьской революции; отколовшиеся левые эс-эры значились в тех же списках, что и правые эс-эры. Крестьяне, таким образом, могли голосовать за список, в котором одновременно значились Керенский и Чернов и все те, кто участвовал в победоносном восстании против Керенского. Так как в течение последних месяцев массы эс-эровской партии ориентировались налево, и правое крыло уменьшилось, то три четверти списков эс-эровской партии содержали имена бывших борцов правого крыла, достаточно скомпрометировавших свое революционное имя во время коалиции с либеральной буржуазией.

«К этому надо прибавить еще то обстоятельство, — пишет Троцкий в своей прекрасной брошюре «Октябрьская революция»,—что самые выборы происходили в течение первых недель, следовавших за Октябрьским переворотом. Весть о перемене сравнительно медленно расходилась кругами из столиц в провинцию, из городов по деревням. Крестьянские массы отдавали себе во многих местах крайне смутный отчет в том, что происходило в Петрограде и Москве. Они голосовали за «землю и волю», за своих представителей в Земельных Комитетах, в большинстве случаев стоявших под народническим знаменем, но тем самым они голосовали за Керенского и Авксентьева, которые распускали Земельные Комитеты и арестовывали их членов. В результате этого получился тот невероятный политический парадокс, что одна из двух партий, распускавших Учредительное Собрание, именно, левые социалисты-революционеры, прошли по общим спискам с той партией, которая дала большинство Учредительному Собранию. Эта фактическая сторона дела дает совершенно ясное представление о том, в какой мере Учредитель-

В. И. ЛЕНИН и Н. К. КРУПСКАЯ

по пути на II-й Всерос. с'езд по Внешкольному образованию.

ное Собрание отстало от развития политической борьбы и партийных группировок»[1].

При выборах в Учредительное Собрание большое количество голосов получили три главные группы:

большевики—9,02 милл. голосов—25%,
меньшевики и эс-эры—22,69 милл. голосов—62%,
кадеты и пр. партии—4,62 милл. голосов—13%.

Что касается обеих столиц—Петрограда и Москвы, голоса распределились следующим образом:

большевики . . 837 тыс. голосов
эс-эры . . . . . . 218 » »
кадеты . . . . . 515 » »

Теперь приведем данные эс-эра Н. В. Святицкого, сообщающего эти цифры в статье, помещенной в изданном эс-эрами сборнике «Год русской революции 1917—1918 г.» и комментируемой Лениным в журнале «Коммунистический Интернационал». В этой статье имеются данные о том, как голосовали части армии и флота.

Число поданных голосов в тысячах.

Части армии и флота.	За эс-эров.	За большевиков.	За кадетов.	За нац. и др. групп.	Всего.
Северный фронт	240,0	480,0	?	60,0	780,0
Западный фронт	180,6	653,4	16,7	125,2	976,0
Юго-западный фронт . .	402,9	300,1	13,7	290,6	1007,4
Румынский фронт	679,4	167,0	21,4	260,7	1128,6
Кавказский фронт	360,0	60,0	?	—	420,0
Балтийский флот	—	120,0	—	—	120,0[2]
Черноморский флот . . .	22,2	10,8	—	19,5[3]	52,5
Итого:	1885,1	1671,03	51,8	756,0	4364,5
		120,0			120,0
		1791,3			?

[1] Л. Троцкий, «Октябрьская революция», стр. 99.

[2] Цифра приблизительная; выбрано 2 большевика. В среднем, Н. В. Святицкий считает по 60,000 голосов на 1 выбранного. Поэтому я и беру цифру 120,000.

[3] О том, какая партия получила 19,5 тысяч голосов от Черноморского флота, сведений не дано. Остальные же цифры этого столбца относятся, видимо, почти целиком к украинским социалистам, ибо выбрано было 10 украинских социалистов и 1 с.-д., т. е. меньшевик*.

* Эти два примечания к вышеприведенной таблице принадлежат Ленину («Коммунистич. Интернационал» № 7—8, ноябрь—декабрь 19 г. Петроград)

По мнению Ленина, большевики победили потому, что за них было громадное большинство трудящихся и сознательнейшая, энергичнейшая и революционнейшая передовая часть пролетариата. Они оказались победителями почти с 1914 г.; они вели работу по разложению армии—«самого мощного классового врага». Изучение материалов выборов в Учредительное Собрание указывает на три основные причины победы Октябрьской революции: 1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина армии за большевизм и 3) уверенность перевеса в решающих пунктах, именно, в столицах и на фронтах, близких к центру.

«Без серьезнейшей и всесторонней подготовки революционной части пролетариата к изгнанию и подавлению оппортунизма, нелепо и думать о диктатуре пролетариата» [1]. Почему-же, спрашивает Ленин, социалисты II Интернационала неспособны понять пролетариат? Только потому, что они не понимают, что «государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и у мелкобуржуазных партий» [2].

Ленин спрашивает, полна и окончательна ли победа после совершенного захвата государственной власти и проведенной организации советов. На это он отвечает отрицательно. Ибо между пролетариатом и буржуазией есть широкий слой, состоящий из полупролетарских и мелкобуржуазных колеблющихся элементов, и действительность показывает, что «лишь в долгой и жестокой борьбе опыт колеблющейся мелкой буржуазии приводит ее, после сравнения диктатуры пролетариата с диктатурой капиталистов, к выводу, что первая лучше последней» [3].

В России политической выразительницей этой мелкой буржуазии была эс-эровская партия, и как раз на тех окраинах, где она была представлена шире всего, и процент голосов за большевиков был наиболее низким, можно было наблюдать самые значительные успехи контр-революции. В этих краях месяцами держалась диктатура Колчака и Деникина.

Часть мелкой буржуазии сначала поддерживала большевиков, потому что они разделили землю, демобилизовали армию и дали мир. Но после подписания Брестского договора она, оскорбленная в своих патриотических чувствах, стала в оппозицию.

---

[1] Н. Ленин. Выборы в Учред. Собр. и диктатура пролетариата. Собр. соч., т. XVI, стр. 443.

[2] Там же, стр. 447.

[3] Там же, стр. 453.

Эта оппозиция значительно возросла, когда большевики потребовали сдачи излишков хлеба государству по установленной законом цене. Крестьянство Урала, Сибири и Украины присоединилось тогда к Колчаку и Деникину, которых оно решительно и всеми средствами поддерживало. Но во время господства контр-революции крестьяне заметили, что мнимая демократия, которую им принесли эти генералы, только плохо скрываемая диктатура помещиков и капиталистов. Вскоре в тылу у белых вспыхивают восстания, и когда Красная Армия принуждает Колчака и Деникина к отступлению, Красную Армию встречают, как освободительницу. Но для этого потребовался довольно долгий период болезненных испытаний.

Одновременно мелкая буржуазия больших городов, сперва враждебно относившаяся к Советской власти и саботировавшая работу, постепенно начинает усваивать смысл событий и лойяльно берется за работу. Часть этого слоя была впоследствии совершенно завоевана большевизмом. Эта часть поняла, что большевики не разрушители и не анархисты, а реалисты, организаторы и творцы, что Советская власть после пятилетней диктатуры пролетариата пустила глубокие корни. Если предложить вопросы тем, кто критикует Советскую власть,—а их много—то и они признают что Советская власть—лучшая форма правления и решительно высказываются против власти кадетов, меньшевиков и эс-эров.

Национальный вопрос имел в России крупнейшее значение, и иногда, особенно по поводу украинского вопроса, Ленину приходилось бороться против некоторых слишком теоретически настроенных членов партии; и здесь он доказывал свой реализм, свою гибкость, свою осмотрительность и мудрость.

Ленин писал: «Пытаться наперед, раз навсегда, «твердо» и «бесповоротно» решить этот вопрос было бы узостью понимания или просто тупоумием, ибо колебания непролетарских трудящихся масс по *такому* вопросу вполне естественны, даже неизбежны, но вовсе для пролетариата не страшны. Действительно умеющий быть интернационалистом представитель пролетариата должен относиться к *таким* колебаниям с величайшей осторожностью и терпимостью, обязан предоставить *самим* непролетарским трудящимся массам изжить эти колебания на собственном опыте. Нетерпимы и беспощадны, непримиримы и непреклонны мы должны быть по другим, более коренным вопросам» [1].

Сопоставляя результаты выборов в Учредительное Собрание в ноябре 1917 года и развитие революции с октября 1917 г. по декабрь 1919 г., Ленин делает выводы по отношению к буржуазному парламентаризму и к пролетарской революции всякой

[1] Там же, стр. 455.

капиталистической страны. Он считает, что всеобщее избирательное право является показателем зрелости понимания своих задач разными классами, и он показывает, как склонны разрешать свои задачи разные классы. Участие в парламентской борьбе необходимо для партий, представляющих революционный пролетариат. Но «самое решение этих задач дается не голосованием, а всеми формами классовой борьбы, вплоть до гражданской войны» [1]. Во всех капиталистических странах сила пролетариата несравненно больше, чем численность пролетариата в общей сумме населения. Даже когда пролетариат составляет только меньшинство населения, или когда «сознательный и действительно революционный авангард пролетарита составляет меньшинство населения», пролетариат способен свергнуть диктатуру капитала и привлечь затем на свою сторону многочисленных полупролетариев и мелких буржуа, которые никогда не выскажутся заранее за диктатуру пролетариата.

В каждой капиталистической стране есть широкие слои мелкой буржуазии, колеблющейся между капиталом и трудом. «Пролетариат для своей победы должен, во-первых, правильно выбрать момент решающего нападения на буржуазию, учитывая, между прочим, раз‘единение буржуазии с ее мелкобуржуазными союзниками или непрочность их союза и т. д. Пролетариат, во-вторых, должен после своей победы использовать эти колебания мелкой буржуазии так, чтобы нейтрализовать ее, помешать ей встать на сторону эксплоататоров, уметь продержаться известное время *вопреки* ее *шатаниям* и так далее и тому подобное» [2].

В заключение Ленин с большей уверенностью говорит:

«Одним из необходимых условий подготовки пролетариата к его победе является длительная и упорная, беспощадная борьба против оппортунизма, реформизма, социал-шовинизма и тому подобных буржуазных влияний и течений, которые неизбежны, поскольку пролетариат действует в капиталистической обстановке.

«Без такой борьбы, без предварительной полной победы над оппортунизмом в рабочем движении не может быть и речи о диктатуре пролетариата. Большевизм не победил бы буржуазию в 1917—1919 годах, если бы он не научился предварительно, в 1903—1917 годах беспощадно изгонять из партии революционного авангарда и побеждать меньшевиков, т. е. оппортунистов, реформистов, социал-шовинистов» [3].

---

[1] Там же, стр. 455.
[2] Там же, стр. 458.
[3] Там же, стр. 458—459.

4. БУРЖУАЗИЯ, ДЕМОКРАТИЯ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА.

Никогда так много не говорили о демократии, как в наше время, и все-таки демократизм, настоящий демократизм, ни в одной стране практически не применяется. Демократия только ширма, защищающая диктатуру капитала. Уже до войны один консервативный английский писатель, Фуллертон, называл Францию «финансовой монархией». Капитализм пользуется демократией, как формой, лучше всего пригодной для прикрытия его железной диктатуры. Правительство, парламент и печать являются только приказчиками, лакеями финансовых и промышленных групп и трестов.

В своем ответе Каутскому, противопоставляющему «чистую демократию», пролетарской диктатуре, Ленин подчеркивает, что нельзя говорить о «чистой демократии» до тех пор, пока существуют вполне определенные классы. Существует только классовая демократия. «Чистая демократия» есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих. История знает буржуазную демократию, которая идет на смену феодализму, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной» [1].

Если буржуазная демократия исторически означает огромный шаг вперед по сравнению с средневековьем, то она все-таки под знаком капиталистического господства может быть только чем то весьма урезанным и узким, «ловушкой и обманом для эксплоатируемых, для бедных» [1].

«История XIX и XX веков, еще до войны, показала нам, что представляет собой на самом деле хваленая «чистая демократия» при капитализме. Марксисты всегда утверждали, что чем развитее, чем «чище» демократия, тем более неприкрытой, грубой и беспощадной становится классовая борьба, и тем очевиднее гнет капитала и диктатура буржуазии. Дело Дрейфуса в республиканской Франции, кровавые расправы вооруженной капиталистами армии наемников над бастующими рабочими свободной и демократической американской республики,—эти и тысячи других подобных фактов раскрывают правду, которую буржуазия старается напрасно скрыть, а именно ту правду, что в самых демократических республиках царят террор и диктатура буржуазии, проявляющиеся открыто каждый раз, когда власть капитала начинает, как будто терять почву под ногами.

«Империалистическая война 1914—1918 г.г. раз навсегда доказала даже отсталым рабочим, в самых свободных респуб-

[1] Н. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Собр. соч., том XV, стр. 457.

ликах, что настоящая буржуазная демократия носит характер диктатуры буржуазии. Для обогащения немецких и английских миллионеров и миллиардеров десятки миллионов людей были убиты, а в самых свободных республиках была установлена военная диктатура буржуазии. Эта военная диктатура продолжает существовать в странах Антанты и после победы над Германией. Именно война раскрыла рабочим глаза более, чем что либо другое; она сорвала с буржуазной демократии ложные прикрасы и открыла народу всю бездну спекуляции и погони за наживой, которые проявились во время войны и в связи с нею. Во имя свободы и равенства вела буржуазия эту войну, во имя свободы и равенства невероятно обогатились военные поставщики»[1].

Империалистическая политика, вождем которой в настоящее время является Паункаре, политика циничного грабежа, которую он проявляет особенно в последнее время, со всею очевидностью разоблачает чистую демократию. Пуанкаре и французский парламент являются лишь исполнителями постановлений Comitè de Forges, стремящегося к завладеванию немецким углем. Пуанкаре занимает богатый угольный бассейн Рура и заключает представителей рабочих, противящихся его грубой силе, в тюрьму.

При одобрении социал-патриотов, вся французская печать упорно твердила, что война ведется против Вильгельма II и германского милитаризма. Пусть Германия станет республикой, тогда мы сразу прекратим борьбу. Теперь Германия стала республикой, а ее паровозы, ее вагоны, ее лес грабят; захватывают ее угольные копи в Верхней Силезии, на Руре и в Саарском бассейне.

«В капиталистически наиболее развитой стране континентальной Европы, а именно в Германии—пишет Ленин в тезисах о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата, предложенных им первому конгрессу Коминтерна,—первые месяцы полной республиканской свободы, которую принесла с собой победа над империалистической Германией, показали немецким рабочим и всему миру, в чем заключается истинная классовая сущность буржуазной демократической республики. Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург представляется событием мирового исторического значения не только потому, что трагически погибли лучшие люди и вожди настоящего пролетарского Коммунистического Интернационала, но и потому, что в нем окончательно выявился классовый характер европейского капиталистического и, можно без преувеличения сказать, пер-

---

[1] Н. Ленин. Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. Собран. соч., т. XVI, стр. 40, 41.

В. И. ЛЕНИН
у себя в кабинете, за работой.

вого государства во всем мире. Если арестованные, т. е. люди, принятые под покровительство государственной власти, могли безнаказанно быть убиты офицерами капиталистами при правительстве социал-патриотов, то, значит, правильно утверждение, что в той демократической республике, в которой нечто подобное могло случиться, царила диктатура буржуазии. Люди, негодующие по поводу убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, но не понимающие этой истины, доказывают тем самым свое тупоумие или лицемерие. В одной из самых свободных и передовых республик мира — в германской республике — существует «свобода» убивать безнаказанно арестованных вождей пролетариата. Иначе и быть не может до тех пор, пока капитализм одерживает верх, так как развитие демократизма не ослабляет, а обостряет классовую борьбу, которая теперь, как следствие войны и под влиянием войны и ее последствий, достигла точки кипения» [1].

В большинстве современных государств предоставлены кое-какие свободы, но они до такой степени ограничены, что кажется, будто их не существует вовсе, в некоторых же случаях достаточно вмешательства правительства или парламента, чтобы окончательно задушить остатки свободы. Рабочий имеет право работать, однако, при возникновении забастовки мобилизуются войска, арестовываются и осуждаются вожди рабочих, и если речь идет о государственных служащих, то они милитаризуются. Французская, швейцарская и американская демократия дали многочисленные примеры такого рода демократии. Каждый человек имеет право издавать газету, но фактически только имущие люди или люди, представляющие по поручению сильной финансовой группы ее интересы, могут хорошо вести такого рода предприятие. Достаточно часто правительство душит рабочую газету прямым запретом или заключением ее редакторов в тюрьму под предлогом, что они обвиняются в анархических покушениях, в заговоре против безопасности государства и т. д. Словом, в каждой стране, в которой существует чистая демократия, громадное большинство населения, а именно создатели ценностей, производители, трудящиеся не пользуются ни свободой собраний, ни свободой печати, ни свободой защиты своих интересов, так как самые крупные типографии и самые богатые склады бумаги не принадлежат им.

Юстиция является также классовой юстицией, независимость чиновников не более как приманка. Что касается школ, то они являются для государства орудием политического влияния. Учеб-

---

[1] Н. Ленин. Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. Собран. соч., т. XVI, стр. 41—42.

ники истории и, в особенности, философии только постольку признаются, поскольку они выражают точку зрения буржуазии. А парламентаризм? В 1888 г. Поль Лафарг писал: «Парламентаризм—такая правительственная система, при которой у народа является иллюзия, будто он сам управляет делами страны, тогда как в действительности фактическая власть сосредоточивается при этом в руках буржуазии, и даже не всей буржуазии, а лишь некоторых слоев этого класса. В первый период своего господства буржуазия не понимает, или вернее, не чувствует необходимости создавать для народа иллюзию самоуправления. Поэтому все парламентские страны Европы начинали с ограниченной подачи голосов, повсюду право давать направление политике страны посредством избрания депутатов, принадлежало вначале лишь более или менее крупным собственникам и затем уже постепенно распространялось на менее состоятельных граждан, пока в некоторых странах не превратилось из привилегии во всеобщее право всех и каждого».

Какое демократическое государство не ведет тайной дипломатии, дипломатии на службе империализма и милитаризма, которая должна вызывать конфликты и войны? Первой заботой советского правительства было опубликование содержания архивов министерства иностранных дел, а также секретнейших договоров, и ведение открытой и прямой внешней политики, выгодной для свободы и защиты отсталых, угнетенных и порабощенных народов.

Разве буржуазия—подчеркивает Ленин—в цивилизованных странах не завоевала власти только путем целого ряда восстаний, гражданских войн, насильственных устранений королей, дворянства, рабовладельцев и путем подавления их попыток к реставрации—т. е. именно тем путем, что она de facto установила действительную диктатуру?

Следовательно, пролетариат, который хочет заменить капиталистический строй социалистическим, не может поступить иначе, нежели буржуазия, прибегавшая к насилию и диктатуре при замене феодального строя буржуазным. «Буржуазия, когда она была революционной, не разрешала ни в Англии в 1669 году, ни во Франции в 1793 году монархистам и дворянам свободно собираться, когда они призывали в страну иноземные войска и «собирались», чтобы организовать попытку реставрации» [1].

«Диктатура,—говорит Троцкий в своей книге «Терроризм и Коммунизм»,—необходима потому, что вопрос поставлен не о частных переменах, а о самом существовании буржуазии. На

[1] Н. Ленин. Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. Собран. соч., т. XVI, стр. 39.

этой почве невозможно соглашение. Здесь решить может только сила. Единовластие пролетариата не исключает, разумеется, ни отдельных соглашений, ни значительных уступок, особенно по отношению к мелкой буржуазии и крестьянству. Но заключать эти соглашения пролетариат может, лишь овладев материальным аппаратом власти и обеспечив за собою возможность самостоятельного решения того, какие уступки давать и в каких отказывать в интересах социалистической задачи» [1].

Завоевание действительного равенства и настоящей демократии станет возможным только тогда, когда капитал лишится возможности нанимать писателей и публицистов и подкупать газеты и издательства. А для этого необходимо свергнуть иго капитала и сломить его сопротивление. Поэтому надо задушить свободу печати и передать типографии и запасы бумаги пролетариату, т. е. партии, его представляющей. Контр-революционная печать, не являющаяся оружием абстрактного общества, подавляется, ее позиции и укрепленные места, ее склады и материалы, ее связи и ее шпионская служба разрушаются. И если органы меньшевиков и эс-эров подвергаются преследованиям, то потому, что они открыто связаны с контр-революцией. Армия Колчака, как рассказывает Троцкий, была ведь организована эс-эрами, все контр-революционные заговоры имели в своей основе эс-эровскую организацию.

«Диктатура пролетариата,—гласят тезисы Ленина,—подобна диктатуре других классов в том отношении, что она, как всякая другая диктатура, вызывается необходимостью подавить силою сопротивление того класса, который теряет свою политическую власть. Основное различие между диктатурой пролетариата и диктатурой других классов—диктатурой крупных землевладельцев в средние века, диктатурой буржуазии во всех цивилизованных капиталистических странах — состоит в том, что диктатура крупных землевладельцев и буржуазии представляла собой насильственное подавление сопротивления большинства населения, а именно трудящихся масс, между тем как в противоположность этому диктатура пролетариата есть насильственное подавление сопротивления эксплоататоров, т. е. явного меньшинства населения—крупных помещиков и капиталистов» [2].

Впрочем, отмечают Ленин и Троцкий, до войны все социалисты в своих статьях, трудах и манифестах заявили, что и самая демократическая буржуазная республика не может являться ничем иным, как орудием угнетения рабочего класса.

В связи с вопросом о Парижской Коммуне Карл Маркс пишет: «Если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят

[1] Л. Троцкий.—«Терроризм и Коммунизм». Петроград, 1920, стр. 20.

[2] Н. Ленин. Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. Собр. соч., т. XVI, стр. 43.

свою революционную диктатуру... чтобы сломать сопротивление буржуазии... рабочие придают государству революционную и преходящую форму».

И Энгельс: «Победившая (в революции) партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?»

Как для Маркса и Энгельса, так и для Ленина Парижская Коммуна была образцом: «Значение Коммуны заключается, далее, в том, что она предприняла попытку разбить буржуазный государственный аппарат, а также аппараты—чиновничий, судейский, военный и полицейский, разрушить их до основания и заменить их самоуправляющейся массовой организацией рабочих, без разделения власти законодательной и исполнительной» [1].

Ленина упрекали в том, что он изменил свои взгляды на Парижскую коммуну. Тот, кто его за это порицает, либо плохо знает его труды, либо истолковывает их совершенно неправильно. В разных его произведениях, появившихся до революции 1917 года, он говорил о Коммуне, подчеркивал некоторые ошибки, совершенные коммунарами, и отметил, что ближайшая революция должна избегать повторения этих ошибок. Есть ли это критика Коммуны? Надо хорошо вспомнить всю историческую обстановку Коммуны: не было интернационалистской революционной партии, как в России. Можно вполне признавать геройство и величие вождей Коммуны и, несмотря на это, допустить, что представленная ими идеология грешила запутанностью.

Позднейшие статьи Ленина во время русской революции, и особенно его теоретические исследования о государстве и революциии его ответ «ренегату Каутскому», носят печать того же духа. Он хвалит энергию и инициативу коммунаров, которые, как говорил Карл Маркс, пытались сломать, но не заменить старую государственную машину. «Подавлять буржуазию и ее сопротивление все еще необходимо. Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна из причин ее поражения состоит в том, что она недостаточно решительно это делала» [2].

Обязательная выборность, возможный во всякое время отзыв всех без исключения чиновников, понижение окладов до «средней заработной платы»,—эти простые и «примитивные» демокра-

---

[1] Н. Ленин. Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. Собран. соч., т. XVI, стр. 38.

[2] Н. Ленин. Государство и революция. Собран. соч., т. XIV, часть II, стр. 330.

тические мероприятия, предпринятые Коммуной, Ленин в высшей степени одобряет и считает их превосходным образцом пролетарской демократии, противопоставленной духу «продажного и испорченного парламентаризма».

Каутский противопоставляет Парижскую Коммуну большевистской диктатуре. Ленину не стоило ни малейшего труда его опровергнуть. Парижская Коммуна была демократическим правительством, избранным на основе всеобщего избирательного права, без лишения буржуазии избирательных прав. Но Ленин указывает на то, что действительная буржуазия бежала в Версаль. Рабочий Париж решил судьбу Франции. Когда Коммуна боролась против Версаля, правительство рабочей Франции противостояло правительству буржуазной Франции. Маркс упрекал правительство Коммуны в том, что оно не овладело французским банком, принадлежащим всей Франции.

Энгельс дал следующий отзыв о Коммуне:

«Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа (антиавторитаристы). Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т. е. средств, чрезвычайно авторитарных, и победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие».

Ленина и большевистское правительство упрекают в том, что они удерживают «узурпированную» власть только благодаря сильной армии, и ставят им в упрек замену империалистического милитаризма красным милитаризмом. Небезынтересно установить, что большинство тех, кто бросает этот своеобразный упрек, когда то порицало большевиков за дезорганизацию армии и разложение фронта и строжайше критиковало антимилитаризм, несовместимый с марксизмом и социализмом.

Ленин никогда не выдавал себя за антимилитариста в анархическом смысле этого слова. Он пропагандировал дезорганизацию армии, чтобы разрушить ее боевую силу, ибо события доказали, что так называемая республиканская армия Керенского сохранила дух Корнилова, т. е. специфически контр-революционный дух. В дальнейшем надо было, для защиты революции и ее завоеваний от внутреннего и очень опасного внешнего врага, создать революционную, воодушевленную революционным духом и организованную в революционные полки армию. Ленин, как известно, никогда не считался толстовцем. Он выявил себя, как последовательный революционный марксист, в противоположность тем социалистам, которые давно отказались от марксизма, лишенного ими его формы и цвета.

5. ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТОВ. ПОЛИТИКА ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА.

Советы ведут свое начало от революции 1905 года, они возникли сами собой в гуще фабрик и заводов, рабочие которых искали наилучшую форму представительства для отстаивания своих требований. Советы пользовались непосредственной поддержкой меньшевиков, но и Ленин не был враждебно настроен против советов, как утверждали его противники. Он был не против дела, но против взглядов меньшевиков на это дело. Он считал, что партия должна давать советам директивы, и в этом смысле он высказывался и позже против течения немецких левых (Отто Рюле и другие), которое шло так далеко, что даже отрицало необходимость партии; Ленин, наоборот, заявил, что диктатура пролетариата может быть осуществлена лишь при помощи передовой группы пролетариата, т. е. через революционную партию.

При Керенском меньшевики сохранили советы, как орган рабочего контроля, но только, как контрольный орган наряду с правительством, состоявшим из представителей различных партий. Ленин энергично боролся за автономию советов. «Вся власть советам»—таков был лозунг, распространяемый и проповедуемый большевистской партией до Октябрьской революции.

Советы возникли без какой либо конституции и существовали так с весны 1917 года до лета 1918 г. Меньшевики рассматривали советы, как самую совершенную и вполне понятную организационную форму для классовой борьбы, а не как государственную организацию. Таково было мнение Аксельрода и Мартова, позднее перенятое Каутским и Отто Бауэром.

На самом деле, советы—одновременно парламент и рабочее правительство.

«Если парламентский режим,—пишет Троцкий,—даже в эпоху «мирного» устойчивого развития был довольно грубым счетчиком настроений в стране, а в эпоху революционной бури совершенно утратил способность поспевать за ходом борьбы и развитием политического сознания, то советский режим, несравненно ближе, органичнее, честнее связанный с трудящимся большинством народа, главное свое значение полагает не в том, чтобы статически отражать большинство, а в том, чтобы динамически формировать его» [1].

Самая характерная черта Советской власти та, что организация масс составляет постоянную и единственную основу всей государственной власти. Это те массы, которые даже в

[1] Троцкий. Терроризм и коммунизм. Петроград, 1920, стр. 44.

ПРЕЗИДИУМ I-го КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА В МАРТЕ 1919 г. В МОСКВЕ.

КЛИНГЕР (секретарь конгресса) — ЭБЕРЛЕЙН (Германия) — ЛЕНИН — ФРИЦ ПЛАТТЕН (Швейцария)

самых демократических буржуазных республиках тогда, когда они якобы пользуются полным равноправием по закону, «на деле, при помощи разных средств и ухищрений, устранялись от участия в политической жизни и от использования демократических прав и свобод, ныне привлекаются к постоянному, беспрепятственному и при этом решающему участию в демократическом управлении государством» [1].

Советская власть стремится к осуществлению фактического равенства всех граждан, всех тех, кто социально полезен. Она так построена, что может приблизить государственный аппарат к трудящимся массам. Законодательная и исполнительная власть об'единены в советской организации государства. Всероссийский С'езд Советов, составленный из депутатов различных местных советов, просматривает все государственные вопросы и избирает Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), собирающийся регулярно каждые три месяца и созываемый при чрезвычайных обстоятельствах ранее положенного срока. Губернские, уездные и волостные советы управляют на местах и разрешают губернские, уездные и волостные дела. ВЦИК назначает Совет Народных Комиссаров, который под постоянным контролем ВЦИК управляет государством. Территориальное разделение на избирательные участки было заменено разделением по производственным единицам, как фабрики, заводы, мастерские, государственные учреждения и т. д.

«Советская организация государства приноровлена к тому, чтобы пролетариат, как класс наиболее сплоченный под влиянием капитализма и наиболее сознательный занял руководящую роль в государстве. Опыт всех движений угнетенных классов, опыт социалистического мирового движения нас учит, что только пролетариату дано соединить воедино рассеянные и отсталые слои трудящегося и эксплоатируемого населения и повести его за собой.

«Только советская организация государства может разрушить—сразу и окончательно—старый, т. е. буржуазно-чиновничий и судейский аппарат, который продолжал существовать и должен был продолжать существовать при капитализме даже в самых демократических республиках, и фактический служивший самым большим препятствием для рабочих и трудящихся масс при осуществлении ими демократизма. Парижская Коммуна сделала на этом пути первый всемирно-исторический шаг, а Советская власть—второй» [2].

---

[1] Н Ленин. Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. Собр. соч., т XVI, стр. 44.

[2] Н Ленин. Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. Собр. соч., т. XVI, стр. 45.

Советская или пролетарская демократия—переходная ступень от буржуазной демократии к полному исчезновению государства. С первейших времен ее существования принимались некоторые меры по борьбе с контр-революцией. Были лишены избирательного права: нетрудовой элемент, те граждане, «кои держат наемных рабочих с целью прибыли», известные контрреволюционеры, заговорщики и т. д.

Каждый депутат совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов РСФСР может быть во всякое время отозван, т. е. его избиратели могут его сменить. Это совсем легко, потому что каждая фабрика, каждый завод, каждая мастерская, каждое село и деревня избирают своего депутата. Таким образом, совет никогда не теряет тесной связи с избирателями, и члены совета действительно являются представителями народа. Советы составляют истинную демократию; они являются выражением настоящего демократизма, отрицание которого представляют капиталистические демократии.

Ленин определяет социалистический характер советского демократизма следующим образом: 1) избирателями являются эксплоатируемые прежде трудящиеся массы; 2) бюрократические формальности и ограничения при выборах сводятся к нулю, массы устанавливают сами порядок и сроки выборов и сохраняют полную свободу отзыва избираемых; 3) совет составляет «наилучшую массовую организацию авангарда трудящихся», которая может руководить самыми широкими массами эксплоатируемых и взять в свои руки их политическое воспитание. Таким образом, каждый гражданин может научиться управлять государством.

Мелко-буржуазная стихия не может не наложить своего отпечатка и на советы. Она «при всякой пролетарской революции в той или иной мере *неизбежно* себя проявит, а в нашей революции, в силу мелкобуржуазного характера страны, ее отсталости и последствий реакционной войны проявляется особенно сильно» [1]. Наконец, необходимо бороться против тенденции превращения членов совета в парламентариев и бюрократов.

«Целью нашей является *бесплатное* выполнение государственных обязанностей *каждым* трудящимся по отбытии 8-часового «урока» производительной работы: переход к этому особенно труден, но только в этом переходе залог окончательного упрочения социализма. Новизна и трудность перемены вызывает, естественно, обилие шагов, делаемых, так сказать ощупью, обилие ошибок, колебания—без этого никакого резкого движения вперед быть не может. Вся оригинальность пе-

---

[1] Н. Ленин. Очередные задачи Советской власти. Собр. соч., т. XV, стр. 221.

реживаемого положения, с точки зрения многих, желающих считаться социалистами, состоит в том, что люди привыкли абстрактно противополагать капитализм—социализму, а между тем и другим глубокомысленно ставили слово: «скачок» (некоторые, вспоминая обрывки читаемого у Энгельса, добавляли еще более глубокомысленно: «скачок из царства необходимости в царство свободы») [1].

Хороший революционер, превосходный марксист не тот, кто знает только марксистское учение и марксистскую программу, а тот, кто сумеет «в каждый момент» найти «то особое звено цепи», кто знает порядок звеньев, их форму, их сцепление и их отличие друг от друга. Наибольшую поддержку и сильнейшую симпатию необходимо оказать периодическим конференциям советских избирателей и их делегатов для обсуждения и контроля деятельности советских властей данной местности.

«Нет ничего глупее, как превращение советов в нечто застывшее и самодовлеющее. Чем решительнее мы должны стоять теперь за беспощадно твердую власть, за диктатуру отдельных лиц для определенных процессов работы, в определенные моменты чисто исполнительных функций, тем разнообразнее должны быть формы и способы контроля снизу, чтобы парализовать всякую тень возможности извращения Советской власти, чтобы вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма» [2].

Часто случается, что Ленин, намекая на какую-либо бюрократическую ошибку советского строя, со всем своим обычным прямодушием, улыбаясь, говорит: «мы отличные революционеры, но довольно скверные организаторы». Ленин преувеличивает недостатки механизма, чтобы поощрять инициативу служащих и заведывающих отделами. Вся его забота посвящена рациональной организации РСФСР, по хорошо обдуманному, логически ясному плану, который, однако, все больше и больше развивается соответственно обстоятельствам.

Как председатель Совета Народных Комиссаров, Ленин является главой Советского Правительства. Своим интеллигентным сотрудникам он не предписывает абстрактной программы, но осведомляется о мнениях других, собирает советы и охотно подчиняется большинству, как председатель Совета Народных Комиссаров и член Политбюро Ц. К. партии, он постоянно находится в курсе крупных и мелких дел советского государства.

Более пяти лет он выполнял эту громадную задачу, состоящую не только в том, чтобы дать стране конституцию, победить контр-революцию и при крайне трудных условиях снабжать

[1] Н. Ленин, стр. 222.
[2] Там-же, стр. 223—224.

необ‘ятную страну продовольствием, но и в том, чтобы подготовить эту страну, несмотря на все трудности, к социализму, к коммунизму.

Не только против буржуазии и мещанства, не только против хитрых извращений марксизма вел он упорную и непримиримую борьбу, он боролся также и против направления, которое хотело двигать государственную машину с чрезмерной скоростью. Таким образом он дошел до взглядов, выраженных им следующими формулами: «необходимо лавировать, мы переживаем переходный период», «необходимо восстановить производство».—«Что такое коммунизм?—Советская власть плюс электрификация».

С удивительным тактом он об‘единяет все подходящее для пропаганды и организации страны, как, например, вопрос об электрификации, инициатором которого является один из старейших членов партии, инженер Кржыжановский. Что такое коммунизм, спрашивает себя Ленин. И тут же отвечает с математической точностью: коммунизм=РСФСР+электрификация. Необходимо восстановить промышленность и сельское хозяйство России. Домик каждого крестьянина должен быть освещен электричеством, и земля должна обрабатываться современными механическими орудиями, приводимыми в движение электричеством. По всей территории России должна развернуться широкая сеть электрических станций. Ленин даже доходит до яркого и образного утверждения: один техник равен десяти коммунистам. Уже раньше он рекомендовал использование для специальных работ людей, вооруженных специальными знаниями («спецов»), конечно, под строгим контролем. Он предлагает всем членам партии пройти школу коммунизма, т.-е. изучать науку и технику, оставленную нам капиталистической цивилизацией, и извлечь из достижений буржуазной науки пользу для рабочих и крестьян.

Как глава партии, как глава правительства и как неизменно последовательный марксист, Ленин не колеблется дать маховику движения совершенно иное направление, если на пути является непредвиденное препятствие, если дорога заводит в тупик. Не безынтересно указать, на то, что упрекают его в «оппортунизме», как раз те, кто во всех странах наиболее развивали свои склонности к оппортунизму. Когда Ленин до октябрьских дней разложил фронт и армию, это считалось преступлением с его стороны. Но когда Советское правительство выставило революционную армию, завопили о красном милитаризме и большевистском империализме. Когда Ленин и его товарищи захватили власть и издали первые революционные декреты и потом превратили советы в государственный аппарат, реформисты говорили об анархии, о преступлении про-

тив демократии, и сравнивали большевистскую партию с обществом заговорщиков. Едва Ленин заговорил о необходимости новой экономической политики и о продналоге, как те же критики, те же Катоны обвиняли его в оппортунизме. Некоторые противники Ленина, эс-эры и друзья Милюкова, давно прекратившие свои слезливые воззвания в пользу Учредительного Собрания, даже приняли лозунг «Советы без коммунистов».

Правда, развитие русской революции дошло до того, что Ленин был принужден на некоторое время начать экономическое отступление. Так же, как капиталистические правительства прибегают к государственному капитализму, чтобы сдержать волны подымающегося социализма, так и Ленин ввел государственный капитализм, чтобы нейтрализовать влияние мирового капитализма в России. 9 апреля 1921 г. он произнес знаменательную речь, являющуюся образцом мудрости и политического реализма; продумав ее, надо мысленно отклонить извращения некоторых «коммунистов», принявших новую экономическую политику так, как они ее понимают, т. е. в связи с их личным материальным положением.

Уже в мае 1918 г. Ленин, в ответ на возражения, сделанные ему группой левых коммунистов, уверял, что государственный капитализм был бы шагом вперед по отношению к тогдашнему положению РСФСР.

«Если бы—писал он—примерно через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм.

«Я воображаю себе, с каким благородным негодованием отшатнется «левый коммунист» от этих слов... Как? В Советской Социалистической Республике переход к государственному капитализму был бы шагом вперед? Это ли не измена социализму?»[1]

В советском строе имелись в то время, думал он, в области хозяйства одновременно элементы и капитализма и социализма, и в России можно было отметить рядом друг с другом пять различных экономических типов: 1) патриархальное хозяйство, т. е. натуральное крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное производство; 3) частно-хозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм. В своей статье он смело заявляет: «Пока в Германии революция еще медлит «разродиться», наша задача—учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это пере-

[1] Н. Ленин. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности Собр. сочин., т. XV, стр. 263.

нимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» [1].

В 1921 году Ленин вновь возвращается к своей аргументации 1918 года и устанавливает, что она—помимо некоторых незначительных ошибок в оценке сроков—вполне подтверждена фактами. С другой стороны, окрепла мелкобуржуазная стихия. Гражданская война 1918—1919 г.г. еще более увеличила разруху в стране, замедлила экономическое восстановление и значительно ослабила пролетариат. Наконец, урожай 1920 г. был плох, а транспортный и промышленный кризисы усилились. Положение властно требовало «непосредственных, решающих, чрезвычайных мероприятий». Необходимо было улучшить положение крестьянина и умножить его производительные силы. Ибо для улучшения положения рабочего необходимы прежде всего хлеб и топливо. Поэтому, улучшение положения крестьянина прежде всего conditio sine qua non, разрешающее производство и урожай хлеба, заготовку и доставку топлива. Ленин говорит:

«Кто не понимает этого, кто склонен усматривать в этом выдвигании крестьян на первое место «отречение» или подобие отречения от диктатуры пролетариата, тот просто не вдумывается в дело, отдает себя во власть фразе. Диктатура пролетариата—есть руководство политикой со стороны пролетариата. Пролетариат, как руководящий, как господствующий класс, должен уметь направить политику так, чтобы решить в первую голову самую неотложную, самую «большую» задачу. Неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно. Только *через* это можно добиться и улучшения положения рабочих, и укрепления союза рабочих с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата. Тот пролетариат или представитель пролетариата, который захотел бы *не через это* пойти к улучшению положения рабочих, оказался бы *на деле* пособником белогвардейцев и капиталистов. Ибо итти не через это значит: цеховые интересы рабочих поставить выше классовых интересов, значит, интересам непосредственной минутой, частичной выгоды рабочих принести в жертву интересы всего рабочего класса, его диктатуры, его союза с крестьянством против помещиков и капиталистов, его руководящей роли в борьбе за освобождение труда от ига капитала» [2].

Улучшение положения крестьян было возможно лишь путем коренного изменения продовольственной политики. Этой ре-

---

[1] Н. Ленин, стр. 268.

[2] Там же. — О продовольственном налоге. Собр. сочин., т. XVIII, стр. 213.

формой продразверстка была заменена продналогом, причем после уплаты этого налога разрешалась свободная торговля хлебом. Навязанный войной «военный коммунизм» при разрухе и достигшей крайних пределов нищете не мог быть «отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой». Правильной пролетарской экономической политикой в мелко-крестьянской стране является обмен хлеба на необходимые крестьянину промышленные продукты.

На основе известной свободы торговли получается возрождение мелкой буржуазии и капитализма. «Это несомненно. Закрывать глаза на это смешно». Необходимо направлять этот возрождающийся капитализм в русло государственного капитализма; это экономически вполне возможно. Диктатура пролетариата и государственный капитализм вполне могут существовать рядом. Простейшим способом для Советской власти направлять развитие капитализма в русло государственного капитализма является система «концессий». «Насаждая» государственный капитализм в виде концессий, Советская власть усиливает крупное производство против мелкого, передовое против отсталого, машинное против ручного, увеличивает количество продуктов крупной индустрии в своих руках (долевое отчисление), усиливает государственно упорядоченные экономические отношения в противовес мелко-буржуазно-анархическим. В меру и осторожно проведенная концессионная политика, несомненно, поможет нам улучшить быстро (до известной, небольшой степени) состояние производства, положение рабочих и крестьян,—конечно, ценой известных жертв, отдачи капиталисту десятков и десятков миллионов пудов ценнейших продуктов. Определение той меры и тех условий, при которых концессии выгодны и не опасны нам, зависит от соотношения сил, решается борьбою, ибо концессия тоже есть вид борьбы, продолжение классовой борьбы в иной форме, а ни коим образом не замена классовой борьбы классовым миром. Способы борьбы покажет практика»[1].

Наконец, Ленин убеждает коммунистов итти на выучку к буржуазным спецам, крупным и мелким капиталистам и торговцам. Надо использовать их знание, как использовали знание военных спецов; «сделай лучше, чем сделали рядом буржуазные спецы, сумей добиться и так и этак под'ема земледелия, под'ема промышленности, развития оборота земледелия с промышленностью. Не скупись платить «за науку»: за науку платить дорого не жалко, лишь бы ученье шло толком»[2].

---

[1] Н. Ленин, Собр. сочин., том XVIII, стр. 217—218.
[2] Там же, стр. 235.

Интегрировать технику наиболее развитого капитализма с пролетарским методом—это великий вывод политического реализма, который дает Ленин, вывод, который он делает на основании строжайшего наблюдения, постоянно обогащаемого опыта и деятельной, умной и упорной симпатии к пролетариату.

Эта обдуманная мудрость, этот добросовестный и мощный реализм мы находим в основе всей политики Советского правительства, заботящегося не только о русском пролетариате, но и о рабочих всего мира, об отсталых народах и об угнетенных империализмом народностях.

6. Империализм, колониальная политика, революционный интернационализм.

Несколько времени тому назад мы вступили в великий период империализма, предвозвещенный Марксом и ярко выявленный войной 1914 г. Эта эпоха характеризуется растущей концентрацией капитала и новыми гигантскими империалистическими захватами.

Успешная концентрация капитала, обнаруженная в Америке по окончании войны,развивалась также и в Европе. Заключенные Гуго Стиннесом договоры подчеркивают эту новую фазу капитализма, которая возродилась в Европе сейчас же после войны. Более, чем когда бы то ни было, колонии составляют центр тяжести империализма. Уголь, сталь, нефть—огненными буквами запечатлены в мировой политике.

Уже с 18 столетия тянется оживленнейшая борьба между английскими и французскими капиталистами. Восстание американских колоний было крупным ударом для британского господства, но борьба, поведенная Англией против французской революции, вновь укрепила английский империализм. Выигранная Наполеоном в Восточной и Западной Европе захватническая война была в действительности направлена была против английского империализма. Ибо Наполеон, когда шел на Москву, намеревался захватить Константинополь и хотел через Стамбул победить английский империализм, который неограниченно господствовал на всем Востоке. То, что турецко-греческие конфликты впоследствии поддерживались и использовывались соперничающими великими державами, показывает нам всю важность и все значение восточного вопроса. Балканы стали классическим полем брани для борьбы между империалистами. Для обмана темных народов эта борьба маскировалась блестящей постройкой идеалистических фраз, и эллинизм и освобождение угнетенных христиан Малой Азии находили среди либеральных умов Европы многочисленных поборников. Крест стал знаком войны. И все,

кому удавалось попасть на самый театр войны—(разумеется, при условии, что они не были миссионерами и им не поручили во что бы то ни стало найти документы для империалистической лжи)—все рассказывали о многочисленных и невыразимых мерзостях, совершенных церковными сановниками. Натравленные французскими империалистами, итальянские империалисты в 1911 г. напали на Триполи, по примеру австрийцев, которые в 1908 г. открыто захватили Боснию и Герцеговину. В это же время происходил острый конфликт между французским и германским империализмом—все еще вне Европы—в Марокко. Но Ислам показал первые признаки пробуждения, которые впоследствии, вызванные гигантской борьбой дикого империализма, стали угрожающими и постоянно будут становиться все более угрожающими для ненасытных разбойничьих европейских капиталистов.

Балканский кризис вызвал империалистическую войну 1914 г., и «мирные» договоры—Версальский, Сен-Жерменский, Севрский, в Нейи—и не разрешают противоречий империализма. Возникают новые войны. Единственным балканским государством, на которое так дико набрасывались и которое так усердно старались выжить из Европы, и которое все же осталось сильным,—это Турция, государство Ислама!

Взгляды Ленина и большевистской партии на империализм и на конфликты, к которым он неизбежно ведет, были всегда ясны и последовательны. На международных конгрессах в Штутгарте, Копенгагене и Базеле идеям Ленина удалось частично пробить брешь в оппортунизме Второго Интернационала.

Русско-японская война 1904—1905 г.г., являющаяся одним из многочисленных эпизодов борьбы между империалистами, правильно характеризовалась Лениным и его товарищами, которых всюду считали японскими агентами, ибо они изо всех сил высказывались против защиты царской России и заявили о своем пораженчестве. К последствиям этой войны относятся дни революции 1905 г.

Когда в августе 1914 г. вспыхнула мировая империалистическая война, Ленин и большевистская партия, как указано в первой части этой книги, высказываются против войны. Резолюция партии о войне, составленная Лениным, обрисовывает в крупных чертах причины конфликта и его определенно империалистический характер и рассматривает исход войны с революционной марксистской точки зрения.

«При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех наро-

дов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии. Ближайшим политическим лозунгом с.-д. Европы должно быть образование республиканских Соединенных Штатов Европы, причем в отличие от буржуазии, которая готова «обещать», что угодно, лишь бы вовлечь пролетариат в общий поток шовинизма, с.-д. будут раз'яснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской» [1].

В примечании редакции «Социал-демократа», где эта резолюция была напечатана, доказывается экономическая неправильность логунга «Соединенных Штатов Европы». «Либо это требование, неосуществимое при капитализме, предполагающее установление планомерности мирового хозяйства при разделе колоний, сфер влияния и проч. между отдельными странами. Либо это — логунг реакционный, означающий временный союз великих держав Европы, для более успешного угнетения колоний и ограбления более быстро развивающихся Японии и Америки» [2].

Ленин в своих статьях, брошюрах и речах постоянно возвращается к равномерной ответственности за войну, к империалистическому соперничеству и к захватническим планам, как и к международному характеру единственного революционного выхода. В тезисах о задачах представителей Циммервальдской левой и Швейцарской Социалистической партии он указывает в особенности на то, как напрасно и тщетно об'явление нейтралитета при той экономической, финансовой и политической зависимости, в какой находится Швейцария от крупных империалистических держав. С марксистской точки зрения он об'ясняет это постоянное явление взаимной зависимости, о которой прекрасные указания дал в своей книге «Ложный счет» английский пацифист Норман Анджел еще до войны 1914 г. Впрочем, Циммервальдское движение, в котором Ленин принимал такое выдающееся участие, было, прежде всего, интернационалистическим. Манифесты и резолюции, принятые на обеих конференциях в Циммервальде и Кинтале, пропитаны настоящим интернационалистическим духом, главным образом, благодаря усилиям Ленина, Зиновьева и Радека; ибо некоторые из циммервальдцев, именно меньшевики всех стран, имели тенденцию, либо дружественную Антанте, либо социал-патриотическую, либо социал-пацифистскую.

---

[1] Н. Ленин и Г. Зиновьев.—«Социализм и война». Петроград, 1918 г.— стр. 52—53.

[2] Там же, стр. 53.

Прощальное письмо к швейцарским рабочим отражает его широкий и последовательный интернационализм, он заявляет о той энергичной оппозиции, с которой он и его партия будут бороться против политики Гучкова, Милюкова и Керенского, этой политики компромисса русской буржуазии с буржуазией Антанты. Он об'являет себя заклятым врагом войны,—войны захвата Константинополя, Армении, Галиции и т. д. В России это означало об'явление войны против империалистической программы Милюкова - Дарданельского и против продолжения войны в союзе с Антантой, которую решил вести Керенский вопреки единодушной воле русского народа.

С первого момента своего возникновения, Советское правительство считает первейшей своей задачей об'явить о своем интернационализме и стремится на деле доказать это всему миру. Цель, к которой оно стремится—основание нового Интернационала, охватывающего не только коммунистические партии, но долженствующего стать об'единением Советских государств всего мира; организация, ведущая к уничтожению империалистического и капиталистического соперничества и вместе с тем и войны, к окончанию классовой борьбы, вытекающей из империалистических противоречий и капиталистического господства. Все тайные договоры аннулируются, опубликовываются преступная переписка, как и дипломатические ноты, которыми обменивались буржуазные правительства без ведома народов. Народный Комиссариат Иностранных Дел становится орудием интернационалистической пропаганды. Большевистское правительство дает пример всему миру и освобождает различные народности западной и восточной России.

В Генуе и Лозанне Чичерин, согласно директивам Ц. К. Российской Коммунистической Партии, прокламирует по существу интернационалистическую программу РСФСР. В Рапалло подписывается первый договор между двумя великими державами, участвовавшими в войне; он исходит из интернационалистического демократизма, которым воодушевлена Советская конституция: Россия и Германия отказываются от аннексий, от возмещения долгов и убытков и связываются обязательствами публичного договора, в котором нет ни единого тайного пункта. При всяком случае русское правительство подчеркивает империалистический характер Версальского договора, к которому побежденные страны принуждались победителями, и вся тяжесть которого падает на миллионы рабочих. При всяком случае русское советское правительство критикует Лигу Наций, являющуюся не более как орудием угнетения и порабощения в руках Англии.

В Лозанне Чичерин защищает Турцию, к уничтожению которой стремится Великобритания, заинтересованная в нефтяных

источниках Моссуля и в поддержании своего господства на Востоке.

Когда Пуанкаре по приказу Comité de Forges и крупной французской металлургической промышленности, посылает своих инженеров и солдат в наступление на Рурский бассейн, ни одно империалистическое правительство не желает вмешаться, ни Англия, ни Америка, которые собственно радуются разрушению Германии, поскольку этому падению содействует не особенно опасная империалистическая Франция. Правительство РСФСР через Калинина, председателя ВЦИК, заявляет свой энергичный и настоятельный протест.

Понятна резкость Ленина по отношению к Каутскому и меньшевикам, когда он доказывал непостоянство их интернационализма; к Каутскому беспечному, систематическому извращателю марксизма, Каутскому, одновременно отстаивающему чистую демократию и охотно повторяющему, что Германия одна ответственна за войну и что девять десятых Версальского договора справедливы. Так как война остается империалистической (и при монархии и при республике)—независимо от того, где стоят неприятельские войска в данный момент, в своей или чужой стране, то признание защиты отечества есть на деле поддержка империалистической, грабительской буржуази и, полная измена социализму.

«В России и при Керенском, в буржуазно-демократической республике, война продолжала оставаться империалистской, ибо ее вела буржуазия, как господствующий класс (а война есть продолжение политики); и особенно наглядным выражением империалистского характера войны были тайные договоры о дележе мира и грабеже чужих стран, заключенные бывшим царем с капиталистами Англии и Франции.

«...Одобряя внешнюю политику меньшевиков, об‘являя ее интернационалистской и циммервальдской, Каутский, во-первых, показывает этим всю гнилость циммервальдского оппортунистического большинства (недаром мы, левая Циммервальда, сразу отгородились от такого большинства), а во-вторых,—и это самое главное—Каутский переходит с позиции пролетариата на позицию мелкой буржуазии, с позиции революционной на позицию реформистскую» [1].

Второй Интернационал с самого начала мало занимался колониальным вопросом. Все же колониальная политика одна из очевиднейших и уродливейших форм империализма, и в демократических парламентах есть колониальные группы, незначительные по числу, но значительные по силе, которые засту-

---

[1] Н. Ленин.—Пролетарская революция и ренегат Каутский. Собр. соч., т. XV, стр. 492—493.

паются не за туземные народности, но за поташ, каучук, нефть и минералы. Большая часть народов мира, представляющая гигантский резервуар творческой силы, находится под игом европейцев, которые при помощи штыков и пулеметов удерживают свое господство, которое они именуют цивилизацией. Без своей гегемонии в Азии английский империализм не мог бы удержаться. А следствием освобождения восточных народов была бы отмена налогового бремени, которым их угнетает европейский капитал, и задержка накопления капитала. А задержка накопления само собой означает смерть капитала.

Этим об'ясняется колоссальный страх, внушаемый английским империалистам пробуждением Ислама, и тревога этих империалистов по поводу фактических результатов большевистской пропаганды. Это одна из причин, почему Ллойд-Джордж, реалист капиталистической школы, заключил перемирие с Лениным, реалистом марксистской школы.

Теперь понятно значение, которое Ленин придает колониальным вопросам. Сегодня всем ясно, что здоровый и мощный Восток займет место обескровленной и обнищалой Европы. Империалистическая политика следующих за Версальским договором лет облегчает процесс разложения Европы в особенности.

Ленин сам предложил второму конгрессу Коминтерна тезисы по национальному и колониальному вопросам. Они были слегка переработаны на основе опыта некоторых делегатов, особенно Индии и Англии, и единогласно приняты конгрессом.

По мнению Ленина, Советская республика и III Интернационал должны на всякий случай об'единять вокруг себя, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран и, с другой стороны, все национальные освободительные движения колоний и угнетенных народностей.

«Следовательно, нельзя ограничиваться в настоящее время голым признанием или провозглашением сближения трудящихся разных наций, а необходимо вести политику осуществления самого тесного союза всех национально-и колониально-освободительных движений с Советской Россией, определяя формы этого союза сообразно степени развития коммунистического движения среди пролетариата каждой страны или буржуазно-демократического освободительного движения в остальных странах или среди отсталых национальностей»[1].

Ленин указывает на основное различие между политикой II-ого и III-го Интернационала. Различие в том, что III Интернационал рассматривает не только вопрос освобождения колоний, но охватывает и вопрос освобождения маленьких на-

---

[1] Н. Ленин — Тезисы по национальному и колониальному вопросу.— Собр. соч., т. XVII, стр. 213.

родностей, угнетаемых с финансовой, политической и экономической стороны крупными капиталистическими державами.

В докладе комиссии по национальным и колониальным вопросам на втором конгрессе Коминтерна, Ленин следующим образом формулирует свои тезисы.

«Характерная черта империализма состоит в том, что весь мир, как это мы видим, разделяется в настоящее время на большое число угнетенных народов и ничтожное число народов угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой. Громадное большинство, насчитывающее больше миллиарда, по всей вероятности, миллиард с четвертью человек, если мы примем численность всего населения земли в один три четверти миллиарда, т. е. около 70% населения земли, принадлежит к угнетенным народам, которые или находятся в непосредственной колониальной зависимости, или относятся к окраинным колониальным государствам, как, напр., Персия, Турция, Китай, или же, будучи побеждены армией крупной империалистской державы, по договорам оказались в зависимости от нее»[1].

В комиссии по колониальным вопросам, председателем которой был Ленин, дискуссия по его тезисам привела, главным образом, к обсуждению вопроса, правильно ли теоретически заявление, что Интернационал и присоединившиеся к нему партии должны поддерживать буржуазно демократические движения в отсталых странах. По единодушному соглашению было решено, что должны быть приняты во внимание лишь революционные националистические движения. Националистическое движение может быть только буржуазно-демократическим движением, ибо в отсталых странах большинство населения составляют крестьяне, являющиеся представителями буржуазно-капиталистических отношений. «Было бы утопией думать, что пролетарские партии, если они вообще могут возникнуть в таких странах, смогут, не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле, проводить коммунистическую тактику и коммунистическую политику в этих отсталых странах»[2].

Довольно часто существовал самый настоящий союз между буржуазией эксплоатирующих государств и буржуазией колоний, состоящий в том, что буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживала национальное освободительное движение, совместно с империалистской буржуазией противодействовала всякому истинно революционному движению. Следовательно, необходимо поддерживать буржуазные движения, стремящиеся к освобо-

---

[1] Н. Ленин.—Собр. соч., т. XVII, стр. 274.
[2] Там же, стр. 275.

ЛЕНИН ГОВОРИТ С ТРИБУНЫ

на Театральной площади в Москве. На ступеньках трибуны стоят Л. Каменев и Л. Троцкий.

ждению колоний, «лишь в тех случаях, когда эти движения действительно революционны, когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплоатируемых» [1].

Практическая работа, проведенная некоторыми из его товарищей в колониях и в отсталых странах, как в Туркестане, привела Ленина к вопросу, возможно ли и каким образом создать крестьянские советы в странах, находящихся еще на докапиталистической ступени развития; ибо о пролетарском движении здесь не может быть речи.

«Наша работа показала нам, что в этих странах приходится преодолеть колоссальные трудности, но практические результаты нашей работы показали также, что, несмотря на эти трудности, можно пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности и там, где нет почти пролетариата. Эта работа была труднее для нас, чем для товарищей из западно-европейских стран, так как пролетариат в России завален государственной работой. Вполне понятно, что крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле. Ясно также, что угнетенные массы, эксплоатируемые не только купеческим капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе, могут применять это оружие, этот вид организации и в своих условиях. Идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям» [2].

В отсталых странах, где преобладают феодальные или патриархальные отношения, необходимо организовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, проповедующие идею крестьянских советов и приспособляющие эти советы к особым условиям докапиталистических отношений, «но коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» [3].

Коммунистические партии должны оказывать поддержку революционным движениям в этих странах, и все трудящиеся метрополии, в зависимости от которой находится данная нация,

---

[1] Н. Ленин. Собр. сочин., т. XVII, стр. 275—276.
[2] Там же, стр. 276.
[3] Там же, стр. 277.

обязаны поддерживать эти движения. Необходимо бороться против реакционного и средневекового влияния духовенства и христианских миссионеров. «Необходима борьба с пан-исламизмом, с пан-азиатским движением и подобными течениями, пытающимися соединить освободительную борьбу против европейского и американского империализма с усилением мощи турецкого и японского империализма, дворянства, крупных землевладельцев, духовенства и т. д.» [1].

Эти основные мысли Ленина являются колоссальным рычагом, подымающим на нашей планете миллионы людей, эксплоатируемых небольшой группой лиц. Они спокойно дают приказы из своих контор по всему миру и выполняют программу правления мощного акционерного общества, имеющего свои щупальцы в парламенте, в правительстве и в дипломатии.

Интернационализм Ленина не такой ограниченно-европейский, как интернационализм представителей II-го Интернационала. Его интернационализм—мировой; он идет до конца; он действительно стремится к тому, чтобы сломать не только цепи миллионов наемных рабов на фабриках и заводах, в мастерских и в сельско-хозяйственных предприятиях, но освободить и миллионы людей всех рас, которые покорно пребывают в эксплоатации, невежестве, грязи, идолопоклонстве и рабстве.

7. Последовательный материализм и вопросы культуры.

Во всех странах интеллигенция составляет либо лучшую, либо худшую часть общества. То она в авангарде прогресса и освобождения угнетенных, то она ведет себя, как услужливейший пособник реакции. Будучи зависимой от капитализма, она часто не проявляет ни малейшей силы сопротивления, и, так как ее эгоцентризм стремится в том же направлении, то она выполняет подлые задачи. И при этом она обладает безграничным тщеславием и считает себя вождем человечества.

«Чтобы сказать правду, — пишет Анри Барбюсс,—литературный талант и гений, эти блестящие исключительные явления, почти всегда были подчинены власти—или предрассудкам, что одно и то же. Один из признаков, вполне основательно приписываемых Сен-Бевом классическим эпохам расцвета, это— связь с руководящими силами. Самые знаменитые писатели не сделали ничего иного, кроме того, что санкционировали моду. Те из них, кои доходили до протеста, были редким исключением. Самые блестящие поэты отнюдь не блистали ни

[1] Тезисы по национальному и колониальному вопросам. «Коммунистический Интернационал» № 13, стр. 24—29.

общей интеллигентностью, ни независимостью характера (а одно ничего не значит без другого). Они, правда, изливались в гармоничных или патетических жалобах о варварстве или безумии или глупости людей. Но эти жалобы остались пустыми словами, ибо они указывали на последствия, а не на причины».

Война показала, на что способна интеллигенция. Сколько профессоров, историков, писателей, художников в погоне за сенсацией, из тщеславия или из-за денег, прославляли под прикрытием цензуры, в окопах печати, войну и умножили число гимнов бессмысленному патриотизму. В Германии появилось воззвание пресловутых тридцати девяти интеллигентов и ученых, доказывавших будто Дюнкерк-Дюнкирхен—германский город. Во Франции способнейшие члены Сорбонны, в обычное время столь скептические историки, считали «Matin» и «Temps» новым евангелием и сборником абсолютных истин; они расположились лагерем на толстых запыленных фолиантах своих сочинений и в один голос вопили: на Берлин!

Против них направляет Ленин свою ненависть, против них он борется беспрестанно и беспощадно.

Наряду с этим он направляет острые стрелы своей полемики против тех, кто лицемерно заявляет, что они защищают дело народа и революции, а в сущности являются лишь приверженцами контр-революции. Наравне с этим, Ленин направляет свои удары против людей, боровшихся когда-то в союзе с ним, но потом снова присоединившихся к главной армии контр-революции. Так он решительно выступает против Струве, Мартовых, Плехановых, Каутских и вождей II Интернационала.

Интеллигенция же, посвящающая все свое время, все свои знания и все свое достояние делу освобождения порабощенных народов, находит в его лице полное сочувствие и признание.

В первом ряду интеллигентов, против которых он неустанно борется, стоят философы, метафизики, моралисты, идеалисты, виртуозы мысли и акробаты духа, торговцы дешевыми утешениями, шарлатаны псевдо-научных продуктов, разносчики высокопарных и путанных спекуляций; но не те люди, которых в XVIII веке называли философами, прогрессивные и бесстрашные умы, делавшие все, чтобы разоблачать религию и ее суррогаты, как яд. Наоборот, он призывает русских революционеров вдохновиться методом энциклопедистов, произведших дезинфекцию народа и находивших вернейшие предохранительные средства для уничтожения бацилл религии.

Ленин безжалостно критикует всех извратителей истории, всех систематических отрицателей жизни и фактов, нагружающих столы своих рабочих кабинетов толстыми томами бездушных и педантичных писаний. Он разоблачает их систему, являю-

щуюся часто лишь обманчивой терминологией, плохим жаргоном, изобретенным для обмана нервов.

Фулье, Бергсоны, Ферреро, Бердяевы, Штейнеры, Шпенглеры— все это лже-ученые, книжные люди, философия которых покоится на анти-материалистическом понимании истории, являющемся ключом к хранилищам империализма и капитализма. В то время, когда Ленин посвятил целый труд философам и метафизикам, этими модными лжеучеными были — Мах, Авенариус, Ренувье, они были подлецами мысли и прикидывались материалистами.

Некоторые большевистские и другие революционные интеллигенты, разочарованные и отброшенные ходом событий с пути истины, посвятили себя философии и проявили некоторого рода склонность к схоластическому идеализму, противоположному марксизму. Эти люди, как Богданов, Базаров, Луначарский, Берман, П. Юшкевич и Суворов были раз‘единены политическими разногласиями, но об‘единялись на общей философской точке зрения. «Может быть, мы заблуждаемся, но ищем», признается Луначарский, очень последовательно дошедший до фидеизма. Ленин рассматривал эту ориентацию как противоположную марксизму и очень вредную для революционного движения. Поэтому он ответил своей солидной книгой «Материализм и эмпириокритицизм», в которой он разоблачает всю философию Маха, Авенариуса, «философию» русских и подобных им французов; при этом он был как будто согласен с Дидро, который в свое время боролся против религии и идеализма, и с Карлом Марксом и Энгельсом. Берман об‘явил диалектику Энгельса мистической, и все говорили больше, чем нужно было, о новой философии, о новом позитивизме. Позже, а именно в 1920 г., Ленин опубликовал почти непереработанное издание этих «критических заметок об одной реакционной философии»; он добавил статью Невского, в которой тот путем анализа последних трудов Богданова доказывает, что в основе его мыслей о «пролетарской культуре» лежит реакционная точка зрения.

В своей полемике с философами Ленин применяет тот же метод и дает полный простор своим едким остротам, как он это и делал в борьбе с меньшевистскими ликвидаторами, реформистами и социал-патриотами. Если Каутский является ренегатом, то философы эти—классовые враги, и он обращается с ними, как с таковыми. Цитируя одну статью, напечатанную в издаваемом Авенариусом философском журнале (Vierteljahrsschrift fur wissenschaftliche Philosophie), Ленин пишет: «Читатель, вероятно, негодует на нас за то, что мы так долго цитируем эту невероятно пошлую галиматью, это квази-ученое шутовство в костюме терминологии Авенариуса. Но,—wer den F e i n d will versteh'n, muss in F e i n d e s Lande geh'n—кто желает знать в р а г а, тот должен побывать во

вражеской стране. А философский журнал Р. Авенариуса— настоящая вражеская страна для марксистов. И мы приглашаем читателя преодолеть на минуту законное отвращение к клоунам буржуазной науки и проанализировать аргументацию ученика и сотрудника Авенариуса» [1].

В дальнейшем Ленин заявляет, что наука Маха для настоящей науки является тем же чем был поцелуй Иуды для Христа.

Конечно, философия стремится к тому, чтобы заменить религию, чтобы стать новой религией для слабых душ, не могущих ходить без костылей. Если поскоблить различные философские системы, несомненно открывается толстый слой религиозного идеализма. А те, кто сегодня управляет народами, заинтересованы в том, чтобы заботиться об авторитете этого религиозного идеализма и об его укреплении, ибо философия и мораль, как религия, являются столпами капиталистического общества. Сколько бед натворил бергсонизм. Бергсон дал своим ученикам пример возвышенности своей философии, когда он одобрял войну 1914 г., как войну справедливости, как войну цивилизации, когда он говорил бездушно империалистические речи и направился в Соединенные Штаты, чтобы вести там переговоры о чисто финансовых вопросах на пользу империалистического французского правительства.

Ученик Бергсона, Жан Ришар Блох, дававший до войны издаваемому им журналу, пропитанному насквозь Бергсоновским идеализмом и отнюдь не марксистскому, подзаголовок, «журнал революционной философии», этот Блох заявил несколько месяцев тому назад, в июле 1922 г., в номере журнала, посвященном русской революции, что он остался верен духу «вольнодумцев Великой Революции», и добавил: «Я принадлежу к тем, кто при оценке всех опасностей, угрожающих развитию цивилизации, придерживались мнения, что ни одна из них не может сравняться с военным господством Пруссии в Европе.

«Я и теперь еще думаю, что этот взгляд правилен.

(Многие из наших друзей забывают, что они так думали, многим стоит труда найти оправдание своей тогдашней уверенности).

«Я все еще убежден, что победа Германии имела бы своим последствием век разрушения, век заговоров, террора, востаний, для двухсот миллионов людей; все пропитано опаснейшей национальной экзальтацией—картина, на ряду с которой насилия, несправедливости, национализм Антанты казались бы казанскими сиротами».

Мы приводим здесь этот пример по следующей причине. Цитированный писатель считает себя большевиком и несомненно чистым ле-

---

[1] Н. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Собр. соч., т. Х., стр. 268.

нинцем. Это доказывает, до какой степени развивалось принципиальное заблуждение среди интеллигенции и в особенности во Франции, где многие «социалисты» представляют собою помесь школы Руссо, прудонизма, бергсонизма, барресизма, толстовства, ромэн-ролланизма, которую они хотят разбавить щепоткой марксизма.

Такое же непонимание, как и в вопросе о войне, интеллигенция проявляет также и по отношению к большевизму. Французские интеллигенты — о боже! Реми де Гурмон омрачил блеск своего ума такими безумными утверждениями, что немцы ужаснейшие варвары: гунны. Романист Рони старший, гордящийся своей научной культурностью и написавший длинную статью о теории относительности, этот Рони старший написал о Ленине в журнале «Pays» (Родина), прежнем органе стыдливых пацифистов, статью, в которой он спокойно заявил: «Если ленинизм восторжествует, спасти Россию станет почти невозможным. Века разрушений, кровавой анархии, братоубийственных войн, диких палаческих государств следовали бы друг за другом, и предали бы славянский мир непримиримой реакции и несомненно тевтонским цепям»...

Сколько Рони, сколько Жан Ришар Блохов приходится на одного Анри Барбюсса!

Как прав был Ленин, когда боролся против эгоцентрических и путанных интеллигентов. При всех обстоятельствах он показал себя последовательным материалистом и считал важнейшей задачей выявление отклонений от марксизма, будь то в области чистой политики или в области «философии».

Философия и идеалистический взгляд на историю встречается в официальном преподавании школ, и именно поэтому они кажутся этому решительному и последовательному материалисту столь опасными. «Старая школа была школой учебы, она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников» [1].

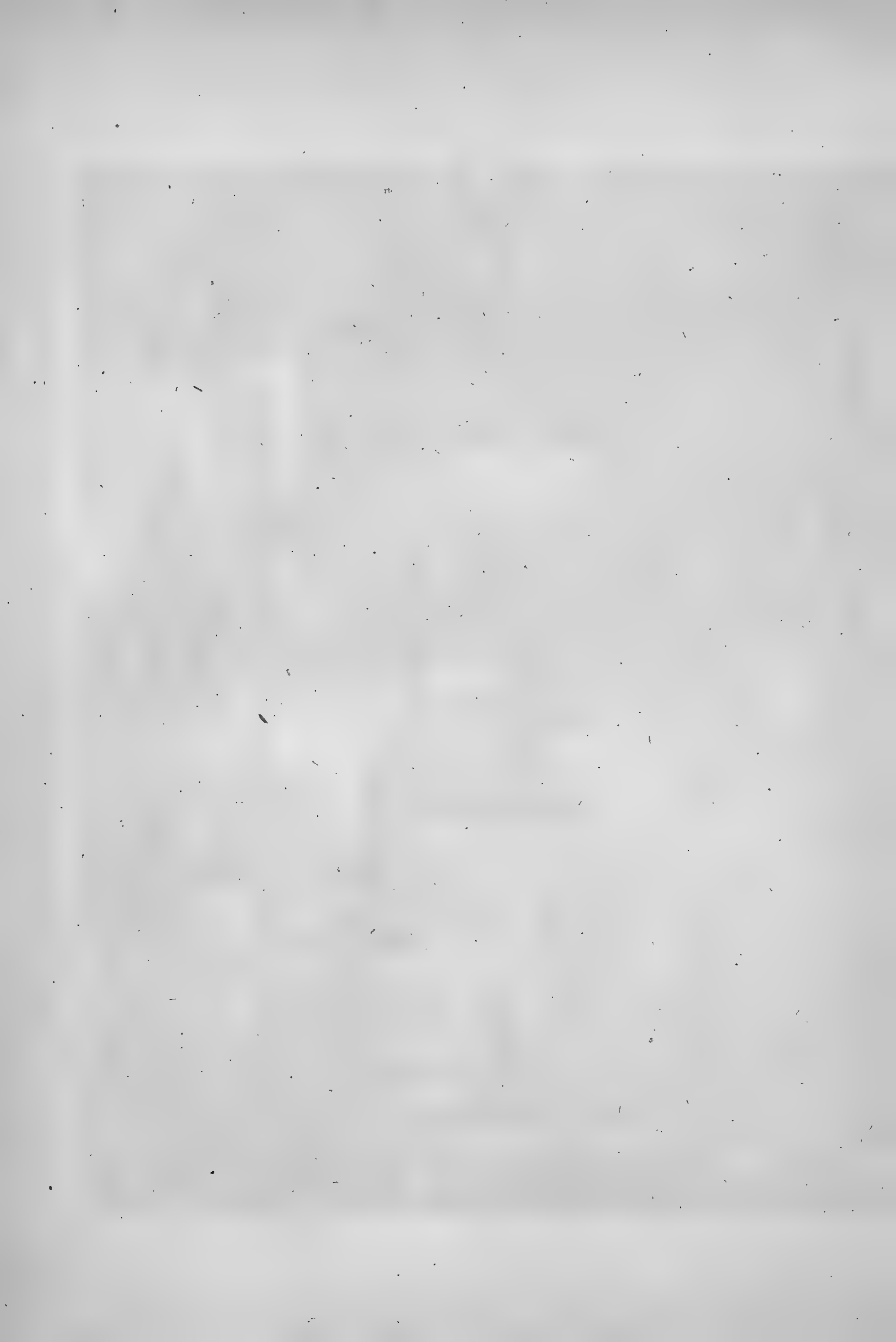
Но, добавляет Ленин, было-бы огромной ошибкой сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием. Пролетарская культура, революционная культура «не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре» [2]. Пролетарская культура является общим итогом всех знаний, накопленных всем человечеством под игом феодализма и капиталистического господства. Это было ясно Марксу, когда он приступил к своей работе над «Капиталом»: он усвоил все результаты прежних знаний, исследовал их и подвергал их критике.

---

[1] Н. Ленин. Задачи союзов молодежи Собр. соч., том XVII, стр. 316.
[2] Там же, стр. 317.

В. И. ЛЕНИН в своем кабинете, в Совнаркоме (сним. 1922 г.).

Ленин продолжает:

«Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременяли безмерным количеством знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных, но это не значит, что мы можем ограничиться коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги»[1].

«Если коммунист вздумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печален. Такое верхоглядство было бы решительным образом губительно. Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше, но если человек будет говорить, что он коммунист и что ему и знать ничего не надо прочного, то ничего похожего на коммуниста из него не выйдет»[2].

Вместо исключительной муштровки памяти, вместо путанной и бесконтрольной систематической зубрежки знаний, как это проделывается в современных школах, необходимо ввести постоянную дисциплину рабочих и крестьян, соединяющих с ненавистью к старому обществу «решимость, умение и готовность об'единить и организовать силы для этой борьбы, чтобы из воли миллионов и сотен миллионов разрозненных, раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны, создать единую волю, ибо без этой единой воли мы будем разбиты неминуемо. Без этого сплочения, без этой сознательной дисциплины рабочих и крестьян наше дело безнадежно»[3].

Программа молодежи больше, чем только отрицательная программа, состоящая лишь в критике буржуазии и в стремлении к ее свержению. Надо строить, создать, организовать. Нужны знания, чтобы овладеть всей современной наукой, «умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что об'единяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы»[4].

Ленин ставит вопрос о существовании марксистской морали, материалистической морали, морали коммунистической. На этот вопрос он дает утвердительный ответ. Но речь идет о совершенно ином, чем об основанной на велениях бога или на философской или моральной базе этике. Новая этика возникает из марксистских взглядов; она приспособляется вполне к бое-

---

[1] Н. Ленин. Задачи союзов молодежи. Собр. соч., том XVII, стр. 317.

[2] Там же, стр. 318.

[3] Там же, стр. 318.

[4] Там же, стр. 320.

вым интересам тех, кто работает. Свергнуть царя, прогнать помещиков, экспроприировать капиталистов, это были сравнительно нетрудные задачи, «но уничтожить классы несравненно труднее». «Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку» [1]. На этом будет основано коммунистическое общество, коммунистическая семья, коммунистическая ячейка. Коммунистическое общество подавит инстинкт собственности, из которого возникает буржуазная мораль. Подавление этого собственнического инстинкта совершенно изменяет психологию индивидуума и создает, таким образом, сильную коллективистическую мораль, этику, ведущую свое происхождение из отношений между индивидами в основанном исключительно на труде и общей собственности обществе.

Когда Ленин в октябре 1920 года выступал на Всероссийском С'езде РКСМ, он говорил следующее:

«Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет.

«А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество и само будет строить это общество».

«И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества».

«В старом обществе труд велся отдельной семьей, и никто не соединял его, кроме помещиков и капиталистов, угнетавших народ. Мы должны всякий труд, как бы он ни был грязен и труден, построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я — часть великой армии свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок» [2].

Профессор Бертрам Рёссель, основательное путешествие которого по всей России еще больше утвердило его в его индивидуализме, установил различие между французской и русской революцией: «Различие символизируется той разницей, которая существует между Марксом и Руссо. Чувствительный и смирный, Руссо обращался к чувству и смягчал все острые углы; Маркс систематический, как Гегель, полный интеллектуального самосознания, ссылался на историческую необходимость и техническое развитие промышленности, он изображал человеческие существа, как игрушки, под господством всемогущих материальных сил. Большевизм комбинирует характерные элементы французской революции с элементами восстания Ислама: в резуль-

[1] Н. Ленин. Задачи союзов молодежи. Собр. соч., т. XVII, стр. 322.
[2] Там же стр. 328—329.

тате, что-то в корне новое, что можно понять лишь при терпеливом и настойчивом напряжении силы воображения».

И несмотря на свои оговорки, этот специфически антимарксистский ученый, дающий заключение о двух культурах, из которых одна основана на собственности, индивидуализме и идеализме, другая же на труде, коллективизме и материализме, отказывается от своего скептицизма и не может не написать:

«Я верю, что коммунизм необходим для мира, и я верю, что геройство России направило надежды человечества на правильный путь, для осуществления коммунизма в будущем. Если рассматривать большевизм, как грандиозный опыт, без которого окончательный успех был бы невероятен, он заслуживает благодарного признания и восхищения всех людей прогресса».

29.) La socialdémocratie suisse doit obtenir non seulement que le Congrès de Berne (de février 1917) se rallie entièrement aux décisions de Kienthal, mais elle doit encore exiger que de son côté le congrès déclare rompre entièrement et définitivement avec le B.S.I., ce rempart de l'opportunisme et du socialisme patriote, tendances absolument incompatibles avec le socialisme.

30.) La socialdémocratie suisse ~~que~~ se trouvant dans des conditions particulièrement favorables d'informations, qui lui permettent d'observer de très près le mouvement ouvrier de tous les pays avancés d'Europe et la lutte des tendances, et qui est parfaitement située pour travailler à l'union ~~[illegible]~~ des éléments révolutionnaires ~~[illegible]~~ de ces mouvements prolétariens, ne doit point se borner à attendre, en observateur passif, le développement de la lutte des tendances au sein des partis; elle doit ~~aller de l'avant~~ se mettre en avant-garde du mouvement en suivant la voie tracée par la gauche de Zimmerwald et confirmée tous les jours par la marche des événements en France, en Allemagne, en Angleterre, aux Etats-Unis, en général dans tous les pays civilisés.

Страничка рукописи ЛЕНИНА

(на франц. яз.—«Тезисы представителей циммервальдской левой и швейцарской социалистической партии»).

III.

ПЕРЕЖИТОЕ И ВОСПОМИНАНИЯ.

Здесь набросаны некоторые отдельные черты и воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, которые смогут дополнить характеристику, данную в двух первых частях этой книги.

Это было в Париже, в начале империалистической войны 1914 г., в первом этаже дома на набережной Жемапп. Там собирались каждую неделю некоторые сотрудники и друзья газеты «Vie Ouvrière» («Рабочей Жизни»), оставшиеся интернационалистами в то время, когда социалистическая партия, потерявшая своего вождя Жана Жореса, так жалко дошла до шовинизма. Там собирались Пьер Монатт, Альфред Росмер, Марсель Мартинэ и некоторые другие. Однажды вечером, когда мы там собрались, и в камине, около которого мы сидели, весело трещал огонь, появились три гостя, национальность которых я угадал. Первый был высокого роста и производил впечатление непоколебимой уверенности. Его черные волосы были густы и длинны, его оживленные глаза сверкали за стеклами пенсне, небольшая бородка окружала его энергичный подбородок; он говорил медленно, но с силой доказывал и передавал другим свои убеждения. Второй был небольшого роста, слегка хромой, и проявил невероятно большую неряшливость в своей внешности; он энергично высказывался, но не без колебаний, и проявил некоторую осторожность и нерешимость. Третий, наконец, который был очевидно очень сильным, тучным и носил золотые очки и большую бороду, напоминал занятого своим диагнозом врача. Первого звали Лев Троцкий, второй был Мартов, третий Лапинский. Троцкий недавно вернулся из Цюриха и издавал газету «Голос» («Наше Слово»).

Споры между меньшевиками и большевиками были нам незнакомы, и для нас Ленин, Троцкий и Мартов означали рус-

скую революцию, искренний интернационализм и решительную борьбу против войны. Мы рассматривали их так почти при каждой встрече. Сам я был в течение нескольких недель мобилизован в Бретани, потом освобожден от всяких воинских повинностей и в конце апреля уехал в Женеву.

Однажды я увидел в одной женевской ежедневной газете об‘явление о докладе Мартова в Народном Доме. Вечером я отправился туда и впоследствии встречался с Мартовым, вождем меньшевистской группы, либо у себя, либо в пивной Ландоль, служившей местом свидания русских революционных эмигрантов. Его точка зрения казалась мне тогда выше всякой критики, и когда я основал журнал «Demain» («Завтра»), Мартов был одним из первых, кто в нем сотрудничал.

Имя Ленина стало мне знакомо. Много раз я слышал более или менее путанные разговоры о нем. Я еще не знал ни одного ленинца; я познакомился с Анжеликой Балабановой, которая рассказывала мне с восхищенной симпатией о Мартове и Лапинском, но ни разу не упомянула имени Ленина.

В Кинтале же, на второй Циммервальдской конференции, в светлой, скромной гостинице, лежащей между горами Оберланда, мне впервые удалось увидеть этого коренастого, низкорослого человека, с ироническим и проницательным взглядом. Он сидел в течение всей конференции на месте, читал, работал, составлял тезисы и резолюции и подымал голову, чтобы иногда наблюдать за ораторами. Он мало говорил и прислушивался ко всему с крайним вниманием. Его лицо выражало полное удовлетворение, неограниченное одобрение при речах Радека, Зиновьева, Бронского, Фрелиха и Мюнценберга. В противоположность этому, явно ироническое и презрительное выражение его лица подчеркивало его острую оппозицию против мыслей и принципов, выраженных его земляком, Мартовым, итальянцем Модильяни и французом Пьером Бризоном.

Я спросил у Ленина, чем меньшевики отличаются от большевиков. Коротко и ясно он об‘яснил мне это и насчитал ошибки, в которых он упрекал меньшевистскую группу, затем он предложил мне самому, на основании этих доказательств, поговорить с Мартовым. Мартов не отрицал ни одного факта,— этого он и не мог,—но с помощью путанных доказательств он защищал Чхеидзе и оправдывал позицию меньшевистской фракции Думы. Я опять был у Ленина, который, широко улыбаясь, разбивал жалкие аргументы Мартова, всю неосновательность которых он мне доказал.

Откровенно говоря, первые слова Владимира Ильича казались мне излишне строгими, но когда я вдумался, я заметил, насколько он прав: И что он говорил мне о положении во Франции, крайне серьезная и справедливая критика, которой

он подверг французское «меньшинство», все это я считал вполне разумным. Его радикализм соблазнял и меня.

Всего заразительнее и неудержимее смеялся Ленин, когда говорил Бризон. Этот человек с наружностью провинциального парикмахера говорил с невыносимым гонором и проявил невероятное невежество и безграничное тщеславие. Когда он впервые взял слово, все удивленно переглядывались. Отвратительным тенором он заявил: «Товарищи, хотя я и интернационалист, я все-таки француз, и я вам здесь заявляю, что не буду говорить ни одного слова, не буду делать ни одного жеста, направленного против Франции, против Франции, страны ре-во-лю-ции».

Старику Адольфу Гофману, понравившемуся ему, так как он носил бороду, похожую на бороду покойного Анри Рошфор, Бризон сказал: «Дорогой старый друг, скажите Вильгельму, чтоб он нам вернул Эльзас-Лотарингию, мы охотно отдадим вам взамен Мадагаскар». Однажды он стал до того вызывающим, что Серрати сердито набросился на него и взял его за горло. Он даже покинул конференцию, и итальянские делегаты встретились с ним на прогулке. Они успокоили его и привели его обратно. За столом Бризон доказал, что он проникнут духом парижского парикмахера. Он жаловался, что нет вина и женщин.

Ему нравилось беспрестанно повторять: «Эти русские только ученые хвастуны».

Или в другом случае:

«Полюбуйтесь только надменной улыбкой Ленина».

Ленин вспоминал эти маленькие инциденты былых времен и забавлялся ими не раз при моих посещениях в Москве. Он улыбаясь спрашивал меня: «А вы помните еще Бризона в Кинтале? А Серрати?»

Поведение делегата Бризона в Кинтале было так вызывающе, что левые—Ленин, Зиновьев, Радек и Бронский—предложили резолюцию, в которой требовалось немедленное исключение Бризона. Кажется, итальянская делегация, при поддержке Роберта Гримма и Балабановой, успешно вела дело Бризона. Лорио, которому я рассказал об инциденте, сказал мне потом: «Исключение Бризона было бы величайшей услугой, которую можно было оказать французским Циммервальдцам».

После Кинтальской конференции я вернулся в Женеву уже приверженцем Ленина, и это очень взволновало некоторых моих друзей. Я познакомился потом с представителями различных течений эмигрировавших революционеров: с Сокольниковым, Ольгой Равич, Карпинским, Мануильским, Луначарским и другими. Некоторые русские предостерегали меня от моего ленинизма. Я помню, как однажды Анжелика Балабанова, очень обеспокоенная, увещевала меня следующим образом: «Ленин

несомненно хороший товарищ, но он скорее анархист и стоит во главе небольшой группы. Он не будет играть никакой роли в революции». Мне рассказывали, что Балабанова, когда встречалась с Лениным на какой-нибудь конференции или конгрессе, всегда спрашивала: «Сколько резолюций у вас в кармане?» или же: «Ну, какой раскол вы для нас приготовили?»

Рязанов, принадлежащий к правому крылу группы Троцкого, часто хвалил передо мной способности Троцкого—впрочем, действительно существующие—его публицистический и ораторский талант, его влияние на массы, но никогда он не обращал моего внимания на Ленина.

Кроме приверженцев большевиков, и, кажется, Сокольникова, все русские революционеры всегда изображали мне Ленина «склочником». Раппопорт назвал его однажды «крупнейшим возбудителем разногласий в социализме». И он писал: «Ни одна партия в мире не могла бы жить под господством этого социал-демократического царя, именующего себя ультрамарксистом и являющегося лишь политическим авантюристом крупного духовного размаха».

В ресторане «Интернационал» в Женеве, содержателем которого был русский студент меньшевистской фракции и в котором я некоторое время столовался, партийцы различных групп следили за моими знакомствами. Но тщетно некоторые меньшевики пытались мне доказать, что Ленин ужасный склочник, что он «профессиональный склочник». У меня создалось определенное окончательное мнение. У каждого стола та или иная группа имела свое место; они следили друг за другом и были готовы к борьбе.

Ольга Равич пришла однажды в редакцию «Demain» и принесла мне письмо от Ленина. Я был очень тронут чрезвычайным доверием, оказанным мне Лениным, ибо, несмотря на все о нем сказанное, я был уверен, что он не только истинный последовательный марксист, но и человек борьбы, организатор, который когда-нибудь пробьет себе дорогу. Я сделал доклад, об организации которого озаботилась «группа женщин-социалисток», секретарем которой была Ольга Равич. Темой доклада была Кинтальская конференция, и когда я сильно напал на социал-патриотов и французских социал-оппортунистов, женевские представители социалистической партии, мещане и сущие франкофилы, бòльшие немцееды, чем французы, были очень возмущены. Слово «бош» было их главным аргументом. В союзе с Сокольниковым, мы начали борьбу против социал-патриотов, направление которых воплощал вздутый толстый человек, превосходный обжора и несравненный пьяница, который с циничной откровенностью водил знакомство с представителями и агентами французского правительства.

Мы основали «интернациональную социалистическую группу», устав которой был сколком принципов, руководящих Циммервальдской левой группой. Ольга Равич и Пауль Леви принадлежали к основателям группы. Группа устраивала доклады и митинги и приступила к основанию журнала «Nouvelle Internationale» («Новый Интернационал»), главным редактором которого был рабочий-секретарь Шарль Губахер, бывший рабочий металлист. Ленин интересовался жизнью швейцарской социалистической партии, не потому, что он считал Швейцарию любимой страной революции, как уверяли почтенные швейцарцы, а потому, что он интересовался всем. Он интересовался и деятельностью «интернациональной социалистической группы».

Он передал мне небольшую тетрадку: «Задача Циммервальдской Левой в Швейцарской Социалистической Партии», чтобы обсудить эти тезисы в группе и чтобы группа по ним высказалась. Эти тезисы потом были опубликованы, но рукопись была у меня украдена представителями швейцарской демократии, поместившими ее в какой-то музей.

Каждый раз, когда я встречался с Лениным, он расспрашивал меня о движении во Франции и о партийной борьбе в Женеве. Он строго и справедливо судил о фактах и людях. Когда Борис Суварин опубликовал в издаваемой Жан Лонгэ газете «Populaire» статью под заглавием «Нашим друзьям в Швейцарии», в которой он критиковал последовательных интернационалистов и в особенности Ленина, Ленин ответил Суварину, но письмо появилось лишь много позже, после победы большевизма.

Женевская секция делегировала меня в 1916 г. в Цюрих на с‘езд швейцарской партии, а просветительная комиссия пригласила меня сделать доклад о Ромэн Роллане. Ленин пришел туда, как всегда в фуражке на голове. Этот великий человек интересуется всем, и хотя он изучал, и анализировал, главным образом, социальные, политические и экономические журналы и книги, но иногда и литературная жизнь захватывала его.

На следующий день я навестил его в сопровождении Радека, назначившего мне свидание в кафе де ля Террасс, соответствующем пивной Ландоль в Женеве, в которой встречались русские эмигранты. Там можно было встретить и австрийского профессора Фейльбогена, редактора журнала «Internationale Rundschau» («Международное Обозрение»), который, вооруженный своей слуховой трубкой, рассказывал веселые и забавные истории поляка Валецкого, который, будучи тогда еще меньшевиком-интернационалистом, рассуждал о марксизме, философии и математике и был окружен студентками, ослепленными его пропитанным остротами красноречием и, наконец, немецких писателей, бывших там проездом: Рубинера, Альберта Эренштейна, Леонгарда Франка и т. д.

Радек сидел за одним столом с Мартовым. Склонив голову, в очках, они делали вырезки из газет всех стран. Втроем мы покинули кафе, и на повороте улицы мы оба попрощались с Мартовым. Когда он ушел, Радек сказал мне: «Мартов отличный публицист, он был лучшим сотрудником Ленина в период «Искры»; жаль, что он политически разошелся с Лениным».

Мы направились в Зеркальный переулок (Шпигельгассе), узкую, подымающуюся в гору улицу, лежащую в населенной исключительно рабочими части города. Мы вошли в очень тесную, плохо освещенную, но чистую комнату с низким потолком. Здесь стояли две кровати из грубого дерева и два небольших столика, перегруженных книгами, газетами, журналами и бумагами. Пока тов. Крупская приготовляла чай, мы беседовали, и я помню удовлетворение, выраженное в его взгляде, когда он мне показывал в новом номере «Ce qu'il faut dire» (Что надо сказать) повестки собраний, принятые рабочими организациями, и, хотя искаженные цензурой, все-таки выражающие революционную волю французского пролетариата. Радек ушел. Я остался у Ленина до отхода поезда. Я восхищался его мудростью, его критическим умом, богатством его обширных и точных знаний и его своеобразным ясным взглядом, казавшимся чрезвычайно пророческим.

И каждый раз, когда я с ним встречался в Цюрихе, в Берне, в Женеве, он информировал меня о положении в России и о состоянии партий. Чем дальше развивалась война, тем больше доверия он проявлял ко мне. Он был превосходно информирован о рабочем движении, о недовольстве и нищете рабочих масс, об усталости и отсутствии дисциплины в войсках, о крайне плохом состоянии фронта и об экономических, политических и военных затруднениях царского правительства.

Вспыхнула русская революция. В течение нескольких дней швейцарские газеты ограничивались тем, что давали некоторые краткие, друг другу противоречащие сведения. Наиболее странно то, что большая империалистическая французская газета «Temps» поместила более точные и верные известия о революционных событиях, чем газеты женевской демократии.

Возбуждение в русской колонии было неописуемо. Все партийные группы заседали круглые сутки.

Наша женевская группа устроила в большом зале квартала Плэнпалэ митинг, на котором выступал десяток ораторов: Луначарский, Анджелика Балабанова, Эмбер-Дро, Мизиано, старый ветеран Феликс Кон, бывший тогда еще меньшевиком, Сокольников, другие русские и я сам. На этом митинге я впервые слышал потрясающий похоронный марш: «Вы жертвою пали»... У присутствующих, большею частью русских, были слезы на глазах.

На женевских улицах можно было встретить всех русских эмигрантов, улыбающихся, оживленных. Они украсили себя красными цветами. Все думали только об от‘езде. Беспрестанно собирались и проглатывали газеты, по которым, среди множества тенденциознейших и противоречивейших известий, очень трудно было установить историческую правду. Я присутствовал на собрании, устроенном в каком-то кафе. Предметом обсуждения было вооружение пролетариата, которого требовал Зиновьев; Луначарский же, наоборот, вооружения пролетариата не одобрял. Прения были оживленные и продолжались долго, и большинство слушателей участвовало в них.

Во всех странах русские революционеры образовали межфракционные комитеты возвращения из эмиграции. Швейцарский комитет просил национального советника Роберта Гримма, официального организатора Циммервальдских конференций, выступать посредником в переговорах со швейцарским и германским правительством, но колебание и малодушие меньшевиков привели к разрыву переговоров, вновь начатых потом Фрицом Платтеном для большевиков. Англия отказалась пропустить через свою территорию тех русских, которые были известны в качестве противников империалистической войны, а Керенский и Милюков посылали царским посланникам и уполномоченным, которые все остались на своих местах, тайные инструкции, которые стали известны лишь позднее.

В курсе переговоров и от‘езда меня держал Карпинский, заведывавший библиотекой Р.С.-Д.Р.П. (большевиков) в Женеве, убежденный «ленинист», крайнее направление которого часто критиковалось в моем присутствии. Он сообщил мне, что Ленин хочет оправдаться перед интернационалистами всех стран и составить протокол об одобрении и подписании которого он попросит левых циммервальдцев, живущих в Швейцарии. Меня пригласили приехать в день, который сообщен будет мне по телеграфу, в Берн. Через несколько дней, 6 апреля 1917 г., я получил следующую телеграмму: «Уезжаем завтра днем в Германию. Платтен сопровождает поезд. Просим приехать немедленно. Расходы—наши. Привезите Ромэн Роллана, если он принципиально согласен. Постарайтесь привезти Нэна и Грабера. Телеграфируйте Народный Дом.

Ульянов».

Эта телеграмма требует об‘яснения в трояком отношении.

В Кинтале Нэн и Грабер, социалистические парламентарии из французской Швейцарии, проявили некоторую симпатию к течению левых, и они были единственные, высказавшиеся на заседании социалистической парламентской группы против требуемых союзным правительством военных кредитов, тогда как Роберт

Гримм, председатель социалистической комиссии Циммервальда, оказался усердным представителем «государственной обороны» и проявлял в своей газете «Berner Tagwacht» некоторый шовинизм. Впоследствии Грабер, который был врагом немцев и другом французов, стал одним из ожесточеннейших противников большевистского правительства. Ленин не был уверен в левизне обоих французских швейцарцев, но левизна была возможна. Он имел уже некоторые затруднения с Грабером, который разрешил опубликование большевистских воззваний и манифестов лишь под давлением или даже после угроз Абрамовича [1], «ока Москвы», живущего в Шо-де-Фоне. Я сейчас же отправил Нэну и Граберу срочную телеграмму и назначил Нэну свидание на вокзале в Лозанне.

Что касается Ромэн Роллана, то Ленин ценил его, и как человека и как писателя. С другой стороны, он писал в написанной вместе с Зиновьевым брошюре «Социализм и война», что революционеры, не отступая от своей программы, при известных обстоятельствах могут об'единиться с буржуазными пацифистами—и могут и должны их использовать. «Настроение масс в пользу мира часто выражает начало протеста, возмущения и сознания реакционности войны. Использовать это настроение—долг всех с.-д. Они примут самое горячее участие во всяком движении и во всякой демонстрации на этой почве, но они не будут обманывать народ допущением мысли о том, что, при отсутствии революционного движения, возможен мир без аннексий, без угнетения наций, без грабежа, без зародыша новых войн между теперешними правительствами и господствующими классами. Такой обман народа был бы лишь на руку тайной дипломатии воюющих правительств и их контр-революционным планам. Кто хочет прочного и демократического мира, тот должен быть за гражданскую войну против правительства буржуазии» [2].

Я пошел к Ромэну Роллану, который собирался уехать из Женевы и поселиться в гостинницу Босежур. Я сказал ему о цели моего прихода и о том, что я к нему послан Лениным. После первых же слов Ромэн Роллан прервал меня: «Да, поезжайте в Берн, но настоятельно уговорите своих друзей не ехать через Германию. Какой удар они нанесут пацифизму и самим себе, если они это сделают. Подумайте же о том, что когда-то говорили и писали о коммунарах». Я считал бесполезным дальше распространяться о поручении, данном мне к нему. Мы поговорили о различных вещах, потом я ушел. Я был, признаюсь, очень огорчен и разочарован.

---

[1] Речь идет о большевике А., а не о знаменитом меньшевике.
[2] Г. Зиновьев и Н. Ленин. Социализм и война, стр. 22.

Как я обрадовался, найдя по возвращении домой Фернанда Лорио, которого я лично еще не знал. Но уже давно я следил за результатами его бесстрашной и стойкой деятельности, одобрял ее и везде, где только мог, писал и говорил о ней. На самом деле,—это забывается слишком часто—это был Лорио, которому принадлежит заслуга организации последовательной оппозиции против войны во французской социалистической партии. Я показал ему телеграмму Ленина и добавил, что мы должны выехать пятичасовым поездом в Берн.

«Прекрасно»,—ответил он мне. «Я приехал сюда исключительно, чтобы навестить Гримма и получить сведения о Циммервальде. Во Франции мы ничего не знаем о том, что происходит».

Лорио заменил Мерргейма в качестве секретаря «Комитета по восстановлению международных связей» и приехал нелегально в Швейцарию, хотя он при этом рискнул своей должностью учителя; в этом помогала ему мужественная и преданная Люси Кольяр, которая сама была учительницей в Майльери (в Савойе), близко от границы, и потом была смещена и арестована за свои враждебные войне революционные взгляды. Мы сели в поезд, и Лорио познакомил меня с жизнью партии, с трудностями, на которые наталкивалась на каждом шагу небольшая, но решительная циммервальдская группа со стороны шовинистского «меньшинства», руководимого Лонгэ и Мистралем, и со стороны революционных синдикалистов.

Когда мы приехали в Берн, я познакомил его с Лениным, Радеком, Зиновьевым и Леви. Ленин отозвал меня в сторону.

«Думаете ли вы, что он подпишет протокол?»

«Я его об этом не спрашивал,—ответил я,—но после продолжительной беседы, которую я с ним имел в пути, я в этом не сомневаюсь». Мы обедали все вместе в Народном Доме, а к полуночи мы уединились в комнату Радека, нагруженную газетами и бумагами. Там были Ленин, Радек, Зиновьев, Леви, Инесса Арманд, Лорио и я. Инесса Арманд прочитала протокол на немецком языке, потом на французском, и затем передала его мне. Я подписал и передал документ Лорио. Он внимательно прочитал его и сделал следующее замечание:

«Я готов подписать, но я бы охотно желал сделать небольшое изменение в тексте. Вы пишете: «Русские интернационалисты, которые в течение всей войны вели самую резкую борьбу против германского империализма»...

Я предлагаю изменить так: «против империализма вообще и германского империализма в особенности»...

Все единогласно согласились. До сих пор вижу я сияющее лицо Ленина при выражении этого последовательного интернационализма. Его уважение к Лорио возросло, ибо он лучше,

чем кто-либо, знал мещанский дух французов. Лорио, приехавший без паспорта в Швейцарию и подписавший протокол, в котором заявлялось, что проезд через Германию является обязанностью русских революционеров, Лорио мог ожидать скорого увольнения, независимо от разного рода врагов, которых он себе этим наживал.

Мы с Лорио пошли в гостиницу «Франция», чтобы там провести ночь, так как Народный Дом был «занят». На следующий день мы завтракали, после прогулки по Берну, с Лениным, Зиновьевым и их спутниками. Радек уже утром выехал в Цюрих, чтобы сделать свои приготовления, Лорио задавал Ленину многочисленные вопросы о его революционной программе и о его намерениях в том случае, если его партия станет у власти. Мы распрощались, и мы с Лорио поехали обратно в Женеву. Возвращаясь, я нашел срочную телеграмму Балабановой, которая просила «друга» обождать одни сутки.

Взволнованная, она на следующее утро приехала в Женеву и горячо упрекала меня.

«Как,—говорила она,—вы не привезли Лорио в Цюрих? Мартов, Лапинский и Мартынов очень недовольны. Что вы сделали? Это совершенно непонятно».

Лорио ни в малейшей степени не был тронут.

«И потом,—добавила она,—что вы сделали, и что вы заставили делать прежде всего товарища Лорио. С подписанием этого злосчастного протокола он себя скомпрометировал. Вы завтра увидите, что скажут буржуазные газеты. Конечно, мы будем защищать Ленина и его спутников, но вы совершенно себе не представляете, какую колоссальную ошибку делают эти товарищи, проезжая через Германию».

«Но,—вмешался Лорио,—позвольте, я сделал то, что должен был сделать каждый интернационалист и каждый последовательный революционер, и Гильбо тут совершенно не при чем».

Она успокоилась и передала Лорио манифест меньшевистской партии. Этот манифест был обращен к Чхеидзе и подписан Аксельродом, Мартовым, Мартыновым, Астровым и Семковским. Он протестовал против некоторых телеграмм и манифестов французских и английских социал-патриотов и против постановления парламентской группы французских социалистов о посылке Лафона, Мутэ и Кашена [1] в Россию.

«Мы здесь охотно признаем, что из членов этой делегации граждане Эрнест Лафон и Мариус Мутэ сами по себе своими вы-

---

[1] Мутэ—член французской социалистической партии (направление Блюм—Лонгэ), Лафон недавно исключен из коммунистической партии, что касается Марселя Кашена, то он отрекся от своей тогдашней позиции.

Прим. автора.

ступлениями перед властями много сделали для защиты интересов русских эмигрантов, русских добровольцев и русской печати во Франции во время войны. Но вместе с большинством партии они ни с парламентской трибуны, ни в печати публично не протестовали против гнусных услуг, оказываемых царизму правительством французской республики преследованием эмигрантов и подавлением социалистической печати. Чтобы сохранить гражданский мир, они не поднимали своего голоса ни при казни одиннадцати русских добровольцев во Франции, ни по случаю помощи, оказываемой французской республикой при жестоком подавлении бунта русского экспедиционного корпуса в Марселе, провоцированного царскими шпиками. Эти люди сделали все, что только могли, чтобы воспрепятствовать тому, чтобы французский пролетариат узнал что-либо о злодеяниях своих вождей, боровшихся, ведь, за «справедливость и мир». Разве не достаточно, в ответ на комплименты, расточаемые ими теперь по адресу русской революции, напомнить им о том, что они до конца остались молчаливыми соучастниками этого продолжающегося преступления, заключавшегося в самом существовании царизма?

Что касается гражданина Марселя Кашена, то мы напомним русским товарищам о том, что он уже выполнял соответствующую миссию в Италии, когда он пытался парализовать действия итальянских социалистов в тот момент, когда националисты усердно взялись за вовлечение народа в кровавую бойню. Участие этого Зюдекума во французской делегации дает нам достаточно убедительное доказательство того, что это предприятие свидетельствует о чем угодно, только не об уважении к русскому пролетариату, ни о приличном желании, приступить к обмену мнений с его представителями».

Через несколько недель Аксельрод и Мартов дошли до того, что об'единились с критикованными ими в этом манифесте.

Лорио предложил Анжелике Балабановой некоторые вопросы и опросил ее, главным образом, насчет двусмысленного поведения Гримма, который был так резок по отношению к германским социалистам большинства, а во внутренней политике Швейцарии отстаивал непостоянную, чтобы прямо не сказать, меньшевистскую точку зрения.

На следующий день мы доехали поездом до Вевея, и, так как погода стояла прекрасная, пошли пешком по горам, окружающим Женевское озеро, до Вилльнева; мы надеялись встретить там Ромэна Роллана, которому я сообщил об этом письменно или по телеграфу. Но он был извещен слишком поздно, и автора книги «В стороне от схватки» не оказалось в гостинице, и Лорио уехал пароходом в С.-Гингольф, где его ожидала Люси Кольяр.

Уезжая, Ленин обратился с прощальным письмом к швейцарским рабочим, среди которых он жил и где он выработал свою программу.

Газеты подняли шум о проезде Ленина и его друзей в «пломбированном вагоне» через Германию. Соломон Грумбах особенно выделялся своей бессовестностью; он разоблачал Леви, о котором он еще не мог знать, что близко время, когда он станет его «товарищем по партии». Леви принял псевдоним Гартштейн, и этим псевдонимом подписал протокол, и Грумбах забавлялся тем, что разоблачал его в «L'Humanité».

Печать разоблачала мнимые козни Германии и установила знак равенства между марксизмом, большевизмом и пангерманизмом.

Верно, что германское правительство разрешило Ленину и его друзьям проезд через Германию потому, что оно желало разложения восточного фронта. В своих воспоминаниях Людендорф говорит, что это было крупной ошибкой, совершенной гражданскими властями.

Состоялся еще второй от'езд, в котором участвовали Балабанова, Мартов, Луначарский, Мануильский и другие. Из Стокгольма мы получали хорошие вести об уехавших. Фриц Платтен скоро вернулся, так как англичане и полицейские Керенского отказали ему в пропуске на русскую территорию.

Имя Ленина скоро стало популярно. Не проходило ни одного дня, чтобы печать не опубликовала какой-нибудь гнусности против него, Троцкого, Зиновьева и Луначарского. Немецкие деньги, капитал «немецкого банка», протекция кайзера, все это склонялось во всех падежах. Антантовская печать была очень обеспокоена, а поэтому она измышляла клевету за клеветой. В оскорблениях и ругательствах ежедневные газеты Парижа еще перещеголяли газеты французской Швейцарии.

Июльские дни. Арест Троцкого, Луначарского и Коллонтай, бегство Ленина и Зиновьева. Удушение большевистской печати.

А за этим скоро следуют победоносные октябрьские (ноябрьские) дни. Вся власть переходит к советам, большинство которых в Петрограде и в Москве состоит из большевиков. Французская печать вне себя от ярости. Ежедневно она пророчит свержение советского правительства. Она делает это в течение пяти лет, без устали и без фантазии.

Для «Фигаро» Ленин является «бледным царем сброда». Прежний бунтарь и антипатриот Густав Эрвэ называет Ленина и его друзей «диким сбродом изменников, доктринеров, безмозглых пней, невежд, обманутых иллюзиями».—О, почему вопит он,—почему Керенский отменил виселицу и нагайку. В общем, Ленин и большевики являются для французской печати лишь Бронштейнами, Розенфельдами, Гольдманами, «бандой

евреев—отступников, изменников израильской общине своему отечеству, союзникам этой страны и всего человечества».

«Journal de Génève» («Женевский журнал»), оставшийся «реакционнейшей газетой Европы», как ее называл Карл Маркс, не хотел казаться менее анти-большевистским, чем его парижские кумушки. Но газеты забыли привести в созвучие свои жалобы; то они сделали из Ленина отравленного марксизмом германофила, то они уверяли, что он во время своего пребывания в Швейцарии изучал теории Жоржа Сореля о насилии.

Владимир Ильич Ленин такой истинно русский, каким только можно быть. А «Matin» («Утро»), который все знает, открыл, что Ленин не что иное, как немецкий шпион, «настоящая фамилия которого Гольдберг». Это открытие троицы антигерманизма, антибольшевизма и антисемитизма.

Некоторые «левые» социалисты в различных странах Европы держались еще очень колеблюще и не одобряли безоговорочно Ленина. Лорио был одним из немногих французов, который с группой «Vie Ouvrière» (Рабочая Жизнь) безусловно присоединился к октябрьской революции. Борис Суварин писал 17 ноября 1917 г. в «Ce qu'il faut dire»:

«Речь идет о неизвестной величине такого значения, выяснение которой необходимо выждать, чтобы с некоторой надеждой на истину можно было склониться к одному из возможных разрешений вопроса. Какова действительная позиция «минималистов», т. е. социал-демократов с меньшевистской тенденцией, и умеренных эс-эров? Действительно ли они действуют сообща с кадетами и реакционерами? Или они участвуют в некоторой степени—и в какой степени?—в восстании коммунистов? Надо опасаться, что для Ленина и его друзей «диктатура пролетариата» является диктатурой большевиков и их вождя; это могло бы стать несчастьем для рабочего класса России и впоследствии для пролетариата всего мира. Диктатура Ленина могла бы удержаться только на бешеном постоянном напряжении энергии, она потребовала бы существования революционной армии, и у нас не должно быть основания предпочитать революционный милитаризм современному милитаризму. Мы должны желать объединения среди социалистов для организации прочной власти, которая должна быть действительно властью народа, а не властью отдельного человека, как бы умен и честен он ни был».

И несколькими месяцами позже, в январе 1918 г., Шарль Раппопорт писал следующие строки:

«Красная гвардия Ленина и Троцкого расстреляла Карла Маркса, на которого вожди большевизма ежеминутно ссылаются против оппортунистов социализма...

«Ленин, разогнав Учредительное Собрание, ослабляет свое дело мира, единственное дело, на которое он мог бы ссылаться

в оправдание своей диктатуры. Ни одно правительство, заслуживающее этого названия, не должно было бы согласиться вести переговоры с человеком, восстающим против воли большинства нации».

В один прекрасный день прибыл в Женеву первый дипломатический курьер Р.С.Ф.С.Р. Гольцман, секретарь союза транспортников в Петрограде. Позднее прибыл Жан Залькинд, черная овца швейцарского правительства. Наконец, прибыл Ян Берзин и официальное представительство Р.С.Ф.С.Р. Печать немецкой Швейцарии приняла их без симпатии, но и без ненависти. «Швейцарская Иллюстрированная Газета» от 15 декабря опубликовала даже фотографию «диктатора». Газета подчеркивала, что это первая настоящая фотография, опубликованная в печати, а это и очень вероятно [1]; она сопровождает снимок следующей заметкой: «Ленин (Ульянов), русский, имя которого часто называется, стремящийся к перемирию с Германией и Австрией, после свержения бывшего президента русской республики, Керенского».

Итак, русское представительство поселилось в столице Швейцарии. Если некоторые крупные газеты немецкой Швейцарии теперь опубликовали интервью с главой и членами русского представительства, то газеты французской Швейцарии занимались новыми вариациями антибольшевистские темы. Но как они были бесцветны! И поход против России и ее агентов, против союза «бошей» с большевиками, стал еще ожесточеннее. Меня впервые, по настоянию французского военного атташе в Берне, арестовали. Я был освобожден после 5 недель бесполезного ареста. Я уехал в Гунтен у Тунского озера, чтобы отдохнуть. Герман Гортер там жил на даче. Несколько выше в горах, в Зигрисвиле, жил со своей семьей больной, но все же работающий, Берзин, революционер большого ума и большой честности и чуткости. От него я получил много новых сведений о Владимире Ильиче.

В дождливый воскресный вечер я направился в маленькую швейцарскую дачу, где он жил. Я застал Берзина в мрачнейшем унынии: он только что получил телеграфное извещение об организованном эс-эрами покушении на жизнь Ленина, о покушении, совершенном Фаней Каплан. Мое сердце билось тревожно, я не спал. Рано утром я поспешил за новыми сведениями. Точные описания покушения прибыли: жизнь Ленина была в крайней опасности.

Независимо от бесконечного горя, испытывамого при мысли о потере этого единственного человека, думалось об ужасных

[1] У газеты, очевидно, была паспортная фотография Владимира Ильича.

последствиях, которые вызвало бы исчезновение организатора и руководителя русской революции.

Как бы ни велика ценность материальных фактов, не менее верно и то, что при известных обстоятельствах, личность играет огромную роль. Весьма права Генриетта Роланд-Гольст, когда она пишет: «Мы, марксисты новой школы, признаем взаимодействие экономических факторов и личности. Мы верим в личность». Это говорилось уже в другом месте. Непонятна октябрьская революция без Ленина и Троцкого, как и пять лет пролетарской диктатуры, каковы бы ни были исторические, экономические и политические условия. Эти две крупные личности сильно повлияли на эти условия.

Как велика была наша радость, когда стало известно, что врачи признали здоровье Ленина вне опасности. Как велико было удовлетворение, когда передавали, что он вновь приступил к своей деятельности.

Несколько позднее Залькинд снова приехал в Женеву и привез мне письмо Ленина, в котором он, не намекая на опасность, в которой он находился, высказал мне свою дружбу и поддержку. Этот титан, умевший бороться против стольких врагов—и каких врагов,—несущий на своих плечах гигантскую борьбу, пожелал мне мужества для борьбы, которой меня удостоила некоторая часть Швейцарии.

Германская революция вызвала волнения в Швейцарии. Подобное брожение замечалось и во всех других капиталистических странах. Швейцарское правительство было охвачено тревогой: забастовка железнодорожников так беспокоила его, что оно изгнало представительство РСФСР. Французское правительство не осталось в стороне от этого мероприятия. Оно официально дало знать союзному совету, что оно будет вынуждено к вмешательству, если в Швейцарии начнутся волнения. Вопрос был разрешен 7 ноября 1918 г., в первую годовщину октябрьской революции. В этот день в гостинице, где помещалось представительство, и вокруг которого шатались агенты всех рангов и всех национальностей, но одного типа, был устроен небольшой завтрак в тесном кругу. Вечером у Берзина был ужин в еще более тесном кругу, так как он, вследствие нездоровья, не мог участвовать в завтраке. Вход в дом так и кишел всяким сбродом «наблюдателей», с потрепанными лицами и в трепаном платье.

На следующее утро я порвал в поезде, в котором вернулся в Женеву, письмо Ленина. Я поступил правильно, так как через два дня был вторично арестован. Я узнал только потом по рассказам о странном и смешном способе организации швейцарским правительством от‘езда представительства, сколько агентов и сколько войск оно мобилизовало и какие невероят-

ные меры предосторожности принимались для гарантирования себя от того, чтоб ужасные большевики не оставались на швейцарской территории. Это был такой же фарс, как исполненное впоследствии правительством Пуанкаре «победоносное вступление» в Эссен.

Два месяца пробыл я в тюрьме. Мне разрешили выехать в Россию. Меня доставили обратно в Базель, затем меня перевезли в крепость Ст. Морис-Саватан. В конце февраля я уехал в Германию. В первых числах марта я прибыл в Вильно, а оттуда в Минск. Я очень хотел попасть в Москву, но число поездов и мест было крайне ограничено, и мне сказали, что я должен ждать три дня. На следующее утро я гулял в обществе друзей, заботам которых меня поручили, по городу; я изучал церкви с позолоченными, голубыми и зеленоватыми луковицеобразными куполами, когда молодой человек из семьи, у которой я остановился, задыхаясь мне сообщил, что из Москвы пришла телеграмма о моей немедленной отправке в красную столицу. Я вернулся на квартиру, быстро приготовился и уехал. По прибытии в Москву, меня в Народном Комиссариате по иностранным делам принял Карахан; он провел меня в Кремль, где заседал первый конгресс Коммунистического Интернационала. Я снова встретился с очень многими друзьями и осведомился о тех, кто отсутствовал. Я вновь увидел Троцкого, который едва изменился и, казалось, держался еще прямее, чем когда бы то ни было, несмотря на гигантскую работу, которую он принял на себя; я видел Чичерина, которого до того знал только по его крупной и умелой работе и по его дипломатическим нотам, полным ума и иронии.

Когда я вечером в «Метрополе», во втором доме Советов, беседовал с приятельницей—восхищенным и преданным боевым товарищем, которая хотела меня в Швейцарии охранять от «ленинизма», мы говорили о Владимире Ильиче. В ее глазах, как и в ее словах, я читал безусловное восхищение им. Звонок по телефону. Это был Владимир Ильич. Он справлялся о новостях, о моем здоровье и моей поездке.

«Вы не устали?»

«Не очень,»—ответил я.

«Вы достаточно свежи, чтобы навестить меня еще сегодня вечером?»

«Для вас я всегда свеж и бодр. Наоборот, я бы хотел настаивать на визите у вас».

«Хорошо—я вас жду в девять часов. Я пошлю за вами машину.»

Я ждал.

В девять часов постучали в мою комнату. Несомненно приехали за мной. Я открываю дверь. Это сам Ленин. Мы обни-

маемся. Он садится и, не думая о себе, предлагает мне массу вопросов обо всем. Я наблюдаю за ним. Он совсем такой же, как и прежде. Та же живость в глазах, все так же ярко вспыхивает порой постоянно готовая прорваться ирония.

На следующее утро в Кремле было последнее заседание конгресса. Заседание началось, и Владимир Ильич занял место в президиуме. Когда он меня увидел, он просил мне передать, что я получу слово. Так и было. Пусть мне простят, что я привожу здесь такие точные данные, но я намерен показать здесь всю простоту и всю дружбу этого великого товарища и показать, как сердечны его чувства к тем, кто понял его точку зрения, к ней присоединился и защищал ее в то время, когда огонь большинства социалистов со всех сторон был направлен против него. Дело в том, что этот столь явно материалистический человек, проявляющий часто циничный позитивизм и непреодолимое отвращение к сентиментальности, помнит друзей по эмиграции и ссылке.

Через несколько дней делегаты конгреса поехали в Петроград. Мы вернулись в Москву в одном поезде с Владимиром Ильичем, который внезапно приехал туда инкогнито, чтобы повидаться с одним делегатом американского правительства. Если я не ошибаюсь, Ленин обращался к каждому из нас с вопросом, хорошо ли мы устроены и не нуждаемся ли в чем либо. Мы ужинали вместе в вагоне-ресторане—Андреева (супруга Максима Горького), Фриц Платтен, серб Милкич, швед Гримлунд и некоторые другие. Оживленно и весело спорили о народном искусстве и l'art pour l'art (искусстве для искусства). Ленин был самым оживленным и веселым из нас, и далеко слышался его смех.

Впоследствии я часто виделся с Владимиром Ильичем в его кабинете, в президиуме совета народных комиссаров. Он не посвящал ни малейших забот ни своей одежде, ни своему питанию, и приходилось о нем заботиться. Я знал человека, похожего на него по простоте, уму, хорошему настроению и товарищескому духу; это—Бухарин, один из лучших теоретиков марксизма, один из умнейших людей, не брезгающий однако пошутить и рисовать каррикатуры. Часто Ленин получал подарки от крестьян: фрукты, мед, варенье, муку. Все это он передавал в «столовку» Совнаркома.

Я встречал Ленина в самые трудные и трагические часы тогда в период наступления Деникина, Колчака и Врангеля. Положение было крайне серьезное. Враги Советского правительства, поддерживаемые агентами Антанты, подготовляли заговоры, покушения, восстания и разрушения. Красная армия отступала, транспортные условия ухудшались, продовольствия было недостаточно, и раздаваемые рабочим и трудящемуся населению

выдачи так сократились, что доходили почти до нуля. Ленин всегда сохранял свою силу, надежду, уверенность, свой оптимизм,—основанный на солидном и эластичном реализме. Я помню, что Ленин, показывая мне однажды карту, указывал на города и железно-дорожные узловые пункты, занятые белыми, и спокойно сказал: «Через неделю решится наша судьба. Либо мы отбросим белых, либо будем разбиты». И всегда Ленин смеялся своим смехом, широким смехом, этим смехом человека, которому живется хорошо, ибо смех признак здоровья.

«В тот день, когда я пишу эти строки,—говорит Луначарский,—Ленину должно быть уже 50 лет, но он и сейчас еще совсем молодой человек, совсем юноша по своему жизненному тонусу. Как он заразительно, как мило, как по-детски хохочет и как легко рассмешить его, какая наклонность к смеху—этому выражению победы человека над трудностями. В самые страшные минуты, которые нам приходилось вместе переживать, Ленин был неизменно ровен и так же наклонен к веселому смеху...

В частной жизни Ленин тоже больше всего любит именно такое непритязательное, непосредственное, простое, кипением сил определяющееся веселье... Его любимцы—дети и котята. С ними он может подчас играть целыми часами» [1].

Простой и веселый, здоровый и радостный, так он встречает всех посетителей, будь то друг или враг, старый товарищ или незнакомый гость.

«Рабочий кабинет Ленина,—рассказывает в своих заметках о «Практике и теории большевизма» Бертран Руссель,—очень голый—большой письменный стол, несколько географических карт на стене, две книжные полки и два-три жестких стула и еще одно удобное кресло для посетителей. Очевидно, что он не нуждается не только в роскоши, но даже и в уюте. Он очень предупредителен и прост в обращении, без малейшего намека высокомерной сдержанности. Если его увидишь, не зная, кто он, нельзя было бы подумать, что он обладает неограниченной властью. Я никогда не видал человека, так мало способного придавать себе вид важности. Он направляет на вас свой пытливый взор; при этом он прищуривает один глаз, что, кажется, до беспокоящей степени увеличивает зоркость другого. Он охотно смеется; сперва его смех вам кажется просто дружеским и радостным, а постепенно я дошел до того, что стал находить его немного сардоническим. Он рассудителен и спокоен; он не знает страха».

Каждый раз, когда я встречался с Владимиром Ильичом, он справлялся, достаточно ли меня кормят и не нуждаюсь ли я в

[1] А. Луначарский. Великий переворот, стр. 64—65.

РОССІЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
СОВѢТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Москва, Кремль.

11. XI. 1920 г.
№ ....

Товарищам членам
РКП
и товарищам работникам
во всех советских
учреждениях.

Рекомендую подателя, француз-
ского коммуниста, тов.
Гильбо (Guilbeaux), который
немного говорит по русски.
Очень прошу оказывать ему
[illegible] ознакомить его подроб-
[illegible] и пр.
Пред. С.Н.К. В. Ульянов (Ленин)

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Удостоверение, выданное В. И. ЛЕНИНЫМ автору книги — тов. Анри Гильбо.

чем-нибудь. Зимою он хотел знать, есть ли у меня достаточно дров—а иногда он просил меня позвонить или писать. Я проводил несколько недель в одной подмосковной санатории, когда я вернулся в город и навестил его, он, ничего не зная о моем отсутствии, спросил:

«А что же с вами, не больны ли вы?»

«Я возвращаюсь из санатории»,—ответил я смеясь.

«Вот как»,—воскликнул он, хлопнув в ладоши.

Я сказал ему, что вследствие хорошего воздуха мой аппетит очень увеличился, но я не был в состоянии его удовлетворить, ибо обстоятельства заставили управление санаторией сократить качество и количество продуктов.

«Я попрошу тов. Семашко [1],—сказал Ленин,—отправить вас в санаторию, где вас будут кормить не только чистым воздухом».

«Нет,—ответил я,—в Москве я буду питаться лучше, чем в санатории».

Повторяю. я совершенно об‘ективно рассказываю об этих мелких фактах, которые, может быть, кажутся наивными, но я считаю их способными выявить и изобразить истинную и настоящую личность Владимира Ильича, как он, несмотря на колоссальные задачи, стоящие перед ним, все же находил время, чтобы интересоваться жизнью и работой своих друзей.

Этого всегда столь сильного, оптимистически настроенного человека я только однажды видел слегка озабоченным. Это было в январе или феврале 1922 г., за несколько дней до постановления Ц. К. партии об его отдыхе. Он казался усталым и порой искал слова. Он сказал мне: «Я забываю французский язык». И потом: «Я недоволен. Я член Ц. К., меньше всего работающий. С некоторых пор дело не идет как следует. Я потерял сон и нервничаю».

После пребывания в течение нескольких недель на даче, он приехал на два дня в город. Это было, если память мне не изменяет, за неделю до операции. Он говорил мне, что врачи полагают, будто лучше вынуть пулю, застрявшую где-то в затылке. Он подчинился их мнению. Я находил его изменившимся к лучшему. Его взгляд был снова бодрый, как обычно. Воздух и покой были для него крайне полезны. В деревне он любил охотиться. Это его любимый спорт, или, собственно говоря, его главное физическое упражнение. Когда он гуляет, даже если он при этом один, он обдумывает и разбирает труднейшие злободневные вопросы. Но на охоте его ум занят исключительно зайцем или птицей, которую он преследует.

---

[1] Семашко, один из старейших большевиков, в настоящее время народный комиссар здравоохранения. Он долго жил в Париже, был во время войны мобилизован и попал в плен в Болгарию. Потом он был арестован Керенским.

Действительно поразительно, что он так победоносно преодолел такой тревожный для всех кризис. Он, который столько времени уже работает, пишет, говорит и борется, который пережил годы тюрьмы, ссылки, эмиграции, и который,—это самое главное,—в течение последних пяти лет стоял во главе большой партии и огромной страны при обстоятельствах, отмечать которые бесполезно и которые всякому ясны—он, в самом деле, должен обладать хорошим здоровьем, чтобы оказать противодействие всему этому. Ленин, этот закоренелый материалист, както говорил о «чуде русской революции». Он сам является ходячим чудом.

Ленин по существу здоровый человек, человек, которому постоянное здоровье дает оптимизм, твердость характера, силу сопротивления и упорство. Он—удивительное произведение из стали, он могучий, безошибочно построенный мотор. Где тот человек, спрашиваю я, кто иначе в течение пяти лет пролетарской диктатуры смог-бы таким образом устоять против стольких опасностей, против стольких, ежедневно новых, многообразных задач.

Как член Ц. К. партии, как член Полит-Бюро Ц. К.,—известно, что все важные политические вопросы проходят через это бюро,—как председатель Совета Народных Комиссаров, как теоретик, как очень опасный полемист, как увлекающий оратор, во всех этих качествах он ежедневно занимался тысячами дел. Запрашивают его мнение по бесчисленным вопросам, и он, основательно обдумав, отвечает на все. Он укрепляет, усиливает, поощряет и воодушевляет друзей и товарищей, которых ослабляет тяжелая борьба.

Как все умные люди, он умеет слушать, не прерывает и добросовестно проверяет правильность того, что ему говорят. Если он случайно обнаруживает что-либо, могущее подвергнуть правительство или партию опасности или хотя-бы поставить его в скверное положение, он вмешивается и может высказываться в таком случае очень резко, и даже несправедливо. Он может это делать. Он не толстовец и не щадит своих противников, которых он охотно заставляет стоять на горячих углях: Каутский, Чернов и Мартов могут кое-что об этом поведать.

Говорят, что он упрямый фанатик. Нет, он не таков, что бы о нем ни говорили. Так же, как он внимательно слушает противника, так он и читает книги и статьи своих врагов и делает к ним заметки. Как часто я заставал его изучающим и комментирующим какую-нибудь опубликованную белыми в Берлине, Париже или Токио книгу. Его лицо прояснилось. «Эти люди оказывают нам очень большую услугу. Они обращают наше внимание на все ошибки и глупости, совершенные нами. Мы им благодарны за это». Наоборот, он не любит, чтобы ему

льстили или чтобы преувеличивали, будь то и в целях пропаганды, достигнутые в Р. С. Ф. С. Р. положительные результаты.

«Нам не нужны льстецы. Нужно, чтоб нам говорили правду», сказал он мне однажды, показывая брошюру вновь обращенного в коммунизм француза, дающего литературное и явно неправильное изображение России.

Также презирает он некоторых интеллигентов и проявляет это чувство сильным пренебрежением. Он знает, что у многих интеллигентов нет ничего глубокого, ни ума, ни знаний, и что их эгоизм господствует надо всем. Мы видели это, ведь, 4-го августа 1914 г. и потом в России во время истинной революции— я говорю об Октябрьской революции. Бывали такие люди, которые сегодня уверяют в своем безусловном пацифизме или в своем ярко-революционном направлении, и которые 4 августа 1914 г. сравнивали мировую империалистическую войну с революцией 1789 г. и потом об'являли Ленина и Троцкого саботажниками Циммервальда и революции.

Он последовательный материалист, он не выносит спиритуализма, идеализма, метафизики и учения о морали, ибо он знает, что кроется за этими словами. Он любит определенное и осязаемое, он любит то, что есть. Практик, с острым взглядом и беспощадный, он видит с первого взгляда органическую слабость каждой идеологии, которая под ореолом научности в действительности является ничем иным, как составной частью спиритуализма.

Он—живое доказательство того, что оппортунизм и реализм две существенно различные вещи. Не отказываясь ни от одного пункта признаваемых им теорий, он проявляет в применении их крайнюю гибкость, так как считается с реальностями. Так он, хотя он сам нерелигиозен, не боялся сохранить в России некоторые религиозные обычаи, что вначале вызвало удивление. Религию нельзя уничтожить тем, что будешь препятствовать миллионам едва пролетаризированных крестьян креститься перед иконами и здороваться с попом, но тем, чтобы вытравлять религию из школы и раз'яснять детям тупость идолопоклонства. Недавно Ленин проповедывал, как средство борьбы против религии, метод энциклопедистов и французских писателей восемнадцатого века.

Но это возвращает нас к мыслям и к деятельности Ленина. Трудно, чтобы не сказать невозможно, говоря об этой столь полной и цельной жизни, не касаться дела этой жизни, ибо жизнь Владимира Ильича—это дело.

Берлин, январь 1923 г.

ПРОТОКОЛ О ПРОЕЗДЕ ЛЕНИНА ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ В 1917 г.

19-го марта, по получении первых известий о начале революции в России, состоялась по предложению Международной Социалистической Комиссии (циммервальдской комиссии) сходка представителей всех русских и польских партий, примкнувших к циммервальдскому об'единению. В конце этого собрания состоялось второе совещание, посвященное вопросу возвращения политических эмигрантов в Россию. В ней принимали участие Мартов, Бобров, Зиновьев и Коссовский. В числе прочих предложений обсуждался план Мартова о возможности проезда через Германию в Стокгольм на основе обмена на соответствующее число интернированных в России германцев и австрийцев. Всеми участниками совещания план Мартова был признан наиболее благоприятным и приемлемым. Гримму было поручено завязать сношения со швейцарским правительством.

Несколько дней спустя тов. Гримм встретил Багоцкого, уполномоченного Комитета по возвращению русских эмигрантов на родину (Комитет, в котором представлены были все группы). Эта встреча произошла в присутствии тов. Зиновьева. Гримм сообщил, что он имел беседу с членом Союзного Совета Гофманом, ведающим политическим департаментом. Гофман, по словам Гримма, заявил, что швейцарское правительство не имеет возможности играть роль официального посредника, ибо правительства Антанты могут усмотреть в этом шаге нарушение нейтралитета. Но Гримм частным образом принял на себя это поручение и обратился за принципиальным согласием к представителю германского правительства. Багоцкий и Зиновьев заявили, что таким образом цель могла бы быть достигнута, и соответственно тому просили Гримма довести предпринятые шаги до благополучного конца.

Но на следующий день представители некоторых партий в Цюрихе заявили, что они с планом Гримма не согласны. Они обосновывали свое решение необходимостью обождать ответ из Петрограда.

Члены Заграничного Бюро Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии заявили, что не

берут на себя ответственности за дальнейшую отсрочку возвращения, в Россию, и послали Мартову и Боброву следующее заявление:

Заграничное Бюро Центрального Комитета Социал-Демократической Рабочей Партии пришло к тому решению, что предложение тов. Гримма об обратном проезде политических эмигрантов в Россию через Германию следует принять.

Заявление устанавливало следующее:

1. Переговоры велись товарищем Гриммом с представителем правительства нейтральной страны—с министром Гофманом,—который не счел возможным для Швейцарии официально вмешаться в это дело, ибо английское правительство несомненно сочтет это обстоятельство нарушением нейтралитета со стороны Швейцарии, следует считать установленным, что правительство это не допустит проезда интернационалистов.

2. Предложения Гримма вполне приемлемы, ибо они гарантируют свободу проезда и совершенно независимы от какого бы то ни было политического направления и от какого бы то ни было отношения к вопросу о защите отечества, о продолжении войны, о заключении мира и т. д.

3. Это предложение основывается на обмене политических эмигрантов на интернированных в России, и эмигранты не имеют ни малейшего основания противодействовать агитации, поднятой за этот обмен.

4. Тов. Гримм внес это предложение представителям всех групп политических эмигрантов, и он даже заявил, что при создавшемся в настоящий момент положении вещей это предложение является единственным выходом и вполне приемлемо.

5. С другой стороны, сделано все возможное, чтобы убедить представителей всех групп в необходимости принять это предложение, ибо дальнейшая оттяжка абсолютно недопустима.

6. К сожалению представители некоторых групп высказались за отложение рассмотрения вопроса. Это решение в высшей степени достойно порицания и причиняет величайший вред русскому революционному движению.

Принимая во внимание эти результаты обследования, Заграничное Бюро Центрального Комитета постановляет осведомить всех членов нашей партии о том, что предложение немедленного от‘езда нами принято, и что все, желающие сопровождать нас в нашем путешествии, должны записаться. Копия настоящего заявления препровождена будет представителям всех групп.

Цюрих, 31-го марта 1917 г.

Н. Ленин.
Г. Зиновьев.

Когда документ этот, снабженный комментарием групп противников, передан был Гримму, он сделал официозное заявление нижеследующего содержания:

Берн, 2-го апреля 1917 г.

Центральному Комитету по организации возвращения русских эмигрантов г. Цюриха.

Уважаемый товарищ!

Только-что я узнал о циркуляре Заграничного Бюро Центрального Комитета Российской Социал - Демократической Рабочей Партии относительно организации возвращения эмигрантов в Россию. Я весьма изумлен содержанием этого циркуляра не только, поскольку он касается моей личности, которой приписывается совершенно неправильная позиция, но и в особенности вследствие крайне (о д н о с л о в о н е р а з б о р ч и в о) упоминания о члене Союзного Совета Гофмана, делающего дальнейшие переговоры со швейцарскими властями крайне затруднительными. Я считаю себя вынужденным, во всяком случае, подтвердить нижеследующие факты и предоставляю на Ваше усмотрение, использовать содержание настоящего письма, как Вы найдете нужным:

1. Ведутся переговоры, но переговоры эти не следствие предложения тов. Гримма относительно возвращения русских эмигрантов в Россию. Я никогда не делал никакого такого предложения, а служил всего лишь посредником между русскими товарищами и швейцарскими властями.

2. В соответствии с результатами совещания русских товарищей, происходившего 19-го марта в Берне, я предложил швейцарскому политическому департаменту выяснить, нет-ли возможности произвести своего рода обмен русских эмигрантов Швейцарии на интернированных в России. Предложение было отклонено, принимая во внимание нейтралитет страны, не считаясь с тем или иным правительством и не зная, что Антанта и в частности Англия будут чинить препятствия от‘езду эмигрантов.

3. В ходе переговоров возникла мысль о возможности создания в Голландии бюро по обмену, но вследствие задержек в от‘езде, которые получились-бы в результате этого, от мысли этой отказались.

4. Окончательный результат переговоров был следующий: русские товарищи должны ыли обратиться прямо к Временному Правительству через посредство министра Керенского. Его будут держать в курсе дела и докажут ему невозможность возвращения через Англию, так-что, принимая во внимание

положение дел, ему придется одобрить возвращение через Германию. Благодаря этому соглашению проезд через Германию сможет произойти, не повлекши за собою впоследствии никаких осложнений. В пятницу, 30-го марта, я довел до сведения, находившихся в Берне, представителей Центрального Комитета, и присовокупил личное мое мнение, что это предложение, т.-е. соглашение с Керенским или Чхеидзе, и организация вслед за тем поездки через Германию мне представляется приемлемым. Я присовокупил, что делом Вашего комитета уже будет, как Вы примете предложение, и что я пока-что считаю миссию свою исчерпанной.

5. Первого апреля я получил телеграмму т.т. Ленина и Зиновьева, в которой они сообщают, что их партия решила безоговорочно принять план проезда через Германию и немедленно организовать от'езд. Я сообщил по телефону, что я охотно готов помочь найти посредника, который довел-бы до конца переговоры между соответствующей инстанцией по регулированию условий проезда и телеграфировавшими мне товарищами, но я однако ни в коем случае не стану начинать вытекающих отсюда переговоров, ибо я считаю миссию свою исчерпанной, и потому что со швейцарскими властями переговоров вести уже больше не приходилось. В виду того, что, упомянутый в начале настоящих строк, циркуляр повидимому дал повод к недоразумениям, я счел необходимым кратко установить эти пункты, дабы сразу предотвратить возможность образования легенд. Я весьма сожалею, что наши старания столь легкомысленным образом стали предметом циркулярного письма, которое не носило даже секретного характера.

С социалистическим приветом Гримм.

Когда после этого Зиновьев потребовал у Гримма раз'яснений, он в присутствии тов. Платтена заявил, что сделать подобное заявление он считает своею обязанностью и притом, главным образом, потому, что разглашение роли Гофмана могло-бы причинить существенный ущерб швейцарскому нейтралитету. Одновременно Гримм заявил о своей готовности предпринять и дальнейшие шаги по делу от'езда той группы, которая решилась на скорейший от'езд. Но вследствие двухсмысленного поведения Гримма, организаторы от'езда сочли более правильным отказаться от его услуг и просить тов. Платтена о доведении начатых переговоров до конца.

Третьего апреля Платтен обратился в германское посольство в Берне и заявил, что он продолжает начатые Гриммом переговоры, и предложил нижеследующие письменно изложенные условия:

Основа переговоров о возвращении швейцарских политических эмигрантов в Россию.

1. Я, Фриц Платтен, сопровождаю за полной своею ответственностью и за свой риск вагон, содержащий политических эмигрантов и беглецов, желающих вернуться через Германию в Россию.

2. Исключительно и только Платтен будет входить в соприкосновение с германскими властями и чиновниками. Никто не вправе будет без его разрешения войти в вагон.

3. За вагоном признаются права экстерриториальности. Ни при в'езде в Германию, ни при выезде из нее не должно производиться никакого контроля паспортов или пассажиров.

4. Пассажиры будут приняты в вагон, не сообразуясь с их мнениями или с их позицией по вопросу о войне или мире.

5. Платтен берет на себя обязательство оплатить билеты пассажиров по нормальным тарифным ценам.

6. Поелику возможно, проезд должен произойти без перерыва. Никто не должен иметь права по собственному желанию или по приказу выходить из вагона. Никаких задержек в пути не должно быть без технической необходимости.

7. Разрешение на проезд дается только на основе обмена с германскими или австрийскими военнопленными или интернированными в России.

8. Посредники пассажиры принимают на себя обязательство лично и частным образом добиваться у рабочего класса выполнения ст. 8-ой.

9. Возможно скорейшее совершение проезда от швейцарской границы к шведской, как равно и технические детали могут быть выполнены немедленно.

Берн-Цюрих, 4 апреля 1917 г.

(подп.) Фриц Платтен.
Секретарь Швейцарской социалистич. Партии.

Через два дня тов. Платтен сообщил, что условия эти приняты германским правительством.

2-го апреля, прежде чем вопрос доведен был до конца, представители остальных групп приняли следующую резолюцию:

«Принимая во внимание, что в виду явной невозможности возвращения в Россию через Англию вследствие сопротивления английских и французских властей, все партии признали необходимость испросить у Временного Правительства через посредство Совета Рабочих Депутатов полномочий на обмен политических эмигрантов на соответствующее число германских граждан;

«констатируя, что товарищи, представляющие Центральный Комитет, решили поехать в Россию через Германию, не до-

ждавшись результатов предпринятых по сему поводу шагов;

«мы считаем решение товарищей из Центрального Комитета политической ошибкой, поскольку не доказана невозможность получения от Временного Правительства полномочий на предложенный обмен».

Организаторы поездки согласны были с первой частью этой резолюции, но они не могли признать, будто сопротивление Временного Правительства организации возвращения русских эмигрантов в Россию не доказано. Нет ни малейшего сомнения, что Временное Правительство при диктатуре Антанты сделает все возможное, чтобы задержать возвращение революционеров, борющихся против грабительской войны империализма. В виду этих фактов нижеподписавшиеся видят себя поставленными перед выбором—либо решиться вернуться в Россию через Германию, либо до конца войны остаться за-границей. Вопреки этому заявлению представителей прочих групп Платтен считает своим долгом после принятия условий германским правительством еще раз предложить цюрихским делегатам участвовать в поездке. В момент составления настоящего протокола ответ последних нам еще неизвестен [1].

Нам сообщают, что газета Petit Parisien об‘явила о решении Милюкова отдать под суд всех русских граждан, которые поедут через Германию. Поэтому мы заявляем, что, если наше путешествие в Россию станет предметом подобных мероприятий, то мы потребуем народного суда над нынешним русским правительством, продолжающим реакционную войну. Правительство это, чтобы доказать тот факт, что оно—противник империалистической политики, продолжает применять методы прежнего правительства, конфискует адресованные рабочим депутатам телеграммы и т. д.

Мы убеждены, что условия, предложенные нам для совершения переезда через Германию, вполне приемлемы для нас. Бесспорно, что Милюковы облегчили-бы поездку Либкнехтов в Германию, ежели они находились бы в России. Таково же и отношение Бетман-Гольвегов к русским интернационалистам. Интернационалисты всех стран не только вправе, но обязаны использовать эту спекуляцию империалистического правительства в интересах пролетариата, не отказываясь от своего пути и не делая правительствам ни малейшей уступки. Наша точка зрения по отношению к войне изложена нами в номере 47-ом «Социал-демократа», а именно—после завоевания рабочим классом политической власти в России мы допускаем революцион-

[1] Несколько дней спустя, Мартов сообщал, что он остается при своем решении.

ную войну против империалистической Германии. Эта точка зрения отстаивалась Лениным и Зиновьевым также и публично, а равно и в статье, помещенной Лениным в начале русской революции в газете Volksrecht.

Одновременно мы обращаемся с открытым письмом к швейцарским рабочим, в котором мы излагаем нашу точку зрения. С первого до последнего дня мы организовывали нашу поездку в полном согласии с представителями левого крыла циммервальдцев.

Наш поезд от швейцарской границы и вплоть до того места, в направлении к Петрограду, до которого это будет возможно, будет сопровождать тов. Платтен и мы очень надеемся, что на шведской границе мы встретим шведских интернационалистов Стрема и Линдхагена.

С самого начала мы действовали в полной гласности и мы убеждены, что шаг наш вполне и всецело одобрен будет рабочими-интернационалистами России. Настоящее заявление обязательно для участников переезда, являющихся членами нашей партии. В том случае, если бы в переезде приняли участие лица, не состоящие членами нашей партии, то лица эти делают это за своею собственною ответственностью.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Нижеподписавшиеся ознакомились с затруднениями, которые делались правительствами Антанты от‘езду русских интернационалистов, и с теми условиями, какие приняты германским правительством для проезда их через Германию. Они отдают себе полный отчет в том, что германское правительство разрешает переезд русских интернационалистов только в надежде, тем самым усилить в России стремления враждебные войне. Нижеподписавшиеся заявляют:

русские интернационалисты, во все время войны неустанно и всеми силами боровшиеся против всех империализмов и в особенности против германского, возвращаются в Россию, чтобы работать на пользу революции; этим своим действием они помогут пролетариату всех стран и в частности пролетариату Германии и Австрии начать свою борьбу против своего правительства. Пример, подаваемый героической борьбой русского пролетариата, является лучшим и сильнейшим стимулом к подобной борьбе. Из всех этих соображений нижеподписавшиеся интернационалисты Швейцарии, Франции, Германии, Польши, Швеции и Норвегии находят, что их русские товарищи не только вправе, но даже обязаны использовать предлагаемую им возможность возвращения в Россию. Одновременно мы выра-

жаем им наши наилучшие пожелания успеха в их борьбе против империалистической политики русской буржуазии, в борьбе, составляющей часть всеобщей борьбы пролетариата за социальную революцию.

Берн, 7-го марта 1917 г.

Пауль Гартштейн[1] (Германия).

Анри Гильбо (Франция)

Ф. Лорио (Франция)

Бронский (Польша)

Фриц Платтен (Швейцария)

Линдхаген, бургомистр гор. Стокгольма (Швеция)

Стрем, депутат и секретарь шведской социалистической партии (Швеция)

Карлсон, депутат и председатель кассы страхования на случай увечья (Швеция)

Туре Нерман, редактор газ. «Политикен» (Швеция)

Чильбум, редактор журнала Стормклокен (Швеция)

Ганзен (Норвегия).

---

[1] Псевдоним Пауля Леви.

ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО К ШВЕЙЦАРСКИМ РАБОЧИМ.

Товарищи швейцарские рабочие!

Уезжая из Швейцарии в Россию, для продолжения революционно-интернационалистической работы на нашей родине, мы, члены Р. С.-Д. Р. П. об'единенной Центральным Комитетом, в отличие от другой партии, носящей то же самое название, но об'единенной «Организационным Комитетом», шлем вам братский привет и выражения глубокой товарищеской признательности за товарищеское отношение к эмигрантам.

Если открытые социал патриоты и оппортунисты, швейцарские грютлианцы, перешедшие, как и социал-патриоты всех стран, из лагеря пролетариата в лагерь буржуазии, если эти люди открыто приглашали вас бороться против вредного влияния иностранцев на швейцарское рабочее движение,—если прикрытые социал-патриоты и оппортунисты, составляющие большинство среди вождей швейцарской социалистической партии, вели в прикрытой форме такую же политику,—то мы должны заявить, что со стороны революционных социалистических рабочих Швейцарии, стоящих на интернационалистической точке зрения, мы встречали горячее сочувствие и извлекали для себя много пользы из товарищеского общения с ними.

Мы были всегда особенно осторожны в выступлениях по тем вопросам швейцарского движения, для ознакомления с которыми нужна долгая работа в местном движении. Но те из нас, которые в числе едва ли большем, чем 10—15 человек, были членами швейцарской рабочей партии, считали своим долгом по общим и коренным вопросам международного и социалистического движения решительно отстаивать нашу точку зрения, точку зрения «Циммервальдской левой», решительно бороться не только против социал-патриотизма, но и против направления так называемого «центра», к которому принадлежит Р. Гримм, Ф. Шнейдер, Я. Шмидт и др. в Швейцарии, Каутский, Гаазе, «Арбейтсгемейншафт» в Германии, Лонге, Прессман и др. во Франции, Сноуден, Рамсэй Макдональд и др. в Англии, Турати, Тревес и их друзья в Италии, названная выше партия «Организационного Комитета» (Аксельрод, Мартов, Чхеидзе, Скобелев и др.) в России.

Мы работали солидарно с теми революционными с.-д. Швейцарии, которые группировались отчасти вокруг журнала «Фрейе-Югенд», которые составляли и распространяли мотивы референдума (на немецком и французском языке) с требованием созыва на апрель 1917 г. с'езда партии для разрешения вопроса об отношении к войне, и—которые вносили на цюрихском кантональном с'езде в Töss резолюцию молодых и «левых» по военному вопросу,—которые издали и распространили в некоторых местностях французской швейцарии в Марте 1917 года листок на немецком и французском языке «Наши условия мира» и т. д.

Мы посылаем братский привет этим товарищам, с которыми мы работали об руку, как единомышленники.

Для нас не подлежало и не подлежит ни малейшему сомнению, что империалистское правительство Англии ни за что не пропустит в Россию русских интернационалистов, непримиримых противников продолжения Россией империалистской войны.

В связи с этим мы должны остановиться вкратце на нашем понимании задач русской революции. Мы тем более считаем необходимым сделать это, что через посредство швейцарских рабочих мы можем и должны обратиться к рабочим немецким, французским и итальянским, говорящим на тех же языках, на которых говорит население Швейцарии, пользующееся до сих пор благами мира и сравнительно наибольшей политической свободой.

Мы остаемся безусловно верны тому заявлению, которое мы сделали в центральном органе нашей партии, в газете «Социал-Демократ», издававшейся в Женеве, в № 47-ом от 13 октября 1915 г. Мы сказали там, что если в России победит революция и у власти окажется республиканское правительство, желающее продолжать империалистскую войну, войну ради завоевания Константинополя, Армении, Галиции и т. д. и т. п., то мы будем решительными противниками такого правительства, мы будем против «защиты отечества» в такой войне.

Приблизительно такой случай наступил. Новое правительство России, которое вело переговоры с братом Николая II о восстановлении монархии в России и в котором главнейшие решающие посты принадлежат монархистам Львову и Гучкову, это правительство пытается обмануть рабочих посредством лозунга «немцы должны свергнуть Вильгельма I» (правильно, но отчего бы не добавить: англичане, итальянцы и др.—своих королей, а русские—своих монархистов Львова и Гучкова). Это правительство пытается посредством такого лозунга и не публикуя тех империалистских, грабительских договоров, которые царизм заключил с Францией, Англией и пр. и которые подтверждены правительством Гучкова—Милюкова—Керен-

ского—выдать за «оборонительную» (т. е. справедливую, законную, даже с точки зрения пролетариата) свою империалистскую войну с Германией—выдать за «защиту» Республики (которой в России еще нет и которую Львовы и Гучковы даже и не пообещали еще учредить), защиту хищнических, империалистских, грабительских целей капитала русского, английского и пр.

Если правду говорят последние телеграфные сообщения, указывающие на то, что между открытыми русскими социал-патриотами (вроде Плеханова, Засулич, Потресова и т. д.) и партией «центра», партией «Организационного Комитета», партией Чхеидзе, Скобелева и пр. произошло нечто вроде сближения, на почве лозунга: «пока немцы не свергнут Вильгельма, наша война является оборонительной»,—если это правда, то мы с удвоенной энергией поведем борьбу против партии Чхеидзе, Скобелева и др., борьбу, которую мы раньше всегда вели с этой партией за ее оппортунистическое, колеблющееся, шаткое политическое поведение.

Наш лозунг: никакой поддержки правительству Гучкова—Милюкова. Обманывает народ тот, кто говорит, что такая поддержка необходима для борьбы против восстановления царизма. Напротив, именно Гучковское правительство вело уже переговоры о восстановлении монархии в России. Только вооружение и организация пролетариата способны помешать Гучкову и К° восстановить монархию в России. Только остающийся верным интернационализму революционный пролетариат России и всей Европы способен избавить человечество от ужасов империалистской войны.

Мы не закрываем себе глаз на громадные трудности, стоящие перед революционно-интернационалистическим авангардом пролетариата России. В такое время, как переживаемое нами, возможны самые крутые и быстрые перемены. В номере 47-ом «Социал-Демократа» мы ответили прямо и ясно на естественно возникающий вопрос: что сделала бы наша партия, если бы революция поставила ее у власти тотчас? Мы ответили: 1) мы немедленно предложили бы мир всем воюющим народам; 2) мы огласили бы наши условия мира, состоящие в немедленном освобождении всех колоний и всех угнетенных и неполноправных народов; 3) мы немедленно начали бы и довели бы до конца освобождение народов, угнетенных великороссами; 4) мы ни на минуту не обманываемся, что такие условия были бы неприемлемы не только для монархической, но и для республиканской буржуазии Германии, и не только для Германии, но и для капиталистических правительств Англии и Франции.

Нам пришлось бы вести революционную борьбу против немецкой—и не одной только немецкой—буржуазии. Мы пове-

ли бы ее. Мы не пацифисты. Мы противники империалистских войн из-за раздела добычи между капиталистами, но мы всегда об'являли нелепостью, если бы революционный пролетариат зарекался от революционных войн, которые могут оказаться необходимыми в интересах социализма.

Задача, которую мы обрисовали в номере 47-ом «Соц.-Дем.», гигантски велика. Она может быть решена только в длинном ряде великих классовых битв между пролетариатом и буржуазией. Но не наше нетерпение, не наши желания, а об'ективные условия, созданные империалистской войной, завели все человечество в тупик, поставили его перед дилеммой: или дать погибнуть еще миллионам людей и разрушить до конца всю европейскую культуру, или передать власть во всех цивилизованных странах в руки революционного пролетариата, осуществить социалистический переворот.

Русскому пролетариату выпала на долю великая честь начать ряд революций, с об'ективной неизбежностью порожденных империалистской войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран. Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, быть может, очень короткое время, застрельщиком революционного пролетариата всего мира.

Россия—крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян - помещиков, на основе опыта 1905 года может придать громадный размах буржуазно - демократической революции в России и сделать из нашей революции пролог всемирной социалистической революции, ступеньку к ней.

В борьбе за эти идеи, всецело подтвержденные и опытом 1905 г. и весной 1917 г., сложилась наша партия, непримиримо выступая против всех остальных партий, и за эти идеи мы будем бороться впредь.

В России не может непосредственно и немедленно победить социализм. Но крестьянская масса может довести неизбежный и назревший аграрный переворот до конфискации и всего необ'ятного помещичьего землевладения. Этот лозунг выставляли мы всегда и его выставили теперь в Петерб. и Ц. К. нашей партии и газета нашей партии «Правда».

За этот лозунг будет бороться пролетариат, нисколько не закрывая себе глаз на неизбежность ожесточенных классовых

столкновений между сельско-хозяйственными наемными рабочими и примыкающими к ним беднейшими крестьянами и зажиточными крестьянами, которых усилила столыпинская (1907—1914) аграрная «реформа». Нельзя забывать, что 104 крестьянских депутата в первой Думе (1906) и во второй (1907) выдвинули революционный аграрный проект, требующий национализации всех земель и распоряжения ими, через местные комитеты, выбранные на основе полного демократизма.

Подобный переворот сам по себе отнюдь не был бы еще социалистическим. Но он дал бы громадный толчек всемирному рабочему движению. Он чрезвычайно укрепил бы позицию социалистического переворота в России и его влияние на сельскохозяйственных рабочих и на беднейших крестьян. Он дал бы возможность городскому пролетариату, опираясь на это влияние, развить такие революц. организации, как «Советы раб. деп.», заменить ими старые орудия угнетения буржуазных государств, армию, полицию, чиновничество, провести—под давлением невыносимо тяжелой импер. войны и ее последствий—ряд революционных мер для контроля за производством и распределением продуктов.

Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистическую революцию. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который в известном смысле начнет ее. Он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего главного, самого надежного сотрудника, европейского и американского социал-пролетариата.

Пусть маловеры предаются отчаянию по поводу временной победы в европ. социализме таких отвратительных лакеев империалисткой буржуазии, как Шейдеманы, Легины, Давиды и К^0 в Германии, Самба, Гед, Ренодель и К^0 во Франции, фабианцы и «лабуристы» в Англии. Мы твердо убеждены, что эту грязную пену на всемирном рабочем движении сметут быстро волны революции.

В Германии уже кипит настроение пролетарской массы, которая так много дала человечеству и социализму своей упорной, настойчивой, выдержанной, организационной работой в течение долгих десятилетий европейского «затишья» 1871—1914 г.г. Будущее германского социализма представляют не изменники Шейдеманы, Легины, Давиды и К^0 и не такие колеблющиеся, придавленные рутиной «мирного» периода политики, как Гаазе, Каутский и им подобные.

Это будущее принадлежит тому направлению, которое дало Карла Либкнехта, которое создало группу «Спартака», которое вело пропаганду в Бременской «Арбейтерполитик».

Об‘ективные условия империалистской войны служат порукою в том, что революция не ограничится первым этапом русской революции, что революция не ограничится Россией.

Немецкий пролетариат—вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции.

Когда наша партия выставила в ноябре 1914 г. лозунг «превращения империалистской войны в гражданскую войну» угнетенных против угнетателей за социализм, этот лозунг был встречен враждой и злобными насмешками социал-патриотов, недоверчиво-скептическим, бесхарактерно-выжидательным молчанием с.-д. «центра». Немецкий социал-шовинист, социал-империалист Давид назвал его «сумасшедшим», а представитель русского и англо-французского социал-шовинизма, социализма на словах, империализма на деле г. Плеханов назвал его «грезофарсом» (Mittelding zwischen Traum und Komödie). А представители «центра» отделывались молчанием или пошлыми шуточками по поводу этой «прямой линии, проведенной в безвоздушном пространстве».

Теперь после марта 1917 г. только слепой может не видеть, что этот лозунг верен. Превращение империалистской войны в гражданскую становится фактом.

Да здравствует начинающаяся пролетарская революция в Европе.

По поручению от‘езжающих товарищей членов Р.С.-Д.Р. Партии (об‘единенной Центральным Комитетом), принявших это письмо на собрании 8 апреля н. ст. 1917 г.

Н. Ленин.

СОДЕРЖАНИЕ.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: Проспект 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки“.

Москва: Московское отделение издательства „ПРИБОЙ“, Петровские линии, под'езд № 1. Телеф. 2-24-09.

Харьков: Издательство „Пролетарий“.

